

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
им. Р.Г. КУЗЕЕВА УНЦ РАН
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИЭИ УНЦ РАН

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы V Всероссийской
научно-практической конференции молодых ученых
Уфа, 20 октября 2011 г.

Уфа 2011

УДК 39
ББК 63.5(2)
Э 91

Издание подготовлено в рамках проекта «Школа молодых этнологов»
Программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых»

Печатается по решению Ученого Совета Учреждения Российской академии наук
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева
Уфимского научного центра РАН

Редакционная коллегия:

*А.Т. Ахатов, С. Л. Воробьева, Э. В. Камалеев,
к.полит. н. Р.М. Мухаметзянова-Дуггал, З.Р. Хабибуллина,
З. Ф. Хасанова*

Ответственный редактор:

к.и.н. А. И. Тузбеков

Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность:
материалы V Всероссийской научно-практической конференции молодых
ученых. – Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. – 228 с.

ISBN 978-5-90287-022-7

В сборник вошли доклады и выступления участников V Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (г. Уфа, 20 октября 2011 г.), в которой приняли участие представители Екатеринбурга, Казани, Москвы, Оренбурга, Самары, Уфы, Чебоксар, Магнитогорска, Троицка, Нефтекамска, Бирска. В материалах сборника представлены исследования по актуальным проблемам археологии, истории, этнографии, религиоведения, межкультурного взаимодействия и сохранения этнокультурных традиций в современных условиях. Статьи печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-5-90287-022-7

© Коллектив авторов, 2011
© ИЭИ УНЦ РАН им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН

Алжейкина Г.В.

Самодетельное искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны*

В годы Великой Отечественной войны самодетельное искусство Чувашии приобрело огромное значение как одно из средств идейно-политического воспитания и организации культурного досуга населения. В первые годы войны самодетельное искусство республики как социально-культурный феномен серьезно ослабляет свои позиции. Это было связано с объективными социальными процессами – советское общество и жители Чувашии на себе ощущали и осознавали проблемы, связанные с войной. Результатом этого стала существенная переоценка многих духовно-нравственных ценностей и та социокультурная ситуация, при которой в общественном сознании, в повседневном образе жизни самодетельное искусство оказалось далеко не на первом месте. Так, в отчете, направленном в отдел самодетельности Комитета по делам искусств при СНК СССР, находившемся тогда в Томске, указывалось наличие в республике всего 125 хоровых и музыкальных и 357 драмкружков¹.

Многие руководители кружков из Чувашии стали организаторами армейской художественной самодетельности. В одном из архивных документов сохранились воспоминания чувашского композитора Г.Г. Лебедева: «Участники Тогаевского хора, в том числе и его руководитель, ушли на фронт. Но и там, на линии огня, песня помогала им побеждать. Арсений Петрович Петров в своей части явился организатором солдатского хора»². В то же время сохранившиеся в тылу самодетельные хоровые коллективы старались поднять боевой дух народа. «В годы Отечественной войны, – пишет Г.Г. Лебедев, – хор своими задорными песнями воодушевлял колхозников на трудовые подвиги в тылу во имя победы над врагом»³.

В этот сложный период в клубных учреждениях республики получили распространение постоянно действующие лектории, где систематически проводились эпизодические лекции и циклы лекций и докладов. Во многих избах-читальнях, клубах, Домах и дворцах культуры были организованы кинолекции на различные темы, частыми стали коллективные прослушивания радиолекций. Тематика этих лекций и докладов была ограничена двумя основными блоками: информация о ходе военных действий (рассказы о героических подвигах советских воинов и зверствах фашистов, рассказы о героях прошлого, изучение оружия и навыков ПВХО) и пропаганда агротехнических знаний, достижений науки и техники⁴.

---

* Работа выполнена при поддержке проекта РГНФ 11-11-21008 а /В

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 1581. Оп. 1. Д. 346. Л. 2.

² Поет чувашский народ / Сост. В. Ржанов. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1962. С. 63.

³ Там же. С. 61.

⁴ См.: Самодетельное творчество в СССР: Очерки истории. 1930-1950 гг.: В 2 кн. / Гос. ин-т искусствознания, М-во культуры Российской Федерации; редкол.: Л.П. Солнцева и др. М., 1995. Кн. I. С. 74.

Такое положение сохранялось фактически до середины 1943 г, когда наступил коренной перелом в ходе военных действий. Эмоциональный подъем, вызванный наступлением Рабоче-крестьянской Красной Армии, а также организационные усилия политических и исполнительных органов власти, связанные с социально-психологической реабилитацией и адаптацией населения, способствовали постепенному развертыванию художественно-массовой работы и любительского художественного творчества. Это, в частности, проявилось в подготовке и проведении серии смотров художественной самодеятельности.

По существу, уже к 1943 г. была восстановлена система крупномасштабных конкурсно-смотровых форм художественной культуры. 11 сентября 1943 г. СНК РСФСР утвердил «Положение о проведении смотра художественной самодеятельности в сельских местностях и районных центрах РСФСР». Основными задачами смотра были названы «дальнейшее развитие художественной самодеятельности, вовлечение колхозников, колхозниц, сельской интеллигенции», «выявление наиболее способных участников и коллективов художественной самодеятельности для показа их достижений широкой общественности», «повышение идейно-художественного уровня самодеятельных коллективов и пополнение их репертуара»¹.

С 1943 г. оживилась работа республиканского Дома народного творчества. В марте состоялись выезды консультантов-методистов Дома народного творчества в Шумерлинский, Вурнарский, Чебоксарский, Красноармейский, Цивильский, Ишлейский, Урмарский, Канашский районы. Основной целью этих поездок являлась подготовка к смотру (провести его намечалось с 1 апреля по 1 июня 1943 г.); выявление и организация новых самодеятельных кружков; методическая помощь. В результате проведенных мероприятий и поступающих сведений из районов было выявлено, что по республике на 1 мая 1943 г. фактически работало 389 драматических и 168 хоровых и музыкальных кружков. В Чебоксарах при заводах, предприятиях, учреждениях действовало 42 драматических и 20 хоровых и музыкальных кружков. Все самодеятельные коллективы, как правило, оказывали шефскую помощь в воинских частях и госпиталях. Дом Красной Армии в Чебоксарах активно работал в этом направлении, например, в январе и марте 1943 г. были проведены смотры участников армейской художественной самодеятельности.

Значительная работа по художественному обслуживанию населения проводилась лучшими хоровыми коллективами республики: колхозным хором деревни Тимер-Кассы Шихазанского района (руководитель Кузнецов), хором Марпосадского ДСК (руководитель А.Н. Тогаев), хором Порецкого ДСК, Мамышевским хором, хором Цивильского района (руководитель И.М. Иванов). Не хватало репертуара о Великой Отечественной войне, как для драматических, так и для музыкальных кружков. Поэтому Дом народного

---

¹ Политпросветработа. 1943. № 10. С. 45.

творчества продолжал распространять получаемые из Москвы разнообразные драматические пьесы и музыкальные произведения. Намечалось также издание сборника песен чувашских композиторов. В марте 1943 г. начался сбор фольклора в районах Чувашии и Чебоксарах, но из-за неурядиц, связанных с военной обстановкой, материалы поступали в небольшом объеме.

В самодеятельном искусстве военных лет развивались две тенденции – с одной стороны планомерно возрождались формы организованной, клубной самодеятельности, с другой – активизировались стихийно-бытовые формы творчества. И если сценические хоры народной песни, ансамбли песни и пляски демонстрировали монолитность и единство народа, то сценические формы показа народного творчества послужили своеобразным консервантом некоторых обрядовых форм аутентичного фольклора. Так, например, в ходе Второго всероссийского смотра массовым явлением стали «театрализованные народные представления, преимущественно инсценировки свадеб, посиделок, гуляний, качелей, которые показывали сельские коллективы Московской, Костромской, Свердловской, Ленинградской и других областей»¹.

В самодеятельных коллективах Чувашской АССР также широко использовалось песенное, инструментальное и танцевальное многообразие обряда чувашской свадьбы. Так, композитор А.Н. Тогаев еще в 1941 г. осуществил замысел создания инсценировки свадебного обряда чувашей, которая в военные годы широко использовалась народными коллективами в смотрах.

Активизацию традиционных фольклорных форм бытования и распространения во время Великой Отечественной войны в современных исследованиях связывают с нарушениями в функционировании опорных механизмов государственной культуры, ослаблением давления государственных органов на культуру². Поэтому, на наш взгляд, в возрождении этих жанров заключалось истинное значение и результат военных сельских смотров в отечественной культуре. В войну извечный обрядовый мотив женской доли приобретал реальный трагический смысл.

Состояние художественной самодеятельности в районах республики на 15 ноября 1943 г. характеризовалось следующими данными. При домах культуры, избах-читальнях и колхозных клубах были организованы и действовали 250 драматических, 130 хоровых, 15 шумовых, 90 танцевальных кружков и 120 кружков художественных чтецов-агитаторов (всего 605). При районных школах действовали 670 драматических, 400 хоровых, 40 музыкально-шумовых, 180 танцевальных кружков и 145 кружков художественных чтецов-агитаторов (всего 1435). Количество участников в указанных кружках составляло 12150 человек: в драматических – 4100, в

---

¹ Политпросветработа. 1945. № 7-8. С. 8.

² См.: Самодеятельное творчество в СССР... С. 71.

хоровых – 250, в музыкальных – 400, в танцевальных – 1300, в художественных чтецов-агитаторов – 1100.

Во время войны в учреждениях и на предприятиях городов республики возникали новые самодеятельные коллективы. Например, в январе 1942 г. в газете «Красная Чувашия» было помещено объявление об организации в Доме народного творчества (размещался в Чебоксарах по улице Герцена в доме № 9) ансамбля песни и пляски. Приглашались певцы, музыканты-струнники, танцоры. В январе в Доме народного творчества проводились вечера «Самодеятельного джаза». При клубе Канашского вагоноремонтного завода был организован самодеятельный джазовый оркестр под руководством Привальцева, который пользовался большим успехом среди населения¹.

Домом народного творчества в 1944 г. активно проводилась репертуарная работа. Городские и районные кружки художественной самодеятельности по мере возможности снабжались литературными и музыкальными произведениями. Приведем несколько фактов. Только с 1 января по 1 июля 1944 г. было распространено:

- музыкальной литературы (песен) 1900 экземпляров на сумму 2676 рублей.

- пьес на русском и чувашском языках 550 экземпляров на сумму 1900 рублей.

Чувашгосиздат в начале марта 1944 г. выпустил более тысячи одноактных пьес на чувашском языке. Для смотров художественной самодеятельности были напечатаны по сто экземпляров песни чувашских композиторов: «Белая роза», «Песня борьбы» Ф.М. Лукина, «Песня колхозной девушки» В.П. Воробьева, «Солнечная родина», «Песня героев» Г.Г. Лискова, народные песни «Не гнишь, орешник», «Лес зеленый шумит». Работники Дома народного творчества разослали в районы республики 315 сборников на чувашском языке.

На русском языке распространялась преимущественно музыкальная литература, присланная из Москвы. Это были романсы русских композиторов, песни современных советских композиторов. Перечислим некоторые из них.

1. Сборники песен М.И. Блантера, К.Я. Листова, братьев Покрасс в количестве 30 экземпляров.

2. Романсы М.И. Глинки «Сомнение», «Не пой, красавица, при мне», «Попутная песня», «Победитель», «В крови горит огонь желанья», «Не искушай» в количестве 15 экземпляров.

3. Романс М.П. Мусоргского «Под Доном сад цветет» – 8 экземпляров.

4. Романс А.С. Даргомыжского «Свадьба» – 15 экземпляров.

5. Сборник песен композиторов Ленинграда – 20 экземпляров.

---

¹ Красная Чувашия. 1942. 4 января. № 3 (6509).

б. Целый ряд песен отдельными листовками: «Боевая саперная» – 270, «Провожальная» С.А. Каца – 140, «Песня западного фронта» М.И. Блантера – 140 экземпляров и еще 46 названий в количестве всего 1900 экземпляров.

Кроме того, осуществлялись заказы художественных произведений на местном материале, лучшие из них включались в программы выступлений на смотрах.

В годы войны усилилось взаимодействие работников профессионального творчества и самодеятельного искусства. Бригады Чувашской государственной филармонии помогали самодеятельным танцевальным кружкам в постановке ряда чувашских, русских и украинских танцев, имевших большой успех в смотрах. Работники Дома народного творчества вместе со специалистами культурно-просветительных учреждений республики неоднократно выезжали в районы для оказания методической помощи кружкам. Проводились консультации по организации смотров художественной самодеятельности с членами сельских смотровых комиссий и руководителями кружков, а также по творческой работе сельских кружков, агитбригад.

В документах Управления по делам искусств при СНК РСФСР отмечалось, что концертные бригады во время пребывания на селе не должны ограничиваться концертным исполнением, а вести более глубокую работу. В частности, следовало, чтобы концертные бригады помогали художественной самодеятельности, «разучивали с молодыми девушками, школьниками новые антифашистские оборонные песни, песни о труде, о колхозной деревне, оставляли местным кружкам художественной самодеятельности наиболее популярный материал своей бригады»¹.

В научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук сохранились документальные свидетельства по организации в 1942 г. агитбригад и художественной самодеятельности на время уборочной кампании в Козловском, Урмарском и Янтиковском районах Чувашии. Эти записи были сделаны заслуженным деятелем искусств Чувашской АССР В.П. Воробьевым². Совместно с Управлением по делам искусств при СНК ЧАССР в мероприятиях участвовали районные комитеты и отделы агитации Чувашии. По прибытии в район, В.П. Воробьевым составлялся список участников агитбригады. Так, в Козловском районе руководителем агитбригады являлась К.З. Осипова – заведующая агитационно-массовым отделом райкома. В состав бригады обычно входили также представители райздрава, агроном и 6-8 артистов: певцы, декламаторы, танцоры и гармонист, которые готовили небольшие постановки, организовывали «живые» газеты. Примерная программа состояла из вступительного слова руководителя бригады, где говорилось о помощи тыла фронту, о быстрейшей уборке урожая, об ударниках данного колхоза, о

---

¹ ГИА ЧР. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 323. Л. 20.

² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. VI. Ед. Хр. 89. Инв. № 182. Л. 293.

недостатках; выступления хора и отдельных исполнителей на тему Отечественной войны; декламации на чувашском языке, танцев; выступления агронома или медработника; небольшой инсценировки пьесы на чувашском языке.

В Урмарском районе В.П. Воробьевым была организована художественная бригада из 11 человек (певцов, танцоров, декламаторов и баяниста) преимущественно из учеников и учителей средней школы с руководителем – школьным инспектором Н.М. Бурмистровой. В продолжение четырех дней усиленных репетиций по 12 часов (с 9 ч. утра до 21 ч. вечера) была подготовлена следующая программа выступлений:

1. Вступительное слово Н.М. Бурмистровой.

2. Хор «Пурёнмашкён пурнё= тулэх» музыка Г.Г. Лискова, «Стахановла .=лесен» обработка А.Н. Тогаева, «Сестра» музыка В.П. Воробьева.

3. Декламация стихов П. Хузангая и Я. Ухсяя.

4. Чувашская парная женская пляска в исполнении А. Ергачевой и А. Шершиевской. Чувашская мужская пляска.

5. Песня «Я на подвиг тебя провожала» музыка И. Дунаевского в исполнении учительницы Кирилловой.

6. Русская пляска.

7. «Священная война» А.В. Александрова.

8. «Украинский гопак».

Творческая бригада в колхозах участвовала в уборке озимых ржи, а в обеденный перерыв давала короткие выступления в поле. Выступление бригады проходило с большим успехом, об этом появилась статья в газете «Красная Чувашия» за 15 августа 1942 г. под названием «Агитбригада в колхозе». С окончанием уборочной кампании работа агитбригады временно приостановилась. Из отчета Н.М. Бурмистровой: «Маршрут агитбригады был дан РК ВКП(б): Мусирмы, Кубеснеры, Чубаево, Большое Янтиково. Работу агитбригада проводила в поле, непосредственно среди колхозников, причем каждая бригада обслуживалась отдельно, так как расстояние между бригадами было 4-5 км. До выступления или после члены бригады помогали колхозникам в уборке урожая (вязали снопы, жали серпом). Во время работы вели беседы с отдельными колхозниками о положении на фронтах, разъясняли колхозникам сведения о получении пособий, пенсий.

Затем шло художественное выступление, куда входили песни хора, соло, декламация стихотворений на русском и чувашском языках, чувашские и русские пляски, частушки. Большинство выступлений протекало там, где находилась полевая колхозная столовая. Агитбригада обслужила четыре больших колхоза с шестью бригадами (Мусирмы, Кубеснеры, Чубаево, Б-Янтиково). Работой агитбригады колхозники оставались исключительно довольны. Питанием и квартирой все колхозы обеспечивали вполне хорошо»¹.

---

¹ НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 89. Инв. № 182. Л. 306.

19 августа 1942 г. в отчете о проделанной работе В.П. Воробьев пишет: «Прибыв в Янтиково, я совместно с секретарем райкома тов. Яковлевой составил ориентировочный план выступлений агитбригады, взяв за основу план Урмарского района; тов. Яковлева по моему предложению выделила дополнительно несколько человек в пополнение состава бригады. При мне отправились 3 товарища, взяли с собой переведенную на чувашский язык пьесу – драматический этюд А. Бородина «Аксинья»... Отсутствие гармониста поставило бригаду в чрезвычайно затруднительное положение... В продолжение дня бригада на полях собирала материал о работе колхозников, весь собранный материал обрабатывался руководителем агитбригады т. Серовым М. (инспектор РОНО) в форме частушек, живой газеты... В тот же день моего прибытия в Янтиково я отправился в Новьшино (18 км) для того, чтобы оказать реальную помощь бригаде. Тотчас по прибытии на место я разыскал бригаду. Ознакомил бригаду с конкретным планом и начал репетицию к вечернему выступлению по выработанной программе. Успели разучить 5 песен, подготовили чувашскую пляску, декламацию, частушки из местной жизни данного колхоза... После окончания выступлений устроили короткий анализ вечернего выступления... Весь следующий день использовали на репетиционную работу бригады. На следующий день в обеденный перерыв устроили производственное совещание... На этом совещании по моей просьбе принял участие уполномоченный НКВД тов. Федосеев... На третий день еще раз прорепетировали всю программу: хор, танцы, декламацию. Художественная ценность бригады с каждым днем выступлений должна качественно улучшаться. Существует правило, что «авторитет надо завоевать упорным трудом»¹.

Значительную поддержку самодеятельному искусству оказывали республиканский радиокomitee, а также печатные органы. Например, по радио неоднократно оповещался ход подготовки к смотрам художественной самодеятельности. Выступления самодеятельных коллективов неоднократно транслировались по радио. Радиокomitee был получен ряд положительных отзывов и заявок на концерты. О работе художественной самодеятельности и подготовке к смотру говорилось в статьях и заметках республиканской газеты «Чăваш коммуни».

Первое полугодие 1945 г. ознаменовалось чрезвычайным подъемом всех видов художественной самодеятельности в Чувашии. Близость победы, успехи Красной Армии на всех фронтах Великой Отечественной войны вдохновляли работу самодеятельности и сообщали ей тот небывалый подъем, который трудно переоценить по степени его влияния на массы зрителей, на то, с каким энтузиазмом принимались выступления самодеятельных артистов. Состояние художественной самодеятельности в городах и районах Чувашии почти приблизилось к довоенным данным и увеличилось до 1 299, количество участников в них возросло до 15 807 человек.

---

¹ НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 89. Инв. № 182. Лл. 293-294.

Из заметных событий того времени необходимо отметить вторичную киносъёмку хора села Мало-Маклашкино (первая, для киножурнала, состоялась в мае 1938 года)¹.

Таким образом, самодеятельное искусство в Чувашии в годы Великой Отечественной войны развивалось, несмотря на трудности войны, тяга населения республики к культуре, самодеятельному искусству не угасала. Участники художественной самодеятельности находили возможность после трудовых будней давать шефские концерты в колхозах, в госпиталях и воинских частях. Зачастую платные концерты давались в Фонд обороны, в пользу семей фронтовиков. По неполным данным кружками художественной самодеятельности по Чувашской АССР только за 1944 г. было собрано 70 тыс. рублей.

С самого начала Великой Отечественной войны оперативно перестраивалась государственная политика в области самодеятельного искусства, отвечая новым условиям военного времени. Это давало возможность участникам художественной самодеятельности вносить посильный вклад в достижение победы. Понадобились огромные усилия оперативной перестройки содержания выступлений самодеятельных коллективов республики, создаваемых концертных бригад, чтобы привести их в соответствие чрезвычайной ситуации, усилить их роль в укреплении боевого духа народа.

Руководители и участники художественной самодеятельности средствами художественной агитации и пропаганды оказывали активную помощь партийным и советским организациям, колхозам, совхозам, МТС в выполнении плана сельскохозяйственных работ. Видное место в репертуаре концертных бригад занимали оборонные антифашистские произведения советских авторов, произведения художественной классики и народного творчества – песни, частушки, пляски, отображающие народный юмор, песни, прославляющие героев, песни о колхозном труде, колхозной деревне, зажиточной жизни.

Творческие работники, деятели культуры и искусства Чувашии внесли значительный вклад в дело победы. Они не допустили ощущения катастрофы в стране, вместе с советским народом встали на защиту Родины, подчинили свою работу интересам фронта, пересмотрели репертуар, создали концертные бригады для выступлений в госпиталях, воинских частях и в частях действующей армии. Одной из главных задач творческой интеллигенции было утверждение в массовом сознании народа жизнеутверждающей надежды на скорую победу.

© Алжейкина Г.В., 2011.

---

¹ Алжейкина Г.В. Музыкальная культура Чувашии в годы Великой Отечественной войны: монография / Г.В. Алжейкина. Чебоксары: Чувашский государственный институт культуры и искусств, 2010. С. 149.

Идейно-духовные корни башкирского молодёжного движения

Башкирское молодёжное движение так же, как молодёжные движения других народов нашего края, зародилось и развивалось в условиях кризисов, революций и войн (Первой мировой, Гражданской) в первых десятилетиях XX столетия. В последнее время начали появляться публикации по истории и современного состояния башкирского молодёжного движения¹, что, конечно, вносит существенное пополнение в историографию истории Башкортостана. Однако остаются невыясненными многие аспекты истории социальных движений в крае, в том числе и молодёжного движения. Прежде всего, совсем не исследованы идейные и духовные корни зарождения и становления союзов молодёжи многонационального региона, идеологии башкирского молодёжного движения.

Идейно-духовной основой организации башкирской молодёжи, нравственного воспитания и обучения детей и юношества являлись идеи и практическая деятельность трёх поколений – старшего, среднего и младшего (по существу, последнего перед революцией) – просветителей-гуманистов. Первое было представлено классиками башкирского просвещения Ш. Заки, М. Акмуллой, Ш. Аминевым-Тамьяни, З. Расулевым, М.-С. Уметбаевым и др. Второе представляли основатели и практики джадидизма З. Камали, Р. Фахретдинов, С. Якшигулов и др. Особенное место занимали представители последнего, предреволюционного поколения просветителей – С. Мерясов, Г. Рафики, Н.-А. Тагиров, А.-З. Валидов и др.

К середине XIX столетия в социальной истории народов России наступает переломный период – период коренных реформ, существенного обновления и в некоторой степени эмансипации личности подданных империи, в том числе молодёжи. После упразднения кантонной системы управления в Башкирии в 1865 г. и начала интеграции башкир в гражданское общество происходит формирование национальной интеллигенции и интеллектуализация башкирского социума. Этот период с полным основанием на то можно назвать эпохой башкирского просвещения.

Конечно, башкирское просветительство развивалось под непосредственным влиянием великой русской культуры и передовой общественной мысли. Так, ещё во второй половине XVIII в. проявил себя башкир Миндияр Бикчурин (Бекчурин), служивший российскому государству. Он, коллежский асессор, составил в 80-е гг. XVIII в. первый русско-башкирский словарь. Наряду с этим словарём в Петербургском

---

¹ См.: Масалимов Р.Н. Докомсомольская история молодёжного движения в Башкирии // Башкиры в составе Российской Федерации: История, современность, перспективы: Материалы науч.-практ. конф. Ч. 2. Уфа, 2010. С. 181-184; Масалимов Р.Н. Башкирское молодёжное движение в период борьбы за национальную автономию (1917-1919 гг.) // Истоки российского федерализма в свете провозглашения автономии Башкортостана: Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Уфа, 2007. С. 47-50; Садриев М.М. Молодёжь – будущее страны // Ватандаш. 2002. № 6. С. 8-16; Шакурова Г.Р. Современная молодёжь Башкортостана // Ватандаш. 2006. № 12. С. 192-197; и др.

отделении Архива РАН хранятся ещё несколько словарей, составленных М. Бикчуриным. Все они, кроме русско-башкирского и русско-чувашского являются многоязычными. Как знаток восточных языков, М. Бикчурин был привлечён Оренбургским губернатором в качестве переводчика в дипломатическую работу. В 1780-1781 гг. он участвовал в посольстве Екатерины II к Бухарскому хану.

Во второй половине XIX в. наиболее известными деятелями башкирского просвещения были Мирсалих Бикчурин (1819-1887), Альмухамет Куватов (1827-1888), Мифтахетдин Акмулла (1831-1895), Мухаметсалим Уметбаев (1841-1907) и др. Взглядам этих мыслителей присущ здравый смысл и осознание необходимости светского образования, свободного от религиозного фанатизма и мракобесия. Они все выступают как просвещённые мусульмане, как здравомыслящие последователи ислама, не противопоставлявшие религию науке и образованию.

Как сформулировал выдающийся башкирский философ и российский учёный Дамир Валеев, особенности башкирского просветительства, если суммировать взгляды и концепции его представителей, в целом состоят в следующем:

- поразительно для того времени его высокий интеллектуальный потенциал, ориентированный на проблему человека;
- абсолютизация роли нравственно-этического фактора как важнейшего средства общественного прогресса;
- неполитический характер башкирского просветительства, в нём почти не затрагиваются национальный вопрос, национальное самоопределение, национальное строительство;
- башкирское просветительство было устремлено к этническому самопознанию, к изучению своего народа, его прошлого и культуры¹.

Именно этим объясняется увлечение многих просветителей этнографией и фольклором. Они публиковали исторические статьи в краеведческих сборниках и в периодической печати, публиковали народные песни, легенды, пословицы и поговорки.

Известный башкирский просветитель, выдающийся поэт М. Акмулла, широко известный во всём тюркском мире (особенно среди татар, казахов, каракалпаков и узбеков), большое внимание в своём творчестве уделил морально-этической проблематике. Осмысливая окружающую действительность через призму нравственных оценок, Акмулла выходил к широким философским обобщениям. В назидательно-дидактических стихах поэта, порой граничащих с морализаторством, весьма близких по смыслу к рубаятам Омара Хаяма, видно высокое уважение к человеку, сочувствие его судьбе, сострадание бедным и немощным, а его поучения говорят о желании помочь людям освободиться от духовного и материального порабощения.

А вот ныне почти забытое имя Батыргарая Мухамета Юлуева было известно в специальной этнографической литературе конца XIX в. В журнале

---

¹ См. подробнее: *Валеев Д.Ж.* Очерки истории общественной мысли Башкортостана. Уфа, 1995.

«Этнографическое обозрение» им было опубликовано три статьи. Статьи «К этнографии башкир» и «Аждаха-змей» были помещены в номерах 2 и 3 журнала за 1892 год, а в номере 3 этого же журнала за 1898 год было предание «Башкирские батыри Узьянбай и Кабанбай».

С работами Б.М. Юлуева был хорошо знаком известный русский собиратель музыкального фольклора нашего края С.Г. Рыбаков, который писал о Батыргарее Юлуеве, что «...владея довольно удовлетворительно русским языком, он напечатал ряд статей по этнографии башкир в московском журнале «Этнографическое обозрение».

Необходимо подчеркнуть, что Б.М. Юлуев для своего времени прекрасно знал этнографическую литературу о народах края, в том числе о башкирах. В предисловии к статье «К этнографии башкир» он писал: «Этнография башкир, несмотря на продвинувшуюся вперёд эту отрасль знания, в настоящее время ещё не настолько разработана, чтобы люди, незнакомые лично с бытом этого народа, могли себе представить во всей полноте картину его современной и прошедшей жизни со всеми её особенностями... Пусть это простое, по возможности подробное описание обрядов родного мне народа служит дополнением к тому, что уже писалось о нём на страницах «Этнографического обозрения»¹.

Эти два примера двух выдающихся представителей башкирского просветительства XIX в. – поэта М. Акмуллы и этнографа Б.М. Юлуева – наглядно демонстрируют вышеуказанные его особенности. Первоначальной формой башкирского молодёжного движения, как у большинства народов России, были союзы учащейся молодёжи, сплотившие многочисленные кружки, разнообразные объединения учащихся (шакирдов и талибов) и молодых учителей (мугаллимов) мусульманских и других учебных заведений. По численности молодая национальная интеллигенция и учащиеся намного уступали крестьянской и рабочей молодёжи, тем не менее представляли собой самую активную и социально дееспособную силу общества.

Главными центрами башкирского молодёжного движения были медресе «Хусаиния» (Оренбург), «Расулия» (Троицк), «Галия» (Уфа), а также медресе и мектебе крупных сельских поселений (Асян, Ахун, Бурай, Кармаскалы, Кузян, Стерлибаш, Утяк и др.). Многочисленные мелкие объединения и кружки мусульманской молодёжи Оренбургской, Уфимской, Самарской губерний вели, как правило, культурно-просветительную работу среди башкирского населения. Но уже многие молодые башкиры задумывались о путях достижения национального освобождения и оптимального социально-политического устройства своей нации.

Подъём национально-освободительной борьбы народов после Февральской революции 1917 г. создал предпосылки для развёртывания массового движения национальной молодёжи. Отделение от

---

¹ Кулбакова Л.А., Масалимов Р.Н. Особенности башкирского просветительства // Наука в школе и вузе: Материалы научной конференции аспирантов и студентов. Ч. II. Бирск, 2008. С. 247-248.

общемусульманского движения и формирование самостоятельного башкирского национального (по сути революционно-демократического) движения и провозглашения 15 (28) ноября 1917 г. территориальной национальной автономии Башкортостана в составе демократической (к тому времени уже ставшей советской) России позволили приступить к формированию самостоятельного Союза («Берлек») башкирской молодёжи. 18 (31) декабря 1917 г., в ходе работы III Всебашкирского (Учредительного) курултая его молодые делегаты и представители мусульманской молодёжи г. Оренбурга и башкирских волостей губернии объявили о создании Союза башкирской молодёжи под названием «Тулкын» («Волна»). Весной-летом 1918 г. союзы татаро-башкирской молодёжи появились в Челябинске, Орске, Стерлитамаке, Бирске, Бугульме и др. местах.

Лидерами и идеологами башкирского молодёжного движения стали яркие личности, такие, как Ш. Бабич, Г. Иркабаев, Н. Тагиров, Г. Гирфанов, Г. Давлетов (А. Давлетшин), Ф. Ахмадуллин, С. Рахмати, потом, в советское время – Ярлы Карим, Шамун Фидаи, Хади Ишбулатов, Абдулла Амантаев, Хафиз Уральский, Шарифа Тимергалина и др., отдавшие жизнь борьбе за лучшее будущее (кто погиб в гражданскую, кто – от рук кулаков, а многие – в застенках и лагерях НКВД в годы репрессий). Лидеры движения были сами активными участниками общенационального движения. Будучи в основном национальными демократами, организуя многочисленные ячейки и организации Союза в аулах, сёлах, городах, нигде не выдвигали узко национальные требования на первое место, всегда предъявляли их вместе с другими требованиями, прекрасно понимая зависимость социальных и национальных проблем.

Большинство башкирской молодёжи поддерживало национальное Башкирское правительство, лидеров и идеологов Башкирского национального движения. Даже и после перехода на сторону Советов, национальные союзы молодёжи придерживались идеологии ненасильственного национализма, вытекающий из теории и практики «национального коммунизма» («исламского социализма») М.Х. Султангалиева и А.-З.А. Валидова. Однако неразработанность теоретических основ этой идеологии и преобладание конфронтационного мышления в обществе в условиях гражданской войны и диктатуры компартии не позволили башкирскому молодёжному движению иметь в дальнейшем собственные идеологические установки.

После образования Башкирской АССР и окончания гражданской войны национальное молодёжное движение агонизирует. Национальные союзы молодёжи постепенно вытесняются и поглощаются комсомолом. Создание в октябре 1920 г. Башкирской республиканской организации РКСМ (кстати, её 90-летие отметили в республике с размахом), жестокое подавление башкирского повстанческого движения во второй половине 1920 г. и, наконец, страшный голод 1921-1922 гг., спровоцированный «военным коммунизмом», привели к ликвидации Башкирского молодёжного движения. Были попытки его возрождения в начале 1923 г. (т.н. «Научное общество»), в 1927-1928 гг. (сопротивление «Яналифу» и т.д.), но безуспешно. В обществе

победили «демократический» централизм и сталинский «интернационализм», где места национальным союзам молодёжи не было и не могло быть.

© Аминова Э.Т., Масалимов Р.Н., 2011.

Ахатов А.Т.

Развитие охоты у курганских башкир во второй половине XVIII – начале XX вв.

На протяжении длительного периода времени, в хозяйственном комплексе башкир большую роль играли присваивающие отрасли хозяйства, среди которых особое место принадлежало охотничьему промыслу. Как указывают письменные источники, охота являлась важной составляющей хозяйства башкир на протяжении X – сер. XVI вв.,¹ продолжая играть значительную роль в их хозяйственной деятельности, и после присоединения к Русскому государству, вплоть до начала XVIII в.²

Постепенно, в связи с истреблением промысловых зверей и переходом к оседлой жизни большинства населения, значение охоты постепенно падало и она начала терять экономическое значение на столь масштабном уровне. В этих условиях правительство начало постепенно заменять ясак натурой денежным эквивалентом³.

Тем не менее, на протяжении всего XVIII в. охота оставалась важной составляющей жизнедеятельности башкир. В середине XVIII в. П. Рычков отмечал, что «по состоянию башкирского народа он ничто столь много не уважает и не бережет, как старинные свои вотчинные земли и отхожие, то есть лесные угодья»⁴.

Постепенно, по мере роста производительности ведущих отраслей хозяйства башкир – скотоводства и земледелия, значение охоты понижалось, и к началу XX в. по свидетельству С.И. Руденко она являлась для башкир уже больше развлечением, чем средством пропитания⁵.

Не смотря на постоянное снижение удельного веса охоты в структуре хозяйственной деятельности башкир, ее основная задача – жизнеобеспечение

---

¹ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1957. С. 60-61; Мажитов Н.А. Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI в. Уфа, 1994. С. 254; Очерки по истории Башкирской АССР. Т. I., Ч. 1. Уфа, 1956. С. 47; История Башкортостана с древнейших времен до 60-ых гг. XIX в. Уфа, 1996. С. 140-148.

² Башкирские шежере / Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р.Г. Кузеева. Уфа, 1960. С. 33, 53, 71-72, 73, 78-79; Книга Большого чертежу / Подготовка к печати и редакция Е.Н. Сербиной. М.-Л., 1950. С. 139; Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.- Л., 1936. С. 74, 77-79, 82, 89, 94, 96, 100, 101, 103, 107, 119, 125, 132, 211.

³ Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 70-71

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии. С. Петербург, 1762. Ч. 2. С. 226.

⁵ Руденко С.И. Башкиры: опыт этнологической монографии. Ч. 2. Быт башкир. Л., 1925. С. 12.

населения, оставалась неизменной. Под влиянием различных причин менялись только способы и приемы добычи диких животных и птиц. Данную трансформацию на протяжении второй половины XVIII – начала XX вв. можно проследить на примере башкирского населения Курганской области.

Предки современных курганских башкир переселись в пределы изучаемого региона не только со сложившимися скотоводческими традициями, дополненными развитием определенных земледельческих навыков, но и привнесли с собой все охотничьи способы и приемы, известные башкирам на тот период времени, адаптировав их к местным условиям.

С.И. Руденко, собиравший большое количество материала и среди курганских башкир, в начале XX в. выделял три группы приемов и орудий охоты у башкир. Наиболее «многочисленную группу, таежную группу», представляли собой преследование на лыжах по глубокому снегу или по насту крупных животных, ловлю зверей ударными капканами или ловушками, стрельбу зверя и птицы из лука, ловлю птиц перевесами, охота на медведя у берлоги с рогатиной.

Вторая, «степная группа» заключалась в преследовании зверей на лошадях, с собаками или без собак, в охоте с ловчими птицами, преимущественно с соколами.

К третьей группе относились, ловля зверей и птиц петлями, зверей – железными тарелочными капканами, ловля птиц западнями на хлебах, покрытие шатрами, охота на тетеревов с подъезда и на чучело и другие виды ружейной охоты.

Если третья группа была распространена среди всех башкир, то первая и вторая группы в отличие от последней были достаточно строго локализованы в северной и лесной горной части проживания башкир и в степных и лесостепных районах соответственно¹.

Учитывая, что на протяжении всей второй половины XVIII в. часть башкирского населения изучаемой территории проводила все время в лесостепной зоне в пределах Миасско-Уйского междуречья, а часть перемещалась на пол года в горнолесную зону². А так же то обстоятельство, что в пределы указанной территории на протяжении всего указанного времени происходил постоянный приток населения с других башкирских дач, все вышеупомянутые способы охоты были известны предкам современных башкир Курганской области.

Более того, нужно иметь ввиду, что расстояния для достаточно мобильных башкирских охотников, по крайней мере, во второй половине XVIII в. не имело значения. По свидетельству И.И. Лепехина, башкиры, жившие, к примеру, в районе Табынска с наступлением зимы «оставляли

---

¹ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки. Перепеч. с изд. 1955 г. (М.; Л.) с изм. и доп. Уфа, 2006. С. 86-87.

² Ахатов А.Т. Скотоводческое хозяйство башкир Миасско-Уйского междуречья во II пол. XVIII в. // Урал-Алтай: через века в будущее: Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Т. II. История. Уфа, 2010. С. 12-15.

свои дома и отъезжали в леса далеко в своих дачах». В то же время их часть практиковала и дальние охотничьи походы «в Киргизские степи»¹.

Во второй половине XVIII в. в зимний период времени среди башкир широко практиковалось преследование крупных животных – оленей и лосей, когда по сообщению И.И. Лепехина башкиры, собравшись «большой артелью» гнали их «иногда целую неделю»².

Данный вид охоты продолжал существовать и в начале XX в. В то время, по свидетельству С.И. Руденко, на востоке Уральских гор в весенний период одним из распространенных приемов охоты была гоньба на лыжах диких коз, лосей по ледяному насту. В некоторых местах башкиры использовали аналогичный способ и для охоты на лис, волков и рысей³.

Гораздо многочисленнее и разнообразнее были приемы ловли зверей с использованием ловушек существовавшие на протяжении всего указанного периода времени. Для ловли волков в зимний период использовали вырытые с осени ямы, а для поимки зайцев и лисиц устанавливали петли, свитые из конского волоса, а позднее и из тонкой проволоки. Иногда зайцев ловили и загоняли в сети. Более сложные ловушки представляли собой устройства прижимавшие зверя своей массой и ударные капканы, выполненные из дерева, которые использовали при ловли разнообразных животных – от мышей и до медведей⁴.

По словам С.И. Руденко, в начале XX в. в степной зоне на базарах продавались особые ловушки на сусликов, представлявшие собой трубку из листового железа диаметром 7-8 см, внутри которых было укреплено шесть острых крючков из толстой проволоки (по три у концов трубы), обращенных остриями внутрь. Ловушки эти вставлялись во входные отверстия норы суслика, войдя в которые животные не могли из них выбраться⁵.

В пределах изучаемого региона, по словам информаторов, был известен другой, более простой способ ловли этих животных, который практикуется детьми и в настоящее время. Обнаружив нору суслика, дети подтаскивают какую-либо емкость с водой (ведро, бутылки и т.д.) и начинают медленно вливать ее в жилище животного. Учитывая небольшие размеры норы, достаточно одного 5-10 литрового ведра, но иногда заливают дополнительно еще некоторое количество воды. После этого они ждут появления суслика в течение 15-20 минут, пока влага не заставит выскочить его из норки. Подмокшее животное теряет способность быстро двигаться, поэтому становится легкой добычей⁶.

При охоте на бобров и выдр повсеместно на реках во второй половине XVIII в. использовали капканы – «инструмент стальной, напряжен или

---

¹ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия академика Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства: в 1768, 1769, 1770, 1771 году. Ч. 2. СПб, 1802. С. 5.

² Там же. С. 4-5.

³ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 63.

⁴ Там же. С. 64, 65, 68.

⁵ Там же. С. 68.

⁶ ПМА, 2001 г.

натянут пружиной, кой, будучи тронут, вдруг стесняет и давит».¹ Однако более массовое использование они получили со второй половины XIX в. когда в зависимости от величины и силы их использовали при ловле разных видов животных².

В пределах изучаемых волостей в конце XIX – первой четверти XX с их помощью охотились в основном на волков, лис, барсуков и зайцев. При этом если на хищников старались ставить капканы у входа в нору, то на зайцев ставили на так называемых «заячьих дорожках» - местах наиболее частого их появления.

При установке капканов соблюдались определенные правила, позволявшие сделать охоту максимально эффективной. Капканы привязывались тонкой и прочной веревкой, а позднее проволокой к близлежащему дереву или камню, сами капканы охотники старались не трогать руками и брали их либо рукавицами, либо куском материи, для того, что бы животные, обладавшие тонким нюхом, не учуяли человеческий запах раньше времени. Для того, что бы сбить их с толку капканы так же обильно натирались травой или землей. Проверялись они рано утром, когда охотник, обходя места охоты, собирал добычу, или в том случае если они были сбиты, заряжал их заново³.

Использование капканов продолжалось и в дальнейшем, вплоть до наших дней. С появлением в 1950-1960 гг. в озерах и болотах края ондатр, повсеместно, в том числе и в башкирских деревнях капканы стали использовать и при ловле этого пушного зверя. С наступлением зимы, когда водоемы покрывались льдом, охотник обходил их в поисках ондатровых хаток, представляющих собой возвышающуюся кучу. Обнаружив жилище этих животных человек, подрывал ее с одного из краев, копая вглубь до прохода, в котором и обитали животные. Проложив лаз, охотник устанавливал там капкан, после чего раскоп заделывался обратно. Таким способом в одной такой «хатке» можно было вылавливать несколько животных этого вида, поскольку в зимний период они обитали в одном жилище семьями⁴.

Древним орудием охоты на зверей и птиц у башкир были луки двух видов – простые (изготовленные из березового или вязового дерева) и сложные (склеиваемые из двух половин – березовой и еловой и обклеиваемой снаружи берестой)⁵. И.И. Лепехин отмечал, что башкиры охотились, «единственно полагаясь на свое проворство и искусство в пускании стрел»⁶.

---

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургская. Ч. 1. СПб., 1762. С. 282, 286.

² Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 67.

³ ПМА, 2001 г.

⁴ ПМА, 2001 г.

⁵ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 64, 65. 68.

⁶ Лепехин И.И. Указ. соч. С. 4.

С помощью лука и стрел охотились в основном на пушных зверей, чтобы не испортить их шкуру – на белок,¹ горностаев,² лисиц, зайцев, куниц и т.д.

Тетивой для луков служили скрученные сухожилия, высушенные кишки животных или растительные – крапивные, конопляные волокна. В длину сложные охотничьи луки достигали до 1,5 метров³. Луки как охотничьи орудия были распространены среди башкир до конца XVIII в., в первой половине XIX в. стали преобладать кремневые ружья, а во второй половине пистонные ружья и берданки⁴. Несомненно, огнестрельное оружие не только улучшало количество добытых животных благодаря большей дальноточности по сравнению с луками, но и делало ее намного безопаснее.

С помощью огнестрельного оружия охотились на кабанов,⁵ медведей,⁶ волков и т.д. В настоящее время в пределах изучаемой территории с охотничьими ружьями так же продолжают охотиться как на хищных (волков, лис) так и травоядных животных (лоси, олени и др.)⁷.

Впрочем, при охоте на хищников в прошлом использовались разнообразные способы охоты, медведей так же убивали с помощью самострелов,⁸ копий⁹, поднимали на рогадины,¹⁰ волков же башкиры убивали «совокупно и всякими образы»¹¹.

При некоторых видах охоты башкиры использовали так же домашних животных – лошадей и собак. Лошади широко использовались в основном при гоньбе животных по первой пороше. С учетом того, что обе волости располагались в лесостепной зоне, этот вид охоты был широко распространен среди местных башкир. На лошадях без собак преследовали главным образом волков, с собаками же – зайцев и лисиц. Выехав в степь по первому снегу, охотники нападали на их следы и определив направление в котором скрылось животное, начинали его преследование. Нагнав или случайно наткнувшись на него начинали его преследование. Загнанного волка они или брали живым, или убивали ударами нагайки по носу¹².

Начиная, по крайней мере, с середины XVIII в. некоторые башкиры держали собак, которые, по словам П.И. Рычкова «к ловле волков и лисиц

---

¹ Рычков П.И. Указ. соч. С. 283. Лепехин И.И. Указ. соч. С. 62.

² Рычков П.И. Указ. соч. С. 286.

³ Шитова, С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир в XIX- начале XX в. // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 72.

⁴ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 70, 71.

⁵ Рычков П.И. Указ. соч. С. 288.

⁶ Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 1. С.-Петербург, 1786. С. 24.

⁷ ПМА 2001, 2009 гг.

⁸ Лепехин И.И. Указ. соч. С. 68-69;

⁹ Паллас П.С. Указ. соч. С. 24.

¹⁰ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 72.

¹¹ Рычков П.И. Указ. соч. С. 284.

¹² Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 72.

натуральную имели склонность»,¹ охотились с их помощью так же и на куниц и медведей².

На протяжении второй половины XVIII «простые собаки»³ принадлежащие башкирам ничем не отличались от собак содержащихся в русских и татарских подворьях,⁴ однако постепенно, к началу XX в. среди охотников-башкир заводились уже собаки специальных пород.

Так, при охоте на зайцев и лисиц они охотились с помощью собак особой породы, отличавшиеся от остальных собак тонкими и длинными ногами, острой мордочкой и легким туловищем похожих на густопсовых борзых. Были у башкир по-видимому и зверовые собаки и других пород⁵. Помимо домашних животных башкирами при охоте на волков, лисиц, куниц, зайцев и птиц иногда использовались ловчие птицы – соколы, ястребы и беркуты⁶.

П.И. Рычков описывал следующим образом охоту с помощью последних на волков и лисиц, распространенную среди казахов: «как увидят зверя, спускают, которого беркут, нагнав, острыми когтями хватает за глаза и за пах или за горло, и так, скорча его, останавливает. А между тем киргизец на лошади наскакав, убивает его копьем или что при нем случится оружие»⁷.

Вместе с тем, в начале XX в. по свидетельству С.И. Руденко башкиры охотились уже только с соколами и ястребами и при том исключительно на уток и гусей. Беркутов они хотя и ловили, но сами с ними не охотились, а продавали казахам⁸.

Вся юго-западная часть современной Курганской области представляет собой лесостепную равнину, перемежевывающуюся большим количеством естественных водоемов – озер и болот. В начале XIX в. из общего количества в 121 820 дес 101 саж земли принадлежащей башкирам Катайской волости 10621 дес 623 саж (8,7 %) располагалось «под болотами» и 12197 дес 651 саж (10 %) под озерами,⁹ в Сарт-Калмакской из 160721 дес 769 саж земли 15384 дес 227 саж (9,5 %) занимали «камышные болота» и 22023 дес 17207 саж озера (13,7 %) ¹⁰.

Большое количество естественных водоемов, а так же лесов, в которых водились гуси, утки, лебеди, куропатки, тетерева, глухари, рябчики, куропатки, перепела и т.д. предопределили широкое развитие птицеводства и охоты на них.

¹ Рычков П.И. Указ. соч. С. 296.

² Паллас П.С. Указ. соч. С. 25.

³ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вере, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. СПб, 1776. С. 93.

⁴ Рычков П.И. Указ. С. 296.

⁵ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 73.

⁶ Георги И.Г. Указ. соч. С. 93; Паллас П.С. Указ. соч. С. 94; Лепехин И.И. Указ. соч. С. 39-40;

⁷ Рычков П.И. Указ. соч. С. 285, 302.

⁸ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 79.

⁹ ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 1009. Л. 25.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 484. Л. 50 об. – 51 об.

В начале XX в. С.И. Руденко в широких размерах наблюдал повсеместно в зауральских озерах сбор яиц диких гусей и уток, а так же различных видов чаек¹.

Собранные яйца по большей частью употреблялись сразу же в пищу, однако некоторую их часть подкладывалась в кладку домашних птиц. Дождавшись когда дикие гусята или утята вылупившись из яиц, подрастали до определенного момента, им подрезали крылья. Таким образом, с весны и до осеннего забоя дикие утки, и гуси находились на башкирском подворье.

Среди башкир Альменевского и Сафакулевского районов до сегодняшнего дня при охоте на птиц существуют определенные запреты. По словам пожилых людей строго настрого запрещалось и запрещается охотиться на лебедей и разорять их гнезда, что несомненно связано с определенными отголосками существовавших среди башкир тотемических воззрений. Запрещено так же разорять гнезда ласточек. Нарушавшего этот запрет, по словам информаторов, ждет суровая кара – смерть близкого человека, пожар на подворье и т.д.².

Самым распространенным способом была птичья охота с помощью петель (тозак), которая устраивалась следующим образом. На мочальную веревку 2-3 метра на равном расстоянии друг от друга прикреплялись от 9 до 16 петель, свитых из конского волоса. С их помощью охотились на тетеревов, уток и глухарей³.

При ловле тетеревов и серых куропаток использовали так же ловушки-западни (япма или әуен), представляющие собой вбитые в землю кольца в виде конуса, основанием кверху. Над ними прилаживались жердочки, к которой привязывалась хлебные колосья или веточки с ягодами калины. Птицы садились на жердочку, пытаясь схватить приманку, она опрокидывалась и птица падала в конус-ловушку, откуда уже не могла выбраться⁴.

В Исетской провинции в прошлом широкое распространение среди охотников имел способ ловли птиц с помощью сетей, так называемых перевесищ,⁵ распространен он был и среди башкир, хотя этот вид ловли птиц и совсем исчез в XIX в.⁶ Вместо него к началу XX в. в Зауралье стали использовать мелкоячеистыми сетками, шатрами (сатыр), крыли зимой серых куропаток и тетеревов, изредка осенью на хлебах ловили гусей и уток. Повсеместно башкиры охотились на водоплавающих птиц так же с луками, используя стрелы с вильчатыми железными наконечниками⁷. В лесостепной зоне башкиры охотились на тетеревов с помощью лошадей: с подьезда и на чучела⁸.

---

¹ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 75.

² ПМА 2001, 2009.

³ Руденко, С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 75.

⁴ Там же. С. 76.

⁵ См. подробнее: Паллас П.С. Указ. соч. С. 422-424.

⁶ Руденко С.И. Башкиры: историко-этнографические очерки... С. 76.

⁷ Там же. С. 78.

⁸ Там же.

Таким образом, как свидетельствуют имеющиеся источники и литература, охота, как вид хозяйственной деятельности курганских башкир на протяжении обозначенного периода времени претерпел значительные изменения. Являясь самой важной из подсобных отраслей хозяйственного комплекса указанной группы до начала XIX в., к рубежу XIX-XX вв. она потеряла свое прежнее значение.

Не смотря на постоянное снижение удельного веса охоты в структуре хозяйственной деятельности курганских башкир, ее основная задача – жизнеобеспечение населения, оставалась неизменной. Под влиянием различных причин менялись только способы и приемы добычи диких животных и птиц, часть из которых были забыты, другие же наоборот, получив дальнейшее развитие, находят широкое применение и в настоящее время.

© Ахатов А.Т., 2011.

Ахмадуллин В.К.

Башкирская интеллигенция конца XIX – начала XX вв.

В дореволюционной России в течение XIX в. происходили сложные этнокультурные процессы, постепенно укреплялось национальное самосознание народов, росло число образованных представителей среди мусульманских поданных империи. В то же время и в среде башкир стала зарождаться национальная интеллигенция. Национальная интеллигенция стала оформляться во второй половине XIX в. как небольшая группа образованных, занятых интеллектуальным, творческим трудом людей.

Интересно привести точку зрения на определение интеллигенции современного философа А.А. Гусейнова: «Интеллигенция – не просто образованный класс («мыслящий пролетариат», по Д. Писареву) и не просто люди, занятые в сфере умственного труда (интеллектуалы). В такой трактовке понятия не было бы ничего специфического. Под интеллигенцией еще мыслится лучший (самый передовой, культурный, ценный) слой людей. Как писал тот же П. Боборыкин в своем гневном отклике на знаменитые «Вехи»: «Интеллигенция, в данном случае русская интеллигенция, состояла из людей высшей умственной и этической культуры». Считается, что она составляет гордость нации, ее духовный центр, призванный притягивать, спланировать, вести за собой все общество.

В одной из последних отечественных дискуссий об интеллигенции академик Н. Моисеев назвал ее «впередсмотрящей». Словом, интеллигенция предстает в русском сознании категорией не только социологической, но и этической, и даже по преимуществу, главным образом этической. Не будет насилом над языком и его смысловой структурой, если сказать, что человек может быть образованным, но не интеллигентным и наоборот:

интеллигентным, но не образованным. Такое возможно именно по той причине, что основным и специфичным признаком интеллигенции считается ее высокая нравственная проба»¹. Башкирская интеллигенция в конце XIX в. была крайне немногочисленна и представлена некоторым числом писателей, ученых, педагогов - таких, как Мифтахетдин Акмулла, Мухаметсалим Уметбаев, Мирсалих Бекчурин, Батыргарей М. Юлуев, Ю.Ю. Бикбов, М. Баишев и др., а также башкирскими политическими деятелями, здесь наиболее известны Шахайдар Сыртланов, его сын Алиаскар Сыртланов, Шахбал Сейфетдинов, Мухаметшакир Тукаев. В начале XX в. станет крупным общественно-политическим деятелем, ученым Ахмет-Заки Валиди.

Башкирская интеллигенция тогда не отделяла себя от мусульманской интеллигенции, пользовалась общим тюрко-татарским языком («тюрки»).

В конце XIX в. наиболее крупными фигурами в башкирской интеллигентской среде, безусловно, были Акмулла и Мухаметсалим Уметбаев. Их влияние на умы башкир и татар сложно переоценить.

Д.Ж. Валеев приводит любопытное высказывание Л. Штернберга о башкирской интеллигенции. Л. Штернберг писал: «Ни в одной среде интеллигенция не была так чужда массе, как в инородческой. Вкусив русского образования, интеллигент пуше всего заботился о том, чтобы как можно скорее смыть с себя печать инородческого происхождения, печать отверженности и приниженности. И народ, сам тяготившийся своей враждебностью, платил ему глубокой враждебностью, видя в нем барина, и ренегата. Освободительный порыв вернул многим народностям их интеллигенцию... Так было и таких народностей, как вотяки, чувашаи, башкиры, черемисы, интеллигенция которых в буквальном смысле слова стыдилась своего происхождения»². Далее добавляет Д.Ж. Валеев: «Эта серьезная нравственная проблемы осознавалась лучше всего учителями-просветителями, которые проводили нелегкую подвижническую деятельность. Тот же автор отмечает, что у башкир «единственным символом национальности ... является союз учителей». Эти союзы одновременно с повышением образовательного уровня массы содействовали пробуждению нравственной энергии»³.

Таким образом, можно говорить о том, что башкирская интеллигенция тогда была в зачаточном состоянии, она формировалась под влиянием русской интеллигенции, татарской, также влияние оказывали восточные мыслители и мусульманские религиозные деятели, такие как Мухаммед Абдо и Джамалетдин Афгани.

Среди российских мусульман, у которых доля лиц с европейским и русским образованием была незначительной, мугаллимы играли роль национальной интеллигенции. К этому общественному слою относились и учителя начальных башкирских и русско-башкирских, татарских и русско-

---

¹ Гусейнов А.А. Слово об интеллигенции // На рубеже веков. № 1. М., 1997. С. 2.

² Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа: Китап, 2001. С. 146.

³ Валеев Д.Ж. Указ. соч. С. 146-147.

татарских школ, выходцы из мусульманской среды. К концу 1911/12 учебного года в Уфимской губернии их насчитывалось 128 человек (из них 13 женщин), в Оренбургской – 36. Вслед за Л. Штернбергом и Л.А. Ямаевой, в историю национальной интеллигенции можно записать представителей низшего мусульманского духовенства, волостных, сельских писарей. Вся сельская «низовая» интеллигенция была непосредственным продуктом внутреннего развития мусульманского общества и свою деятельность осуществляла внутри этого общества.

В отдельную группу из этого состава национальной интеллигенции можно выделить лиц мусульманского вероисповедания, окончившие начальные или среднепрофессиональные русские учебные заведения, социальный статус которых можно определить как мелкие служащие в органах администрации, в земских учреждениях, банках, судах и т.п. Сюда можно отнести земских врачей, ветеринаров, землемеров. Эта немногочисленная группа была одной из «связующих нитей» между мусульманским обществом и российским государством.

«Высший» слой мусульманской интеллигенции составляли выходцы из цензовых сословий, имевших среднее или высшее русское и европейское образование. Среди них были издатели, редакторы, сотрудники национальных газет и журналов, частные адвокаты и врачи, мировые судьи, судебные следователи, члены земских управ и пр. Социальный статус этой категории лиц был достаточно высок не только в среде мусульман, но и в целом в российском обществе, они относились к среднеобеспеченному слою российской интеллигенции. Получив государственное образование они, тем не менее, были мусульманами по религии, воспитанию и психологии, «инородцами» по крови и языку. К этой группе национальной интеллигенции можно отнести и представителей высшего мусульманского духовенства, преподавателей медресе, окончивших заграничные (Каир, Стамбул, Бухара и др.) высшие духовные учебные заведения.

После принятия в 1870 г. закона об образовании «инородцев» началось учреждение учительских школ для нерусских народов края с целью подготовить из башкир, татар, чувашей и др. учителей, способных внедрить в свою среду «государственные начала», прежде всего, русский язык и православие. К сер. 1880-х гг. на Южном Урале были открыты 3 учительские школы, в том числе, татаро-башкирская в Уфе в 1872 г. (переведена в Оренбург в 1877 г.) и марийско-чувашская в 1882 г. в Бирске. В таких школах был установлен 4-летний срок обучения. Специальную и практическую подготовку они давали на уровне учительских семинарий, но преподавание общеобразовательных дисциплин велось слабее. Учебное начальство прямо предписывало инспекторам учительских школ избегать углубленного изучения истории, географии, математики и других предметов. Преподавание велось исключительно на русском языке, родные языки не изучались и не использовались в педагогическом процессе.

Учительские семинарии и школы были непривилегированными заведениями. В них обучались в основном дети крестьян и городских низов.

В 1880 г. например, из 136 учащихся 96 (71%) являлись выходцами из податных городских и сельских сословий. Создание сети педагогических учебных заведений было значительным событием в культурной жизни края. Благодаря им за последнюю четверть XIX в. начальные школы получили свыше 900 квалифицированных учителей, в то числе из Уфимско-Оренбургской татаро-башкирской – 88, Бирской марийско-чувашской – 146, Благовещенской учительской гимназии – 376 педагогов¹.

Приблизительную численность «высшего» слоя интеллигенции из мусульман можно определить по графе «образование выше начального» всеобщей переписи населения 1897г. В Уфимской и Оренбургской губерниях в конце XIX в. среднее и высшее образование среди башкир имели 92 мужчины и 13 женщин, среди татар – 144 мужчины и 30 женщин². О дифференциации башкирской и татарской интеллигенции по роду занятий дает представление таблица.

Распределение мусульманской интеллигенции Уфимской и Оренбургской губернии по роду занятий по переписи 1897 г.³

Род занятий	Башкиры (абс.)				Татары (абс.)			
	Уфимская губ.		Оренбург. губ.		Уфимская губ.		Оренбург. губ.	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Администрация, Суд, полиция	69	-	58	-	76	-	26	-
Общественная и сословная служба	168	-	71	-	84	-	16	-
Частная юридическая деятельность	5	-	1	-	3	-	1	-
Учебная и воспитательная деятельность	88	66	114	-	72	33	67	14
Наука, литература, искусство	6	-	-	23	3	-	2	-
Врачебная и санитарная деятельность	39	4	21	-	32	7	27	10
Служители исламского культа	1419	-	251	2	165	-	110	-

Как видно структура мусульманской интеллигенции конца XIX в. во многом соответствовала общероссийским показателям, когда большинство среди занятых умственным трудом составляли «работники наиболее традиционных видов интеллектуальной деятельности – просвещения,

¹ Фархшатов М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период. 60-90-е годы XIX в. М., 1994. С. 133, 135.

² Ямаева Л.А. Мусульманский либерализм начала XX в. как общественно-политическое движение (на материалах Уфимской и Оренбургской губернии). Уфа: Гилем, 2002. С. 76.

³ Там же. С. 274.

здравоохранения, служители культа». С другой стороны, среди тюркомусульман края отсутствовали представители инженерно-технической и научной интеллигенции, то есть того слоя, который вносит наиболее весомый вклад в модернизацию экономики. Такое соотношение в составе интеллигенции, в сочетании с мизерным числом занятых частной юридической деятельностью, является одним из основных показателей низкой вовлеченности населения в модернизационные процессы¹.

Светская интеллигенция состояла из лиц свободных профессий и учителей. Первая группа зачастую состояла из представителей мурз. Как указывал Ибрагим Терегулов: «Мусульманская интеллигенция была весьма малочисленна и ютилась в крупных мусульманских центрах, как Казань, Уфа, Оренбург, Ташкент, Баку и также в Петрограде и Москве. На долю интеллигенции выпала чрезвычайно тяжелая работа, - просвещение мусульманских масс, борьба с духовенством и купечеством... Власть, конечно, всеми возможными путями старалась обезвредить действия интеллигенции, начались гонения, ссылки и тюремные заключения, аресты и обыски²».

Подводя итоги можно выделить следующее: 1) башкирская интеллигенция формируется в последней четверти XIX – начале XX вв., активизация ее деятельности было ускорено революционными событиями 1905-1907 гг.; 2) значительную часть интеллигенции составляли представители духовенства (служители исламского культа), было мало инженерно-технической и научной интеллигенции, также крайне низкие цифры были по частным юристам; 3) башкирская интеллигенция активно была задействована в общественно-политической жизни, стремилась отстаивать интересы народа, в частности в качестве депутатов Государственной Думы.

© Ахмадуллин В. К., 2011.

Ахмедьянова А.Х.

Роль шежере в восстановлении истории села Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан

Сегодня Башкортостан – это республика, где проживает огромное количество людей разных национальностей: башкир, татар, чувашей, мордвы, марийцев, народов Кавказа, граждан иностранных государств – Европы, Африки и Азии, и каждый представитель той или иной этнической группы имеет своеобразную культуру, менталитет, свои философско-

---

¹ Ямаева Л.А. Указ. соч. С. 76.

² Тагиров И. Запоздалое издание // Гасырлар авазы. 2002. №1/2. URL: http://www.protas.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2002_1_2/03/03_3/.html дата обращения 15.09.2011.

исторические особенности, которые проявляются во всех сферах обыденной жизни. И в этом многообразном колорите национальных элементов главное – не потерять свою специфическую идентичность, неповторимость и интерес к духовно-материальной культуре своего народа. Поэтому на сегодняшний день проводится большая работа Правительством и Президентом нашей республики для возрождения и сохранения традиций, обычаев и исторического самосознания, во-первых, у самих коренных жителей Башкортостана – башкир, и, во-вторых, у других народов – тюрков и финно-угров.

В этом же направлении большую роль отводят проведению национальных праздников, соревнований и различных мероприятий, где дается возможность представить свою культуру всем этническим группам, проживающим на башкирской земле. И значимым событием в популяризации культурно-исторического наследия является проведение праздника «Шежере» и у тюркских, и у финно-угорских народов. На сегодняшний день это стало традицией каждой деревни республики Башкортостан.

Возникает вопрос: почему именно шежере стоит в центре внимания у Правительства Башкортостана, у башкир, татар, марийцев и у многих других народов мира?

Во-первых, в поисках ответа на выше поставленный вопрос мы обратились к самому термину «шежере»: 1. шежере – это арабское слово «шаджара» - означающее дерево, ветвь, генеалогическая запись. 2. второе определение восходит к монгольскому термину «цээжээр», затем распространяется в обыденной речи у калмыков как «чеедж», у тувинцев как «шээлжилээр», и во всех случаях переводится как «историческая память»¹. И здесь необходимо отметить, что шежере в качестве понятия «родословное древо как историческая память» было распространено и на Западе, и на Востоке. В этом значении оно служило главным источником в восстановлении истории рода, семьи, деревни, и самого государства.

Следовательно, родословное дерево или шежере, особенно пользующееся популярностью у башкир и татар, является первичным источником в написании истории своих предков.

И сегодня актуальным вопросом в рамках нашей Республики, считает автор данной статьи, является именно восстановление истории тех народов и тех этносоциальных групп, которые были вычеркнуты из страниц истории России и Башкортостана: это мишаре и тептяре.

На примере истории Учалинского района и в ходе изучения книг А.З. Асфандиярова, мы убедились, что выше обозначенные народы сыграли немаловажную роль во всех исторических событиях Российского государства, бок о бок шли с башкирами, участвуя в войнах и заграничных походах царской армии, ими совместно с башкирами «писалась история башкирской земли», они же появились и исчезли как народ, имеющий «имя»

---

¹ Башкортостан: Краткая энциклопедия / Отв. Р.З. Шакуров. Уфа, 1996. С. 672.

и духовно-материальное наследие в условиях закономерного развития истории России.

И сегодня, знакомясь с историей мишарских и тептярских деревень Башкортостана, автор данной работы, сосредотачивает свое исследование на шежере, так как во многих деревнях, которые являлись мишарскими и тептярскими, история восстанавливается благодаря данному виду источника. Следовательно в этой статье, на примере мишарского села Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан, мы попытаемся обосновать необходимость составления, сохранения и изучения шежере семей, родов, деревень для того, чтобы из поколения в поколение, от отца к сыну передавалось культурно-историческое наследие каждого народа. Ведь шежере – это живая память, это залог бытия того или иного этноса.

Итак, в восстановлении истории села Ахуново мы использовали шежере основателя данной деревни – Абдуллы Даушева и книгу «Шежере сорока семей», относящуюся к XIX в., и найденную в Историко-краеведческом музее ахуновцев.

Шежере Абдуллы Даушева составлено на пятиметровой бумаге доктором филологических наук Марселем Ахметзяновым в ходе перевода и изучения родословного древа первой части книги «Шежере сорока семей». В данном источнике четко расписано, что Абдулла Даушев был выходцем из Исетской провинции деревни Муслимово, а фамилия Даушевых известна со второй половины XVI в. в Темниковском княжестве (территория современной Мордовии), которое образовалось в результате распада Золотой Орды. От Дауша мурзы пошла фамилия Даушевых. У Дауша мурзы был сын – Дамат, который умер в 1611 г.

Также имеются данные о том, что одна часть родственников Даушевых приняла христианство, и фамилия их стала Дашковы, а мусульманами из Даушевых остался Суинче мурза (1596 г.р.), Ишмекей мурза (1608 г.р.), и Алмакай мурза (1610 г.р.), которые стали продолжателями рода современных Даушевых. О двух последних Даушевых известно лишь то, что их потомки проживали на территории Саратова, а Суинче мурза вместе со своей семьей, переселившись с Темниковского княжества на Урал, остался здесь на припуске как и все ясачные татары. Далее потомки Суинче Даушева основались в деревнях Ахуново, Мало-Ахуново, Муслимово, у озера Юкеле и Кыйдыш.

В ходе исследования истории мишарского села Ахуново мы обнаружили очень интересную информацию и об отце Абдуллы Даушева в книге Гайсы Хусаинова «Батырша». Оказалось, что Муслим агай – отец Абдуллы Ахуна, был старшиной аула Исетской провинции Сибирской дороги, земли эти ему были жалованы за заслуги перед Российском государством. Муслим хазрат, современник и участник всех бурных событий, происходящих в XVIII в.: Муслим агай, видел своими глазами башкирские восстания, их участников; лично был знаком с Батыршой и его идеями.

Биография же сына Муслима – Абдуллы Даушева насыщена в основном служебными делами и выполнениями указов Русского правительства. Так Абдулла бабай был удостоен высокой чести, когда его избрали депутатом от мишарей Исетской провинции во временный коллегиальный орган Екатерины II – Уложенная комиссия, просуществовавшая с 1767-1768 гг. За это он был освобожден как депутат «навсегда от смертной казни, пыток и телесных наказаний». Удостоен был особой золотой медалью. Ездил в качестве посла в Иран, Турцию, Афганистан, Киргизию и Казахстан. И судьба обернулась так, что вот этот столь талантливый дипломат и политический деятель Русского государства неожиданно для себя получает должность высшего представительства мусульманского духовенства – Ахун. Именно из-за своего нового призвания и деятельности он станет основателем нового аула и даст новых потомков, из которых выйдут замечательные, знаменитые и талантливые люди.

С чем было связано получение им новой должности? Ответ кроется непосредственно в условиях договора, который был подписан до добровольного вхождения Башкортостана в состав Российской Империи: одно из условий башкирского народа, при выполнении которого они войдут в состав Русского государства - это обещание царя, что его правительство не будет преследовать мусульманскую религию. В первое время до второй половины XVII в. Московское правительство в целом придерживалось своего обещания. Но со второй половины XVII-XVIII вв. царизм активизировал христианизацию нерусских народов Среднего Поволжья и Приуралья. Данная политика привела к Сеитовскому восстанию 1681-1684 гг., после чего царское правительство вынуждено было отказаться от плана насильственной христианизации.

Но с начала XVIII в. власть снова вернулась к этой политике, однако проводили ее осторожно и изолированно: Великая Императрица Екатерина II увидела лишь один выход для успокоения народов Башкортостана – через веру и религию. Влияние религии на население вообще, в том числе ислама, в то время было несравненно выше, чем сейчас. Пожалуй, религия не меньше закона регулировала поведение людей. Исламская вера для царизма стала рычагом эксплуатации народа. Поэтому Екатерина II на основе Указа от 22 сентября 1788 г., подписала приказ об образовании в 1789 г. Магометанского Духовного собрания¹. Этой акцией царизм узаконил формально Ислам в качестве официальной религии мусульманской части населения башкирского края.

Но московское правительство стремилось использовать Духовное собрание в собственных интересах, поставив во главе его верных Ахунов². Одним из них удостоился этого титула и Абдулла Даушев. Духовная миссия Абдуллы бабая заключалась в том, чтобы рассеять смуту среди народов Башкортостана через чтения Корана и изречений пророков, надеясь с

---

¹ Законы Российской Империи о башкирах... / Под ред. Ф.Х. Гумерова. Уфа, 1999. С. 63-65.

² Там же.

помощью религиозных поучений в сердцах башкир «проснется» добрая вера в Императрицу и в ее политику. Царская власть с помощью таких мер, противопоставляя татар и башкир, создавала раскол среди народов края и обретала в лице руководства мусульманского духовенства надежного союзника в борьбе с инакомыслием, а также ростом национального самосознания этих народов. Абдулла бабай взялся за это дело, он стал ходить в народ и убеждать их в справедливую власть царизма, в его благородные намерения.

Таким образом, занимаемая им должность Ахуна давала ему важное право утихомирить и поселить в душе башкирского народа спокойствие. В результате, выйдя на заслуженный отдых, Абдулла Даушев за свои заслуги и преданность перед Русским государством был награжден безвозмездным пользованием двумя большими участками земли: первая часть подаренной земли находилась на горе Куксетау, а вторая в 35892 десятин стала территорией, где и было основано село Ахуново. На первой земле он никому не разрешал селиться и пользоваться ею. На второй части, подаренной более 35000 десятины, он переселился со своей семьей и родственниками в количестве 40 дворов.

В книге Н. Зулькарнаева приводится шежере первого муллы деревни Ахуново, где сказано и о том, как «Абдулла Даушев и его свояк Ишмамбет в составе двух семей первыми прибыли в эти края. Пройдя современные Буйдынские горы и забравшись на гору, которая сейчас называется Ахун-тау, они осмотрели просторы подаренной земли, долго разговаривали сидя на камнях, рядом с которыми протекали родники ... и, оглянувшись еще раз на красоту, окружающую их, они очень обрадовались и решили никогда не покидать эти места»¹.

Абдулла бабай обстроился у реки Кыйдыш, а Ишмамбету понравилась территория у высоких гор, где сейчас расположен поселок Буйда. Так и началось обустройство двух аулов, основателями которых были выходцы из далекой Исетской провинции. Село Ахуново построили быстро: «в течение 16 дней, читая 5 раз намаз, прося у Аллаха помощи и силы для обустройства этой местности»². Вскоре этот аул получил название в честь своего основателя, вернее его звания – Ахун.

По V ревизии 1795 г. в деревне было 55 дворов с 444 жителями. В 1859 г. 280 дворов с 1623 жителями. В 1920 г. в 725 дворах проживало 4087 мишарей и татар. Увеличение численности населения за такой короткий срок (между V-X ревизиями) в 3,5 раза было возможно не только за счет естественного прироста, но главным образом за счет переселенцев³. Так в начале XIX в. сюда прибывают около 30 семей татаров из Казанской губернии, называя себя казачьей кавалерией.

Спустя некоторое время пришли в эти места еще одни переселенцы, которые стали вторыми, пришедшими после рода Даушевых: это был Дамин

---

¹ Зулькарнаев Н. Уйылып ага Кыйдыш Сыу. Уфа, 1999. С. 194-196.

² Там же.

³ Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 1. Справочная книга. Уфа, 1977. С. 55-56.

бабай – первопредок рода Амировых. И об этом историческом факте мы узнали, изучив их родословное дерево. Данное шежере было передано нам от рук одного из потомков Дамин бабая - Амировым Фанитом Фазыловичем. В данном источнике сказано, что Дамин бабай был выходцем из Казанской губернии Мамадышевского уезда деревни Димшек. Он и еще несколько семей ушли из своих родных мест из-за нехватки в Казанской губернии земли для развития их хозяйства. И так 11 семей дружно отправились в путь – в поисках новых земель в сторону Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии, решив осесть на территории, о которой слышали не раз, под названием – Куртамыш.

Среди переселенцев были: Мусакой, Бикмамет, Рахматулла, Габдулла, Бахаутдин и предок Амировых Дамин бабай. Во время их переселения погода уже началась портиться, наступила зима, и они решили остаться на зимовку в Учалинской волости, в ауле Ургун. Когда дни потеплели и настало лето, они продолжали свой путь. Дорога их проходила через деревню Ахун бабая. Дойдя до реки Кыйдыш, они остановились отдохнуть, накормили и напоили лошадей. Это место им очень понравилось, и решили остаться здесь на какой-то период времени. Место, где они отдыхали и набирали силы, было названо – «Муканай Купере». Немного походив по округе, увидев мечеть, быстро направились к ней.

Все это время за ними наблюдал с горы Абдулла Даушев, и, увидев, как они возвращаются с мечети, он отправился навстречу к ним. Остановив странников, Ахун бабай начал расспрашивать их, откуда они, что ищут в этих краях. И они рассказали, что идут уже долгое время с Казанской губернии в поисках земли. Абдулла Даушев, выслушав их, сказал: «Здесь земли много, хватит всем, оставайтесь жить здесь». Пришедшие новые семьи устроили сход и, посоветовавшись, решили остаться на земле Ахун бабая. Один аксакал крикнул от радости: «Что искали – наконец-то нашли!» Так прапрапредок Фанит агая – Дамин бабай, сын Меэмина, стал формально в 1811 г. со своей семьей гражданином Оренбургской губернии Верхнеуральского уезда деревни Ахуново.

В Казанской губернии в деревне Димшек у родного брата Дамина – Эмира было два сына Ягафар и Музафар, которые остались жить там. Приезжали они семьей гостить зимой к своему дяде Дамину: помогали ему по шитью и обустройству дома, а летом возвращались обратно в Димшек. Ягафар постоянно помогал дяде, с детства все время бывал в деревне Ахун бабая. Вырос. Стал джигитом. Женился на ахуновской девушке и остался жить в деревне Ахун вместе с Дамин бабаем. Музафар же остался в Димшеке, став состоятельным человеком.

После обоснования рода Амировых в ауле Абдуллы Даушева, прибывают в деревню и наш предок – потомки Альмухаммата мурзы, давшие начало трем фамилиям – Ахмедьяновым, Мурсалимовым и Фаткуллиным. Итак, в «Шежере сорока семей» сказано: Альмухаммат мурза, сын его Чонбай мурза, внук его Мокаш мулла, правнук его Мурсалим и с сыном Мурсалима – Габдельжалилем – переехали всем своим родом давным-давно

из Казани в Верхнеуральский уезд. И вот однажды сыновья Мурсалима Габдельжалиль и Габдессаттар как-то ехали с учебы домой и остановились в ауле известного мурзы – Абдуллы Даушева. Ночевать им пришлось в мечети Ахун бабая. Здесь им очень понравилось, особенно природа и люди, которые оказались очень гостеприимными и добрыми.

По приезду домой Габдельжалиль рассказал своему деду Мокаш мулле о том, что «неподалеку их есть очень красивый аул и мечеть, где такие же муллы, как и ты картай». Внук Мокаш муллы сказал родителям, что после окончания медресе поедет жить в этот аул и будет муллой в мечети Абдуллы бабая. Так он и сделал после окончания учебы. Они переехали всей семьей в Ахуново в конце XVIII в. и отсюда от их рода пошли новые потомки, которые дали начало новым фамилиям: от младшего внука Мокаш муллы – Габдессаттара пошла фамилия – Ахмедьяновых (от Ахметжана) и Фаткуллиных (от Мансура); от старшего внука – Габдельжалиля – фамилия Мурсалимовых.

Далее прибыли еще 37 семей, являющихся дальними родственниками Абдуллы Даушева. Всю информацию о данных семьях можно найти в книге «Шежере сорока семей», где на старой арабской графике расписано генеалогическое древо каждого рода.

И выше приведенные источники по истории деревни Абдуллы Даушева вот уже более 200 лет бережно хранятся ахуновцами и передаются из поколения в поколение, доказывая законом времени, что такой народ, как мишари, в истории России и Башкортостана были, есть и будут жить.

Таким образом, восстановив историю основания мишарского села Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан, мы доказали, насколько важно знать свое родословное древо, свое шежере, являющееся памятью народа и живым свидетелем прошлого, ценностным источником для современного поколения и залогом сохранения культурно-исторического наследия наших предков, ориентированное на процветание и бессмертие семейных традиций, истории рода, нации, этноса и самого государства.

© Ахмедьянова А.Х., 2011.

Баймухаметова Г.Р., Тарасова Т.В.

Тенденции развития этносоциальной структуры населения Республики Башкортостан

Разработка этнических аспектов таких общих социальных проблем, как изменение социальной структуры сфер трудовой занятости, уровня образования и других вопросов, имеет как социально-политическую значимость для предотвращения социальных и этнических конфликтов, так и гуманистический смысл, поскольку помогает обеспечению равенства прав и возможностей разных национальностей в Республике Башкортостан.

Республика Башкортостан – территория, занимающая площадь 143 тысячи км², с богатым разнообразием этносов, каждый из которых строит свою жизнь через призму своего мироощущения. Экономика в Республике развита, и с каждым годом власть стремится улучшить жизнь ее граждан, развить инфраструктуру, стать стабильной и крепкой.

Большую информативную базу для анализа и построения дальнейшей политики по равенству возможностей национальностей, будь то башкиры, татары, русские или другие этносы, дают Всероссийские переписи населения (ВПН). В настоящий момент, судить по вопросам об остановке в Республике в разрезе «картины» по национальному фактору можно по последним ВПН: 1989, 2002 и 2010 гг. К сожалению, точные данные некоторых вопросов, последней переписи прошедшей в 2010 году еще не подготовлены.

По переписи 1989 г. в Республике Башкортостан русское население было преимущественно занято в промышленности и очень мало в сельском хозяйстве, причем наибольшая концентрация русских отмечалась в ведущих наукоемких отраслях промышленности, требующих высокой квалификации работников: в машиностроении, химии, нефтехимии и нефтепереработки в целом. Высок был процент занятости русских на машиностроении, на предприятиях транспорта связи.

Башкиры, в основном, работали в сельском и лесном хозяйстве, строительстве, добывающей и обрабатывающей промышленности. Высок был процент занятости башкир в народном образовании, торговле и общественном питании, а также в системе управления. Татары занимали промежуточное положение между башкирами и русскими¹.

С начала 1990-х гг. в государственном управлении преобладают в основном представители башкирской национальности, в том числе, среди руководителей высшего звена. На уровне муниципального и местного управления, этнический состав руководителей постепенно выравнивается. Особенно это заметно в периферийных городах и крупных населенных пунктах, преимущественно среди рядовых работников государственного аппарата и технических работников. Властная и бизнес - элиты в основном состоят из людей различных национальностей, прошедших своего рода отбор исключительно по профессиональным качествам. Рыночные условия сами диктуют свои правила игры отбора кадров по их профессиональной и деловой предприимчивости.

Число людей, имеющих послевузовское высшее образование, занимают высокие должности руководителей высшего и среднего звена, их количество больше и в вооруженных силах, чем населения с неполным высшим, средним и другим образованием. Это свидетельствует о том, что более высокообразованные кадры требуются для руководства коллективами, как лица с большим опытом и квалификацией, умеющие принимать решения, и вести стратегию организации.

---

¹ Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Уфа, 1991.

Население, имеющее среднее образование заняты в производстве, являются теми «руками», которые выполняют работу по производству и переработке ресурсов.

Можно сделать вывод о том, что есть определенные виды деятельности, в которых та или иная этническая группа добивается наибольших результатов. Для башкирского населения наиболее успешными остаются занятия сельским хозяйством, управленческая деятельность, сфера культуры и искусства, а также добывающая и перерабатывающая промышленность. Общими видами деятельности башкир и русских, башкир и татар совпадают только по базовым отраслям – промышленности и сельскому хозяйству.

Одним из источников средств к существованию населения является доход от трудовой деятельности, по переписи 2002 года: из 1708 тыс. чел. его указали 33,5 % русских, 27,2 % башкир, 25,2 % татар, 10,0 % представители других национальностей. Тем не менее, доход от личного подсобного хозяйства указали 23,8 % русских, 42,5 % башкир, 22,3 % татар, 11,4 % других. Естественно, в Башкортостане, как и по всей стране, существуют безработные. Пособием по безработице пользуются 24 тыс. чел. В 2002 г. пособие по безработице получало 0,7 % русских, по 0,5 % – башкиры и татары¹.

В настоящее время, президент страны Д.А. Медведев взял курс по увеличению работников, занятых, непосредственно в производстве, т.к. в сейчас, спрос на данную рабочую силу высок. Предыдущее поколение уходит на пенсию, занять их рабочие места, в настоящее время, кадров не хватает. Это связано в первую очередь, с непрестижностью профессий производства, с тяжелыми условиями работы, а также с низкой заработной платой. В связи с этим, существуют курсы переквалификации работников, открытие бюджетных мест в ВУЗах и других учебных заведениях, с целью получения необходимых кадров.

Численность той или иной этнической группы будет зависеть не только от демографических показателей (соотношения рождаемости и смертности, прибывших и убывших), но и в значительной степени от специфики этнокультурной и этноязыковой ситуации в регионе, от динамики межэтнической брачности, интенсивности процессов этнической ассимиляции и смены самосознания.

Для позитивного развития институтов гражданского общества требуется активная государственная политика в области демографии. Необходимо разработать региональные программы по улучшению демографической ситуации в Башкортостане с учетом традиции и культур народов, населяющих республику.

Анализ данных показывает о необходимости развития сельского хозяйства в Республики Башкортостан с целью улучшения жизни населения в

---

¹ Население Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 г.). Уфа, 2006. 131 с.

сельских местностях, что привело бы к сохранению деревень, сохранению неассимилированных этносов, улучшению дохода населения, увеличению рождаемости, сохранению традиций, языка отдельных национальностей.

Башкортостан – территория, являющийся кладезью природных ресурсов, богатой инфраструктуры, плодородных земель, работоспособным населением. Исторически сложилось в Башкортостане скотоводство, земледелие, пчеловодство, в настоящий же момент сельское хозяйство развито на среднем уровне.

Башкиры славились производством кумыса и добычей дикого меда (бортничеством). Издревле кумыс производился практически в каждой семье. Позже, при развитии рыночных отношений, он стал известным товаром на рынке, как в Республике, так и в стране в целом. В настоящий момент развитие этой отрасли в Башкортостане на слабом уровне. Приходят в упадок конезаводы. Что в итоге отражается на размножении и сохранении башкирской породы лошадей и знаменитого продукта, кумыса. С развитием данных специфических секторов, увеличится занятость населения, близких к данной области, например башкир, татар, чувашей.

Этнос не может существовать без самоопределения причастности к нему людей, и для того, что бы люди не ассимилировались в другом этносе, забыли, «кто они» необходимо с ранних лет, например в образовательных учреждениях давать информацию о национальностях, их истории и т.д.

Необходимо не забывать об этом не только в городах, но и в сельских населенных пунктах. Следует развить инфраструктуру на селе: школы, детские сады. Что бы образование было на должном уровне, привлекать в сельскую местность преподавателей дошкольных и учебных заведений, обеспечивая их всем необходимым для комфортного проживания, установив уровень заработной платы выше, чем в городских учебных заведениях, установив рост трудового стажа, например, полтора года за год.

С начала 90-х гг., происходят трансформации этносоциальной структуры населения в республике под воздействием, как объективных причин, так и под влиянием субъективной деятельности государства и других социальных институтов.

На динамику социально-экономического изменения в социально-экономическом и национально-культурном неравенстве большое влияние оказывают процессы перехода к рыночной экономике. Различные этнические группы в разной степени вовлечены в рыночные отношения, что отражается на их социально-экономическом статусе, находит отражение в их этническом сознании и поведении.

С каждым годом, происходит «выравнивание» национальностей, по занятию должностей в определенной сфере деятельности, получению образования и других благ, проживающих в Республике. Положительные или отрицательные стороны несет данная тенденция, решать каждому человеку, принадлежащему к тому или иному этносу.

Батыршин А.Р.

История проектирования и подготовки строительства железной дороги Уфа-Оренбург в начале XX в.

Проекты сооружения железной дороги Уфа-Оренбург рассматривались уже с начала 1910-х годов. Тогда, в частности, работали над вопросом постройки железной дороги Оренбург-Уфа-Кунгур. В 1913 г. были произведены технические изыскания между Оренбургом и Уфой. Партия частного предпринимателя прошла трассою ближе к реке Белой. Изыскатели партии Михайловского, командированного Министерством путей сообщения, прошли трассою более удаленною от реки Белой. Трасса, намеченная предпринимателем, прошла по местам, более плодородным и заселенным, а также оно имело большое значение в экономическом отношении, чем трасса, проложенная инженером Михайловским, хотя последняя отличается дешевизной. Протяженная линия от Оренбурга до Уфы (станция Авдон) по изысканиям частного предпринимателя, составил 377 верст, по казенным изысканиям 372 верст¹. Постройка новой линии непосредственно на город Уфу сократила бы железнодорожное расстояние до Оренбурга более чем в два раза, следовательно, устранила все неудобства облегчить возможность отправки².

В начале 1916 г. в правление общества Оренбурго-Уфимской железной дороги началось формирование штата служащих, направляемых на изыскательные работы по постройке железной дороги Уфа-Оренбург. Снабжали команду и инструментами первой необходимости для проведения геодезических работ. Но, проведению изыскательных работ мешало военная обстановка, в которой находилась страна и отсюда, следовательно, недостаток технических средств³.

Всего было сформировано пять партий, из которых четыре должны были производить изыскания по железнодорожной линии с распределением их на участки: первая – Уфимская от станции Дема, вторая – Стрелитамакская, третья – Перевальная, четвертая – Оренбургская, пятая же партия выделена была специально для подробного обследования подходов к городу Уфа, выяснения безопасности железнодорожного движения в районы города, согласно постановлению Правления по журналу №10 от 22 марта 1916 г.⁴.

Подход к городу Оренбург был запроектирован и утвержден Министерством путей сообщений, а также был одобрен местной узловой комиссией⁵. Подход к городу Стрелитамак был запроектирован с западной

---

¹ Район железной дороги Оренбург-Уфа-Кунгур в экономическом отношении. Под редакцией П.П. Червинского. С.-Петербург, 1914. С. 22

² Экономические материалы к вопросу обхода города Уфы проектируемой железнодорожной линии Оренбург-Уфа-Кунгур. Уфа 1913. С. 32

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 1. Л. 47.

⁴ Там же. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 68.

стороны и станцию планировали построить на городской земле, а не на частновладельческой. Но все же рассматривались разные варианты расположения станции, и вопрос был поставлен перед Стерлитамакском городским управлением, чтобы они пришли к единому мнению¹.

Подходы к городу Уфа разрабатывались основательно и всесторонне. Следует отметить, что одним из основных вариантов считали ветвь, примыкавшую к разъезду Дема Самаро-Златоустовской железной дороги. Рассматривались два варианта подхода к станции Дема Самаро-Златоустовской железной дороги с северной и южной стороны с пристанскими ветвями к Никольскому городскому поселку. Еще два варианта подхода к городу с расположенными станциями на склоне оврага реки Сутолоки с тремя соединительными ветвями к станции Уфа, Воронки и Черниковка Самаро-Златоустовской железной дороги и пристанскими ветвями. Все подходы к Уфе и Деме были обследованы геологами².

В связи с неопределенностью экономической жизни государства, общую программу работы на 1917 г. посчитали рассматривать преждевременным³.

Представители Оренбурго-Уфимской железной дороги понимали, что сооружение этой линии имеет государственное значение и необходимость для всего Приуралья края. В связи с этим ходатайствовали о скорейшем ее возведении. Дорога, проходя по богатой хлебом, рудой и разными естественными богатствами местности, связывает два крупных государственных и экономических центра: города Оренбург и Уфу, и является начальным звеном большой магистрали Оренбург-Уфа-Пермь-Печора. Постройка дороги потребует большого количества рабочих и тем самым наиболее радикальным образом устранил безработицу⁴.

Ко второй половине 1918 г. в районе всей линии Оренбург-Уфа были устранены препятствия к производству полевых работ. На производство означенных работ до 1 января 1918 г. требовалось около 300 тысяч рублей. Денежные средства у строительного управления были уже израсходованы, а получить их от правления из Москвы было невозможно из-за политических осложнений. Поэтому главный инженер по сооружению Оренбурго-Уфимской железной дороги И. Самсонов ходатайствовал перед Комитетом Членов Учредительного Собрания выдать строительному управлению ссуду в размере 300 тысяч рублей на производство необходимых работ. Но в этой просьбе им было отказано, аргументируя поспешностью их решения и, что требуется еще дополнительные технические подготовительные работы⁵.

Несмотря на это все же планы были составлены и расписаны. Они были следующим образом: а) приступить наличным штатом к производству вариантов бурения искусственных сооружений и тоннелей. б) составить

---

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 1. Л. 71.

² Там же. Л. 72.

³ Там же. Л. 76

⁴ ЦГИА РБ. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

⁵ Там же. Л. 250-251.

исполнительные проекты сооружения и рабочие чертежи, и планы с расчетами и сметами. в) получить утвержденный комиссаром путей сообщения проект дороги в связи с тремя вариантами подхода к городу Уфа¹.

Безусловно, осуществление постройки дороги задержалось только вследствие войны и из-за позднейших политических событий. Применительно к Уфе проведение железной дороги Оренбург-Уфа было бы чрезвычайно экономично выгодным вариантом. Свободные земли, находящиеся в стороне Старой Уфы приобрели бы громадную ценность, а затем в свою очередь повыситься и доходность. Новая линия, проходя через город Уфу, даст сильное движение экономическому развитию края, усилить его промышленную деятельность, создавая новый рынок для лесных материалов. Кроме города, новая линия даст новый источник дохода также для земства и казны.

© Батыршин А.Р., 2011.

Вафина З.А.

Структура населения северо-западного региона Республики Башкортостан по материалам переписей 1989 и 2002 гг.

С социально-политическими преобразованиями в начале 90-х гг., национальные республики получили большую правовую самостоятельность и возможность динамичного общественно-политического развития, что обусловило определенные изменения в демографическом состоянии.

В период между последней Всесоюзной 1989 г. и первой Всероссийской переписями население республики увеличилось на 161,2 тыс. человек, в том числе городское на 110 тыс., сельское на 51,2 тыс. человек. По данным переписи 2002 г. в Республике Башкортостан проживают 4104 тыс. человек, в том числе 2626 тыс. горожан и 1478 тыс. сельчан².

В демографических процессах Республики Башкортостан в течение 1990-2007 гг. произошли значительные изменения: с 1991 г. суммарный коэффициент рождаемости снизился ниже границы простого воспроизводства; с 1993 г. начинается естественная убыль населения; с 2000 г. - снижение численности постоянного населения; с 2006 г. численность населения старше трудоспособного возраста начала преобладать над лицами моложе трудоспособного возраста.

Происходили изменения и в северо-западном регионе республики. Северо-западный историко-этнографический регион Башкортостана объединяет Аскинский, Балтачевский, Бураевский, Калтасинский, Караидельский, Краснокамский, Татышлинский и Янаульский районы, а

---

¹ ЦГИА РБ. Ф. Р-1858. Оп. 1. Д. 5. Л. 73.

² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 8.

также города Агидель, Нефтекамск, Янаул. По своей территории (16,4 тыс. кв. км) регион занимает 11,4% площади республики. По численности населения регион не уступает таким республикам, как Калмыкия и Тыва. Насчитывая по Всероссийской переписи населения 2002 г. 387 704 постоянных жителей, северо-запад сосредоточивает на своей территории 9,45% населения республики. На 1 кв.км. приходится 23,6 человека против 28,3 человек в среднем по республике, что практически в три раза превышает общероссийскую плотность населения в 8,3 человека¹.

В межпереписные периоды с 1989 по 2002 гг. на северо-западе произошло некоторое увеличение численности населения (на 2 834 человека), в основном в трех его городах. В сельских населенных пунктах заметно снижение численности населения, что обусловлено не только естественным движением населения, но и миграционными процессами, в частности, урбанизацией.

Таблица 1.1

Изменение численности постоянного населения северо-западного региона по городам, районам²

Наименование районов, городов, поселков и сел	Численность населения, человек			2002 г. в % к	
	1979 г.	1989 г.	2002 г.	1979 г.	1989 г.
Агидель	-	16757	18721	x	111,7
Нефтекамск*	75805	114768	129740	171,1	113,0
Янаул	21188	24406	27909	131,7	114,4
Аскинский	28452	23458	23928	84,1	102,0
Балтачевский	32272	24895	24695	76,5	99,2
Бураевский	39204	29728	28320	72,2	95,3
Калтасинский	32743	27705	28881	88,2	104,2
Караидельский	38337	30276	28294	73,8	93,5
Краснокамский	34406	42669	27552	80,1	64,6
Татышлинский	30148	26042	26803	88,9	102,9
Янаульский	32534	24166	22861	70,3	94,6
ИТОГО	365089	384870	387704		

Сравнивая численность населения районов и городов в период с 1989 по 2002 гг., можно заметить, что население районов уменьшилось на 17 605 человек, а городское население возросло на 20 439 человек.

В 2008 г. численность населения в городах Агидель и Янаул возросла от 0,2 до 0,8% (численность населения республики увеличилась на 0,1%, а горожан – на 0,2%)³. Эти два города, как «малые города» имеют также различия в демографическом поведении населения. Так, за 2005-2008 гг. естественный прирост в Агидели по статистическим данным составил от минус 2 промилле (отрицательный прирост) до 104 промилле (положительный

¹ Галин Р., Ларцева С., Скрыбина Я. Концепция демографической политики Республики Башкортостан: основные направления ее реализации // Экономика и управление. 2009. № 3. С. 51.

² Составлена по: Численность и размещение населения. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: в 14 т.). М., 2004. Т. 1. С. 124-126.

* с подчиненными его администрации пунктами.

³ Баймухаметова Г. Р. Социально-демографическое развитие малых городов Республики Башкортостан. // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Статистика и общество: история, современность, развитие». Уфа: Терр. орган Фед. службы госстатистики по РБ, 2010. Т. 2. Секция 2.

прирост), что вызывает некоторые сомнения в связи с отнесением города в группу депрессивных по своему социально-экономическому развитию. В г. Янауле картина менялась от минус 105 промилле в 2005 г. до положительного естественного прироста в 2008 г. в 52 промилле.

По предварительным итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. численность населения г. Янаула и Янаульского района сократилась на 2 576 человек, при этом численность городского населения уменьшилась на 921 человек, сельского – на 1 655 человек¹. Эти данные косвенно подтверждают информацию о том, что 2008-2010 гг. явились «критическим» демографическим порогом в связи со снижением численности трудоспособного населения. По данным Всероссийской переписи 2002 г. в северо-западном регионе насчитывается 183 844 мужчин (9,56% мужчин республики) и 203 860 женщин (9,35% женщин республики). На тысячу мужчин приходится 1109 женщин (по республике на тысячу мужчин – 1134 женщины², в среднем по России - 1147). По переписи 1989 г. на тысячу мужчин в республике приходилось 1130 женщин.

На северо-западе удельный вес в общей численности населения составляет 47,4% мужчин и 52,6% женщин, по сравнению с республикой в целом, где мужчин и женщин соответственно 46,9% и 53,1%. В городах региона мужчин – 47,5% в Агидели, 46,7% в Нефтекамске, 46,9% в Янауле. На селе мужчин выше этого показателя насчитывается лишь в Аскинском районе – 48%. Давно наметившаяся диспропорция возрастно-половой структуры населения сохраняется устойчиво, несмотря на благоприятное соотношение полов по сравнению с республикой в целом.

На северо-западе Башкортостана в сельской местности проживает 101 321 мужского населения, в городах – 82 523, соответственно женского населения проживает в районах – 110 013, в городах – 93 847. В процентном соотношении 46,8% мужчин и 53,2% женщин проживают в городах региона, что сравнительно сходно с общереспубликанскими показателями в 46,1% и 53,9% соответственно. Отдельно по городам половая структура рассмотрена в следующей таблице.

Таблица 1.2
Городское мужское и женское население северо-западного региона, 2002 г.³

Города	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	%-ое соотношение мужчин	%-ое соотношение женщин
г. Агидель	18 721	8 886	9 835	47,5	52,5
Нефтекамск*	129 740	60 554	69 186	46,7	53,3
городское население**	127 740	60 554	69 186	46,7	53,3
г. Нефтекамск	122 290	56 952	65 338	46,6	53,4
г. Янаул	27 909	13 083	14 826	46,9	53,1

¹ Кузнецова А. Сколько нас? // Янаульские зори. 2010. 26 апреля. № 77 (10721). С. 2.

² Мурзабулатов М. В. Социально-демографическая характеристика населения Башкортостана в современных условиях // Ватандаш. 2006. № 1. С. 193-206.

³ Составлена по: Численность и размещение населения. М., 2004, Т. 1. С. 144-146.

* с подчиненными его администрации пунктами.

** г. Нефтекамск + пос. Амзя.

В настоящее время в Республике Башкортостан насчитывается 21 город. В 2002 г. горожане составляли 64% всего населения республики. По предварительным итогам переписи 2010 г. в городах республики проживает 60,4% населения. Исходя из подсчета вышеприведенных табличных данных, можно заключить, что в городах северо-западного региона проживает 6,7% населения республики.

Лишь 45,5% жителей региона проживают в трех его городах, что говорит о преобладании сельского населения. Однако прослеживается характерное увеличение городского населения, что является вполне объяснимым фактом, поскольку в начале 90-х гг. такие населенные пункты, как Агидель (1991 г.) и Янаул (1991 г.) получили статус города.

В 2002 г. по республике среди сельских жителей на 1000 мужчин приходилось 1078 женщин, в отличие от 1167 городских представительниц прекрасного пола. Соотношение мужчин и женщин среди сельского населения северо-запада Башкортостана прослежено в таблице 1.3.

Таблица 1.3
Сельское мужское и женское население северо-западного региона, 2002 г.¹

Районы	Мужчины и женщины	Мужчины	Женщины	%-ое соотношение мужчин	%-ое соотношение женщин
Аскинский	23 928	11 689	12 239	48,9	51,1
Балтачевский	24 695	11 905	12 790	48,2	51,8
Бураевский	28 320	13 428	14 892	47,4	52,6
Калтасинский	28 881	13 970	14 911	48,4	51,6
Сельское население*	20 780	10 063	10 717	48,4	51,6
Караидельский	28 294	13 650	14 644	48,2	51,8
Краснокамский	27 552	12 958	14 594	47,0	53,0
Сельское население**	21 571	10 130	11 441	47,0	53,0
Татышлинский	26 803	12 878	13 925	48,0	52,0
Янаульский	22 861	10 843	12 018	47,4	52,6

Как видно по таблице, численность женского населения в сельской местности так же превалирует над мужской. Однако в возрасте 18-39 лет наблюдается обратная тенденция. В целом, в селах республики в этой возрастной категории на 204,6 тыс. мужчин приходится 196,8 тыс. женщин.

По предварительным итогам переписи 2010 г. в Башкортостане сохранилось превышение численности женщин над численностью мужчин, которое составило 260,0 тыс. человек в республике против 257,9 тыс. человек в 2002 г.. В г. Янауле и Янаульском районе женщины составили 52,4%, мужчины соответственно 47,6%. Несмотря на это доля женщин постепенно уменьшается. Если по данным переписи 1983 г. на 1000 мужчин приходилось 1183 женщины, 2002 г. – 1122, то предварительные итоги переписи-2010 показали 1102 женщины на 1000 мужчин, что ниже среднереспубликанского показателя².

Рассмотрим возрастной состав населения северо-западного региона республики. Современная возрастная структура северо-запада практически

¹ Составлена по: Население Башкортостана: XIX-XXI века: ст. сб. Уфа, 2008. С. 362-365.

* без пгт. Краснохолмский.

** без пгт. Николо-Березовка (рц).

² Кузнецова А. Сколько нас? // Янаульские зори. 2010. 26 апреля. № 77 (10721). С. 2.

сходна с общереспубликанской, которая сложилась под влиянием длительного снижения рождаемости. Большое влияние оказали войны и социальные потрясения XX века. Особенно тревожен факт сокращения числа детей и подростков, несмотря на то, что этот процесс происходил достаточно неравномерно: в отдельные периоды численность детей и подростков возрастала, в другие – уменьшалась.

К 2002 г. наблюдалось общереспубликанское сокращение численности детей и подростков (на 136 тыс. человек, или 12,8%) к уровню 1990 г., а численность населения пенсионного возраста возросла на 100 тыс. человек или на 14,3%. Таким образом, удельный вес населения старше трудоспособного возраста превышает поколение моложе трудоспособного возраста. При этом численность трудоспособного населения возросла всего на 8%.

Рассмотрим в следующей таблице распределение населения по возрастным группам в северо-западном регионе республики.

Таблица 1.4

Распределение постоянного населения по укрупненным возрастным группам¹

Наименование городов и районов	1989 г. в % к общей численности			2002 г. в % к общей численности		
	Моложе трудоспособного	Трудоспособное	Старше трудоспособного	Моложе трудоспособного	Трудоспособное	Старше трудоспособного
Респ. Башкортостан	26,7	56	17,3	21,3	59,4	19,3
г. Агидель	36,7	60,4	3	27,1	66,7	6,2
г. Нефтекамск *	29,1	60,2	10,8	22,4	62,9	14,6
г. Янаул	29,8	53,2	17	23,4	59,5	17,1
Аскинский р-н	31,2	49	19,8	26,5	53,3	20,0
Балтачевский р-н	25	48	27	23,4	49,5	27,1
Бураевский р-н	23,4	48,8	27,8	20,5	49,2	30,3
Калтасинский р-н	28,8	50	21,3	25,0	53,6	21,3
Караидельский р-н	30	50	21	24,5	52,8	22,6
Краснокамский р-н	25,8	49,1	25,1	22,5	53,3	24,2
Татышлинский р-н	28,5	49,4	22,1	24,7	52,9	22,4
Янаульский р-н	24,3	47,1	28,5	21,2	49,9	28,9

В целом, можно сказать, что на северо-западе республики по данным 2002 г. относительно благоприятная ситуация с численностью детей и подростков на фоне общереспубликанских показателей (отстает лишь Бураевский район и на долю процента Янаульский). В городах видно превышение численности трудоспособного населения и уменьшение числа пожилых людей относительно республиканской картины.

По Республике Башкортостан в 2002 г. отмечено 23,1% мужчин и 19,6% женщин моложе трудоспособного населения, 63,4% мужчин и 55,9% женщин трудоспособного возраста, 13,5% мужчин и 24,5% женщин старше трудоспособного возраста. В северо-западном регионе относительно республиканских цифр мальчиков меньше в Бураевском и Янаульском районах, девочек – в Бураевском. Число трудоспособных мужчин больше лишь в городах Агидель и Нефтекамск, число трудоспособных женщин – в

¹ Составлена по: Возрастной состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Уфа, 2006. С. 15-23.

* с подчиненными его администрации населенными пунктами.

городах Агидель, Нефтекамск, Янаул. По количеству лиц старше трудоспособного населения преобладают сельские районы северо-западного региона на фоне республики.

В статье А.Ганиева, С. Кадырова «О проблемах демографического развития Республики Башкортостан» говорится, что снижение численности детей и подростков продолжится. Определяться это будет тем, что численность поколений 2000-2015 гг. рождения, входящих в данную группу в течение прогнозируемого периода, будет ниже, чем выходящих поколений.

Таблица 1.5

Численность населения по отдельным возрастным группам по Республике Башкортостан (на начало года)¹

Гг.	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	Всего, тыс.чел	в % к общей численности населения	Всего, тыс.чел	в % к общей численности населения	Всего, тыс.чел	в % к общей численности населения
2001 (факт.)	923,2	22,5	2379,1	58,0	799,0	19,5
2002	885	21,6	2413	58,9	798	19,5
2003	848	20,7	2450	59,9	793	19,4
2004	807	19,7	2495	61,1	783	19,2
2005	771	18,9	2528	62,0	776	19,1
2006	743	18,3	2557	62,8	771	18,9
2007	722	17,8	2570	63,2	774	19,0
2011	696	17,2	2547	62,9	805	19,9
2016	703	17,5	2428	60,5	884	22,0

Рассмотрим средний возраст населения в северо-западном регионе в 1989 и 2002 гг. по следующей таблице.

Таблица 1.6

Средний возраст населения по городам и районам²

Наименование городов и районов	1989 г.			2002 г.		
	Оба пола	Мужчины	Женщины	Оба пола	Мужчины	Женщины
Респ. Башкортостан	33,4	30,7	35,8	36,4	34,2	38,4
Городское население	32,5	30,2	34,6	36,1	34,0	37,9
Сельское население	34,9	31,5	37,9	37,0	34,5	39,3
Г. Агидель	22,6	22,5	22,6	30,7	29,7	31,7
Г. Нефтекамск *	30,0	28,2	31,5	34,3	32,8	35,6
Г. Нефтекамск	29,6	28,0	31,1	34,1	32,7	35,4
Г. Янаул	33,2	30,6	35,5	35,5	33,5	37,3
Аскинский р-н	33,6	30,1	36,7	35,5	33,1	37,8
Балтачевский р-н	38,3	33,9	42,1	39,3	36,5	41,9
Бураевский р-н	39,8	35,4	43,4	41,6	38,4	44,4
Калтасинский р-н	34,8	31,3	37,9	36,5	33,8	39,0
Караидельский р-н	35,1	31,7	38,0	37,3	34,8	39,6
Краснокамский р-н	37,2	32,6	39,3	37,9	35,2	40,4
Татышлинский р-н	35,1	31,2	38,6	37,0	34,0	39,7
Янаульский р-н	39,3	34,4	43,3	40,3	36,9	43,3

Наименьший средний возраст населения по итогам переписи населения 2002 г. колеблется от 30,7 лет в г. Агидель, наибольший от 41,6 лет в

¹ Составлена по: Ганиев А., Кадыров С. О проблемах демографического развития Республики Башкортостан. // Ватандаш. 2002. № 7. С. 57.

² Составлена по: Возрастной состав населения Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Уфа, 2006. С. 24, 26-29,31.

* с подчиненными его администрации населенными пунктами.

Бураевском районе. В 2007 г. в Республике Башкортостан он составил 37,3 г., в северо-западном регионе республики – 36,6 лет, что ниже общероссийского 38-летнего возраста¹.

Делая выводы, можно отметить некоторый рост численности населения северо-западного региона относительно 1989 г. За межпереписной период возникло два города, вызвавших продолжительную урбанизацию. Так, 45% жителей региона сконцентрированы в трех его городах, остальные 55% - в восьми районах. Половая диспропорция в регионе сходна с республиканской, однако соотношение мужчин и женщин более благоприятно. Возрастная структура более гармонична в городах северо-запада, чем в сельской местности.

© Вафина З. А., 2011

Воробьева С.Л.

К вопросу о происхождении колоколовидных и котловидных подвесок кара-абызской культуры

Проблемы происхождения любой археологической культуры связаны, прежде всего, с особенностями ее материальной культуры, проявляющейся, в том числе и в костюмном комплексе. Рассмотрение вопросов происхождения и трансформации отдельных элементов убранства костюма, в свою очередь, может решить вопросы и этнической составляющей конкретного населения.

Поэтому, в данной работе проанализированы колоколовидные подвески кара-абызской культуры эпохи раннего железа Южного Приуралья (IV в. до н.э. – IV в. н.э.), которые никогда не были объектом специального исследования. На всем ареале обитания кара-абызского населения, они встречены только в 25 погребениях (61 экз.), что составляет 2,8% от общего количества погребений с элементами убранства костюма. Но, несмотря на такую редкость, подвески являются этническим маркером кара-абызской культуры, так как это одно из украшений, встреченное во всех известных могильниках.

Для того чтобы решить вопросы происхождения изделий данной группы, необходимо составить их классификацию. При составлении типологии учитывался такой признак, как форма подвесок, в том числе – наличие петли на изделии.

Отдел А. Бронзовые цельнолитые подвески с петлей (31 экз., 13 п.).

Тип 1. Бронзовые цельнолитые подвески с петлей в виде «скифского котла» (14 экз., 7 п.) (рис. 1: 2-4) (Табл. 1). Они представляют собой пропорциональную миниатюрную копию «скифского котла», полусферического, ножка которого заменена петлей. На изделии имеется

---

¹ Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 год. Уфа, 2009. С. 156.

пара вертикальных ручек, украшенных тремя гвоздевидными выступами. На некоторых украшениях имеются неправильно-круглые отверстия. Размеры изделий 4,5-5x2-2,5 см.

Подвески данного типа происходят из I Биктимировского (2 экз., 1 п.), Охлебининского (3 экз., 2 п.), Кара-абыз-2 (1 экз.) и Шиповского курганного (7 экз., 4 п.) могильников. Погребения женские, 4 из 7 принадлежали подросткам или ребенку (см. Табл. 1). Инвентарь комплексов позволяет их датировать III-II вв. до н.э. В одном погребении (I Биктимировский мог., п.30) в подвесках найдены бронзовые наконечники стрел.

Таблица 1.

**Распределение подвесок в виде скифского котла типа А.1.
в кара-абызских могильниках**

№ п/п	Погребения	Антропологическая характеристика			К-во	Расположение
		Подр.	Жен.	Реб.		
1.	I Биктимировский мог., п.30	+	+	-	2	спускались на ремешках от пояса, с наконечниками стрел внутри подвески
2.	Охлебининский мог., п.18/I-65	-	+	+	1	в области пояса, слева
3.	Охлебининский мог., п.346/IV-80-82	-	+	-	2	спускались на ремешках от пояса
4.	Шиповский КМ, п.2/к.9/Ігр.-67	+	+	-	1	неизв.
5.	Шиповский КМ, п.8/к.5/Ігр.-89	-	-	-	2	висели на концах портупей
6.	Шиповский КМ, п.15/к.8/Ігр.-89	-	-	-	1	неизв.
7.	Шиповский КМ, п.1/І/Шгр.-06	+	-	-	2	висели на концах портупей
8.	Шиповский КМ, ПМ/к.9/Ігр.-67	-	-	-	2	ПМ
9.	Кара-абыз-2, ПМ	-	-	-	1	ПМ

Тип 2. Бронзовые цельнолитые колоколовидные подвески с петлей (14 экз., 5 п.). **Подтип 1.** Цельнолитые изделия размером 3x3 см без отверстий (2 экз., 1 п.) (рис. 1: 8) – найдены в Охлебининском и Уфимском могильниках по одному экземпляру. Женское погребение в Уфимском могильнике (п. 3) по гривне в 1,5 оборота может быть датировано III-II вв. до н.э.

Таблица 2.

Распределение колоколовидных подвесок типа А.2.1 в кара-абызских могильниках

№ п/п	Погребения	Жен.	К-во	Расположение
1.	Уфимский мог., п.3	+	1	в области пояса,
2.	Охлебинино, ПМ	-	1	ПМ

Подтип 2. Цельнолитые подвески с отлитыми отверстиями по бокам. Размеры изделий: 3-3,5х2-2,5 см (12 экз., 4 п.).

Вариант а – изделия с треугольниками (2 экз., 1 п.) (рис. 1: 9) – происходят из Шиповского курганного могильника и мог. Кара-абыз-2. В Шипово подвеска найдена в районе черепа.

Таблица 3.

Распределение колоколовидных подвесок типа А.2.1.а в кара-абызских могильниках

№ п/п	Погребения	Жен.	К-во	Расположение
1.	Шиповский КМ, п.1/к.4/Гр.-66	+	1	слева у черепа
2.	Кара-абыз-2, ПМ	-	1	ПМ

Вариант б – изделия с ажурными прорезями по бокам (10 экз. 3 п.) (рис. ___: 10). На части предметов имеются отверстия для продевания ремешка. Подвески происходят с горы Курмантау (1 экз.), Охлебининского (3 экз., 1 п.) и Шиповского курганного (3 экз., 2 п.) могильников. Одна накладка (Шиповский КМ, п.1/к.4/Гр.-66) найдена у черепа.

Таблица 4.

Распределение колоколовидные подвески с петлей с отверстиями в кара-абызских могильниках

№ п/п	Погребения	Подр	Жен.	К-во	Расположение
1.	Охлебининский мог., п.88(2)/Ш-65	-	+	1	в области пояса, рядом с крючком
2.	Охлебининский мог., ПМ	-	+	2	ПМ
3.	Курман-Тау, коллекция	-	-	3	ПМ
4.	Шиповский КМ, п.1/к.4/Гр.-66	-	-	1	слева у черепа
5.	Шиповский КМ, п.2/к.9/Гр.-67	+	+	2	неив.

Тип 3. Подвески колоколовидной формы с навершиями (3 экз., 1 п.).

Подтип 1. Цельнолитое изделие размером 4х2 см, орнаментированное насечками на выпуклой части подвески (рис. 1: 5). Одно изделие происходит из Шиповского курганного могильника (ПМ/к.9/Гр.-67) и датируется III-II вв. до н.э. Аналогии подобным изделиям нами не найдены.

Подтип 2. Изделие размером 3,3х3,3 см с навершием в виде голов птиц (?) (1 экз.) (рис. ___: 14) – происходит из I Биктимировского (п. 3) могильника, где оно датируется III-II вв. до н.э.

Отдел Б. Подвески без петли (30 экз., 12 п.).

Тип 1. Бронзовые полые подвески со сквозными отверстиями размером 1-1,5х1 см (28 экз., 11 п.) (рис. 1: 13) – происходят из женских погребений I Биктимировского (1 экз., 1 п.), Охлебининского (18 экз., 5 п.) и Шиповского грунтового (9 экз., 5 п.) могильников.

Изделия, как правило делали из согнутого листа бронзы. Только одна подвеска, датируемая III-II вв. до н.э., цельнолитая (I Биктимировский мог., п.39). Остальные комплексы датируются II-IV вв. н.э. Подвески подобного

типа не получили распространение в мазунинских и пьяноборских древностях.

Тип 2. Бронзовая подвеска размером 2х1 см из Шиповского грунтового могильника (п.252/ХІІІ-93 – 1) (1 экз.) (рис. 1: 12). Изделие имеет прорезные отверстия.

Вероятно, к этому отделу относятся и костяная колоколовидная подвеска с орнаментом размером 6х2 см из Шиповского грунтового могильника (Шиповский ГМ, п.311/ХІІІ-93). Аналогии подобным изделиям нами не найдено.

Таблица 5.

Распределение колоколовидных подвесок типа Б.1. в кара-абызских могильниках

№ п/п	Погребения	Антропологическая характеристика			К- во	Расположение
		Подр.	Жен.	Adultus (19-30 л)		
1.	І Биктимировский мог., п.39	-	+	-	1	ниже пояса
2.	Охлебининский мог., п.105(4)/V-65	+	+	-	2	на правой голени
3.	Охлебининский мог., п.222/IV-80-82 над п.234	+	-	-	2	между голеньями
4.	Охлебининский мог., п.233/IV-80-82	+	-	-	4	между голеньями
5.	Охлебининский мог., п.333/IV-80-82 над п.350	-	+	-	2	в ногах
6.	Охлебининский мог., п.510/XI-80-82 над п.513	-	+	-	4	в ногах
7.	Охлебининский мог., ПМ	-	-	-	4	ПМ
8.	Шиповский ГМ, п.5/IV-65	+	-	-	2	в ногах
9.	Шиповский ГМ, п.23/VII-66	-	+	-	3	на поясе
10.	Шиповский ГМ, п.37/ХІІІ-91	-	-	-	2	по обеим сторонам стоп
11.	Шиповский ГМ, п.93/ХІІІ-93	-	-	-	1	неив.
12.	Шиповский ГМ, п.252/ХІІІ-93	-	+	+	1	у костей предплечья

Таким образом, колоколовидные подвески являются атрибутом женского, преимущественно подросткового, костюма. Они появляются в III-II вв. до н.э. и существуют, постепенно трансформируясь (см. рис. 1) на протяжении всех этапах существования кара-абызской культуры. При этом, оставаясь принадлежностью подросткового костюма.

Котловидные подвески типа А.1 появляются в кулайской культуре в III в. до н.э.¹ и продолжают бытовать в I в. до н.э. – I в. н.э. в таштыкских и хуннских комплексах². Кулайские изделия имеют длинные стерженьки с

¹ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. С. 13; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М., 1991. Рис. 70: 6.

² Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. С. 430-431; Мамонтов В.И. Амуниция знатного воина из Первомайского могильника // Стержень. Научный ежегодник. Вып. 1. Волгоград, 2000.

петлей, а таштыкские – коническую ножку с отверстием. Наличие петли на кара-абызских подвесках приближает их типологически к кулайским, на что указывает Т.Н. Троицкая¹. Котловидные подвески таштыкского и кара-абызского типов происходят из сарматских комплексов Нижнего Поволжья и Уральской области II-I вв. до н.э.².

Подвески же типа А.2 вероятнее всего, относятся к другой линии развития. Еще в сакское время в VII-VI вв. до н.э. на территории Казахстана³, Алтая⁴, в хуннской среде⁵ и в ананьинской среде⁶ появляются колоколовидные подвески с прорезными отверстиями по бокам или без них.

Иногда в таких изделиях имеется выступающий язычок в виде «сапожка». При этом, ананьинское население использовали подвески в качестве привесок к головному убору. В Шиповском могильнике 2 подвески типа А.2 найдены в районе черепа, что свидетельствует об их близости с ананьинскими изделиями.

По всей видимости, подвески типа А.2 появились в кара-абызской среде под влиянием ананьино раньше изделий типа А.1. Об этом говорит датировка погребения из Шиповского курганного могильника (п.1/к.4/Гр.-66) с ними, относящегося к IV-III вв. до н.э. (по поясному крючку). Изделия типа А.2. так же встречаются в Поволжье⁷.

О кулайском происхождении и появлении в кара-абызской среде именно под влиянием «восточного импульса» котловидных подвесок типа А.1. говорит и наличие подобных изделий в Зауралье, где они датируются III-I в. до н.э.⁸. Подвески типа Б.1. и Б.2 являются местной, кара-абызской трансформацией этих изделий.

Рис. 28: 7. С. 176; Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. Табл. 77: 23. С. 427.

¹ Троицкая Т.Н. Там же.

² Железчиков Б.Ф. Археологические памятники Уральской области. Волгоград, 1998. Рис. 18: 12. С. 18; Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Сергацков И.В. Прохоровская культура в Нижнем Поволжье: становление и трансформация // Ранние кочевники Волго-Уральского региона: материалы международной научной конференции «Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий». Оренбург, 2008. Рис. 3: 2. С. 56; Скрипкин А.С. Новые аспекты в изучении материальной культуры сарматов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 3, 2000. Рис. 5: 2-7; Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI-II вв. до н.э.). М., 2006. Рис. 68: 5. С. 119.

³ Тауров А.Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII-VI вв. до н.э. Челябинск, 2007. Рис. 6: 28, 29. С. 183.

⁴ Давыдова А.В., Миняев С.С. Пояс с бронзовыми бляшками из Дырестуйского могильника // Археологические исследования на Алтае. Барнаул, 1987. Рис. 1: 9, 10.

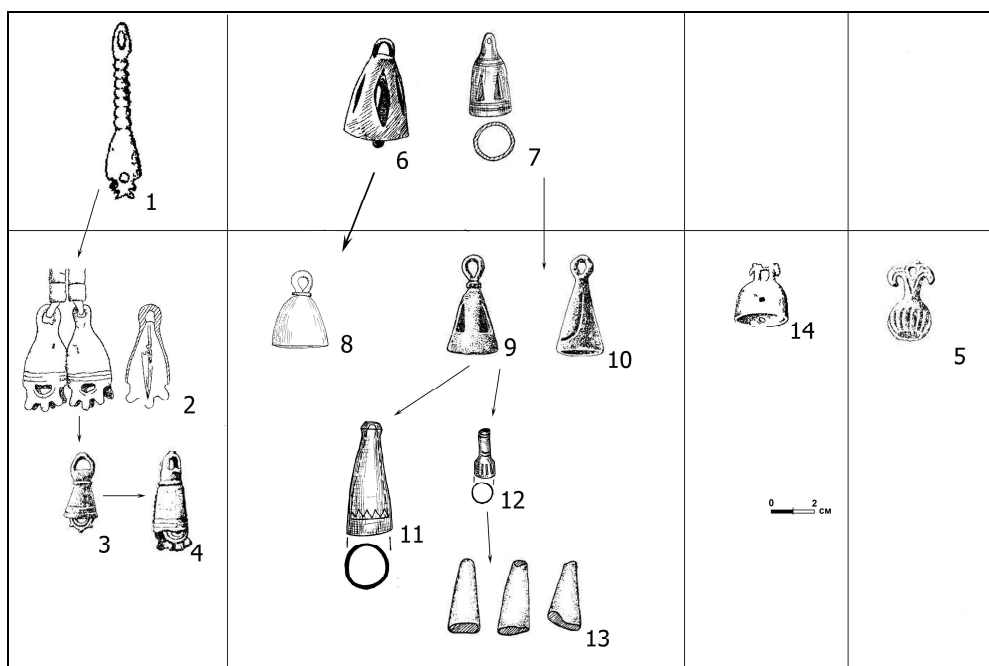
⁵ Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 8: 16.

⁶ Патрушев В.С. Марийский край VII-VI вв. до н.э. (Старший Ахмыловский могильник). Йошкар-Ола, 1984. Табл. 111: 3а; Казаков Е.П. Новый ананьинский могильник в низовьях р. Камы // СА. 1977. №3. Рис. 2: 11. С. 199.

⁷ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону // Свод археологических источников. Вып. Д1-31. 1965. Табл. 21: 31. С. 81; Медведев А.П. Сарматы в Верховьях Танаиса. М.: Таус, 2008. . Рис. 21: 11. С. 172.

⁸ Виноградов Н.Б., Тауров А.Д. Сарматские погребения могильника Солнце III // Новое в археологии Урала: Сб. науч. трудов. Челябинск, 1996. Рис. 2: 5. С. 171.

Рис. 1: Происхождение и трансформация колоколовидных подвесок кара-абызской культуры: 1 – кулайская культура¹; 7 – ананьинская культура²; 6 – сакская общность³; остальное – кара-абызская культура: 2, 14 – Биктимировский мог.⁴; 3, 4, 9-10, 15 – Шиповский КМ⁵; 4, 13-14 – Охлебининский мог.⁶; 11-12 – Шиповский ГМ⁷.
11 – кость, остальное – бронза.

© Воробьева С.Л., 2011.

Габдрафикова Л.Р.

Роль звукозаписи в становлении татарской буржуазной культуры (конец XIX – начало XX веков)

Музыкальная культура у татар на протяжении долгих столетий носила частный характер, публичное исполнение мелодий не приветствовалось мусульманским духовенством. Например, в медресе категорически

¹ Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: Человек и природная среда. М.: Наука, 1991. Рис. 70: 6.

² Патрушев В.С. Указ. соч. Табл. 111: 3а.

³ Таиров А.Д. Указ. соч. Рис. 6: 28, 29. С. 183.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Биктимировский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964. Рис. 4: 1, 4.

⁵ Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников // Древности южного Урала. Уфа, 1976. Рис. 6: 8-10, 16. С. 42.

⁶ Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968. Рис. 6: 15; МАЭ, инв. №20524, 20530; Пшеничнюк А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебининского могильника // Хронология памятников Южного Урала: Сборник статей. Уфа, 1993. . Рис. 18: 6-8. С. 58.

⁷ Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. Рис. 66: 19, 76: 19.

запрещалось играть на музыкальных инструментах, петь и танцевать. Несмотря на существующие запреты, в татарском мусульманском обществе любовь к музыке всегда присутствовала и новые формы досуга, утвердившиеся в конце XIX - начале XX века, ярко иллюстрируют это пристрастие.

В домашнем быту городских татар еще в конце XIX века появились поющие часы, чуть позднее – различные музыкальные шкатулки. «Каждый более или менее состоятельный мещанин считал нужным обзавестись каким-либо музыкальным механизмом. Самым распространенным среди татар был музыкальный ящик «Stella» маленького формата (...). Менее состоятельные имели еще меньшие ящики под названием «Аристон», так что долго время среди татар сохранялось это слово «аристон», как нарицательное название всякого музыкального механизма, – писал о дореволюционной музыке композитор Султан Габяши в 20-е годы XX века, – Все эти инструменты имели жестяные пластинки различного формата, наподобие граммофонных»¹.

Одним из первых мастеров музыкальных механизмов в г. Казани был Гариф Минкин, который помимо почина часов, занимался и музыкальными шкатулками, записывал татарские народные мелодии на медные пластинки. На Сенном базаре он принимал заказы в «нотной мастерской мусульманских мелодий». Пластинки можно было получить и по почте². Учеником Гарифа Минкина стал сын казанского водовоза Гилязутдин Сайфуллин. Некоторое время юноша учился в единственном в городе светском учебном заведении для мусульман – Казанской татарской учительской школе, что, вероятно, повлияло на выбор будущей музыкальной профессии³. В 1889 году он устраивается на работу к Гарифу Минкину. Через несколько лет Гилязутдин Сайфуллин открывает собственную мастерскую. Так же как и учитель, чинил различные «музыкальные машины»: Стелла, Симфонион, Полифон, Мира, Пиано-мелодика и другие. В рекламном объявлении 1910 года он писал о том, что может выслать каталог с наименованием из 200 татарских песен. Жители Ново-татарской слободы г. Казани, где проживал мастер, называли его «эргэн Гиляз» (орган Гиляз). Конечно, казанские муллы не одобряли деятельность ни Гилязутдина Сайфуллина, ни тем более его предшественника Гарифа Минкина. Их бойкотировали и проклинали⁴.

Тем временем продолжался технический прогресс музыкальных носителей и механизмов. Уже в 1910-е годах «аристоны», с их металлическими дисками, вытесняются принципиально новой звукозаписывающей техникой. В обиход входят граммофоны. Они были известны еще с конца XIX столетия, но стали повсеместно применяться лишь спустя некоторое время. Самодеятельные татарские певцы начинают

¹ Габяши С. О татарской музыке // Султан Габяши. Казань, 1994. С. 49.

² Рамиев И.Г., Даутов Р.Н. Литературный словарь (краткий справочник по дореволюционной татарской литературе и культуре) (на тат. яз.). Казань, 2001. С. 179; 229.

³ Исламов Р. Из истории нашей музыкальной культуры. Мастер музыкальных пластинок Г.Г. Сайфуллин. (на тат. яз.) // Эхо веков. 2010. №1/2. С. 253-256.

⁴ Габяши С. Указ. соч. С. 50.

записывать песни на пластинки. Например, в 1910 году оренбургская газета «Вақыт» сообщала о том, что певец Мухаммеджан Габидуллин съездил в Москву в общество «Грамофон» (одна из первых звукозаписывающих компаний, основная контора находилась в Лондоне – прим. Л.Г.). «Он поет песни на стихи новых татарских поэтов», – писал о нем писатель Мажит Гафури¹. Интересную статью о татарских грамофонных записях опубликовал поэт Сагит Сунчелей в газете «Юлдуз» от 11 апреля 1914 года². Прежде всего, он отмечает, что до сих пор нет своих татарских композиторов, поэтому приходится перепевать народные песни. «Новые мелодии появляются, но они не очень национальные и не красивые», – пишет Сунчелей. Из певцов, чьи пластинки были распространены в татарском обществе накануне Первой мировой войны, он отмечает Махмузу Булатову, Марьям Искандарову, Нафису Пуснякову (Позднякова – прим. Л.Г.), Мирфайзу Бабажанова, Камиля Мутыги, Хусаина Юсупова, Ибрагима Адамантова, Габдуллу Кариева. Кроме того, пользовались популярностью и инструментальные пластинки. Среди татар-мусульман (в отличие от кряшен) было известно только сольное пение, видимо, поэтому не по душе автору пластинки с записями хорового исполнения частушек. Он считал это вульгарным занятием. Вероятно, тема, поднятая Сагитом Сунчелеем, волновала многих читателей. В летних номерах газеты «Юлдуз» в том же 1914-м году появились заметки публициста Шагита Ахмадиева, так же посвященные грамофонным пластинкам. Его тоже волновал уровень исполнения татарских песен. По мнению Ш.Ахмадиева, они сильно искажались самодеятельными певцами и певицами. «Что бы ни делал купец, он всегда думает о прибыли», – заключает автор статьи, указывая на спонсоров музыкальных проектов³. О качестве грамофонных записей писал еще раньше и Габдулла Тукай. Это исполнение он сравнивал и с «кошачьими воплями», и со «скрипом не смазанной телеги»⁴. В той же газете «Юлдуз» в 1914 году, продолжая музыкальную тематику, другие авторы отмечали, что могли бы гордиться такими певицами как Марьям Искандарова и Нафиса Позднякова, если бы им хватало воспитания и образования⁵. Скорее всего, намекали на трактирный стиль пения.

Как известно, на рубеже XIX-XX веков татарские музыканты-любители могли демонстрировать свое творчество лишь в ресторациях и трактирах, а также другого рода увеселительных заведениях. Если у мусульманского духовенства это вызывало откровенный гнев, то остальной публикой (например, интеллигенцией) эти музыканты воспринимались не особо

---

¹ Гафури М. Татарский певец (на тат. яз.) // М. Гафури. Произведения в 4 томах. Т. 3. Казань, 1983. С. 348.

² Сунчелей С. Наша музыка (грамофоны) // Сагит Сунчелей. Произведения и письма (на тат. и рус. яз.). Казань, 2005. С. 235-238.

³ Гайнуллин М. Из истории нашей музыкальной культуры // М. Гайнуллин. Литература и действительность (на тат. яз.). Казань, 1987. С. 293.

⁴ Тукай Г. Сочинения (на тат. яз.). Т.5. Казань, 1986. С. 53-54.

⁵ Рамиев И.Г., Даутов Р.Н. Литературный словарь (краткий справочник по дореволюционной татарской литературе и культуре) (на тат. яз.). Казань, 2001. С. 109.

уважительно. Даже при выступлениях в общественных садах, или в более респектабельных местах, на них оставался ярлык трактирных певцов. Такое же отношение сохранялось и при обсуждении граммофонных записей.

С другой стороны, столь критикуемый в прессе низкий уровень исполнения не всегда был таковым при живом исполнении. Виной всему сама техника звукозаписи, которая при малейшем неправильном движении искажала звук. Микрофонов, корректирующих голос, тогда не было. Певец пел в рупор соединенный с мембраной, которая своей иглой записывала на восковой пластинке борозду. С них уже делались оттиски и печатались настоящие пластинки. При сильных звуковых колебаниях мембрана так дребезжала, что там действительно, по выражению Г. Тукая, слышались «кошачьи вопли». Конечно, сразу после появления граммофонов мало кто знал о таком свойстве новой техники, поэтому на исполнителей обрушился целый шквал негодований. Неслучайно, слово «граммофон» через некоторое время почти нарицательным, так звали любого плохого певца¹.

В начале XX века в татарском обществе наблюдается небывалый интерес к музыке. Это видно и по литературно-музыкальным вечерам, и популярности грампластинок, и по полемике на страницах национальной периодической печати. Как видно из обозначенного выше материала многие были недовольны качеством исполнения граммофонных певцов и певиц. Но имелись определенные претензии и к самому музыкальному материалу. Так, большинство авторов признавали, что татарские песни утратили свою самобытность и значительно уступают народному творчеству башкир и ногаев. Оригинальность музыкальной культуры последних объяснялось относительной изолированностью их быта от чужеродного влияния, полукочевым образом жизни. По мнению писателя Гаяза Исхаки, забыты не только сами мелодии, но и сам национальный дух татарских и мишарских песен. «Вся музыкальная сила теперь заключается в пении русских частушек на татарский лад. Единственная отдушина для нас – это башкирские мелодии. Казанские песни – оставшиеся от ханов либо навсегда забыты, либо уже исчезают», – писал он в статье «Наша национальная мелодия и музыка», опубликованном в журнале «Мэктэп» в начале 1914 года². Влияние русской музыки на татарское народное творчество отмечали и другие авторы. Отдаление татар от народной музыки, другой исследователь вопроса – историк Гали Рахим связывал с развитием городской культуры у татар. «Среди нас теперь очень мало тех, кто напевает красивые старинные мелодии; народ теперь любит новые песни, без глубокого смысла, их сочиняют одну за другой», – сокрушался он³.

На рубеже XIX- XX веков татары выделяли сельские мотивы («авыл кое») и городские («шэхэр кое»). Собственно, городские песни и

---

¹ Колбасьев С. Радиокнижка. М.: ОГИЗ Молодая гвардия, 1931. С. 109.

² Исхаки Г. Наша национальная мелодия и музыка (на тат. яз.) // Г. Исхаки. Соч. в 15 т. Т. 6. Публицистика и литературно-критические статьи (1902-1914). Казань, 2005. С. 279-281.

³ Рахим Г. Один взгляд на народную литературу (на тат. яз.) // Гали Рахим. Историко-документальный, литературный и биографический сборник. Казань, 2008. С. 76.

записывались на граммофонных пластинках. Несмотря на примитивную квадратную форму и на трактирный налет исполнения эти песни способствовали объединению различных локальных очагов татарской городской культуры. Тем более на грампластинки, кроме мелодий и песен, записывали так же и стихи. В 1910-1913 годах в граммофонном товариществе «Пате» была выпущена серия пластинок с произведениями Габдуллы Тукая. Среди исполнителей были Камиль Мутыги, Габдулла Кариев, Мухамметжан Губайдуллин. Кстати, «Братья Пате» являлась известной европейской компанией. Его отделение имелось и в Москве, скорее всего именно там и записывались татарские певцы. Распространение музыкальных носителей и дальнейшее обсуждение всех плюсов и минусов данного направления досуга, выработка более высоких требований к ним, создавало единое культурное пространство, что, безусловно, сыграло значительную роль в консолидации татарской буржуазной нации. Например, по мнению музыковедов, зарождение профессиональной татарской музыки уже в советское время, во многом, было связано с использованием городского песенного творчества¹. Граммофонные записи стали альтернативой, объединяющей публичное исполнение и частное прослушивание. Так, не все татарские женщины могли позволить себе посещение ресторанов и трактиров, общественных садов. Благодаря звукозаписи этот вид культурного отдыха, до этого доступный лишь мужчинам, проникал и в домашнюю среду, а именно в женскую половину.

В начале XX века музыкальная культура в татарском мусульманском обществе становится массовой. По мнению Сагита Сунчелея, если весь XIX век прошел под флагом гнета народной музыки, то в начале следующего столетия граммофоны есть «во всех деревнях, что у мужика, что у муллы»². В местностях, где татары проживали вместе с русским населением, где не было изолированных татарских кварталов и слобод, различные технические новинки и европейские музыкальные инструменты входили в обиход чуть раньше, во второй половине XIX века. Например, так было в городе Касимове Рязанской губернии³. Неслучайно, одна из самых популярных певиц начала XX века Марьям Искандарова, которая даже получила специальное музыкальное образование, была родом оттуда.

К 1914 году в Москве (большая часть мужского населения касимовских и нижегородских татар работала и проживала там) более 40 товариществ и обществ предлагали граммофоны, а так же услуги по звукозаписи⁴. В основном, татарские пластинки записывались в московских фирмах: «Граммфон», «Пате» и др. О развитии этого сегмента рынка говорит и то, что в Государственной думе третьего созыва в 1907-1911 гг. рассматривали

---

¹ *Исхакова-Вамба Р.А.* Народные песни казанских татар. Казань, 1976. С. 120.

² *Сунчелей С.* Наша музыка (граммофоны) / Сагит Сунчелей. Произведения и письма (на тат. и рус. яз.). Казань, 2005. С. 236.

³ *Терпигорев С.Н.* Лакейская столица // Исторический вестник. Том 32. СПб., 1888. С. 77.

⁴ *Вся Москва.* Адресная и справочная книга на 1914 год. М., 1914. С. 163-164.

вопрос об авторских правах, где, в том числе, обсуждались и «издания граммофонных дисков и тому подобных механических нот»¹.

В провинциальной России рынок был не столь насыщенным. Не отрицая преследуемую татарскими предпринимателями коммерческую выгоду, стоит отметить, что без их содействия вряд ли была бы возможна как реализация, так и продвижение образцов звукозаписи. Одними из таких продавцов татарской музыкальной продукции являлись казанские купцы братья Каримовы. В их уфимском филиале к 1917 году торговали и граммофонами, и пластинками, и, конечно же, соответствующими музыкальными носителями с татарскими мелодиями и песнями².

В мировой и русской культуре значение ранней грамзаписи сводится, в основном, к сохранению уникального музыкального наследия³. В татарской истории образцам звукозаписи отведена несколько иная роль, кроме «консервирующей» функции они способствовали становлению, как городской буржуазной культуры, так и в целом буржуазного общества. Кроме приобщения к опыту мирового искусства, татары создавали собственное единое культурное пространство. Благодаря музыкальным носителям появился понятный всем предмет для обсуждения на страницах национальной печати. Бурные дискуссии, в какой-то мере спровоцированные грамзаписями, привели уже к тому, что менялось в целом отношение к музыке. Татарские юноши и девушки поступали в музыкальные училища, в мусульманских учебных заведениях организовывались собственные хоры и оркестры. Певцами и певицами становились люди из самых разных семей. Так, один из знаменитых исполнителей тех лет Камиль Мутыги был сыном авторитетного религиозного деятеля – муллы Мутыгуллы Тухватуллина из г. Уральска.

Таким образом, размывались границы традиционного общества, с привычным сословным делением, когда сыновья продолжали дела отцов. Новый сегмент рынка содействовал дальнейшему разделению труда в буржуазном обществе: заказывали музыку предпринимательские слои, выполнял запрос зарождающийся класс творческой интеллигенции – музыкантов-любителей, идеологическую основу обеспечивали интеллигентские круги, которые с одной стороны критиковали грамзаписи, с другой продвигали их до широких масс. В конце 1916 года музыкант-любитель Г.Садыков уже констатировал: «Сейчас, слава Аллаху, в нашем народе есть люди, понимающие искусство. Поэтому мы надеемся на прогресс в области национальной музыки и драмы»⁴.

© Габдрафикова Л.Р., 2011.

---

¹ Обзор деятельности Государственной Думы Третьего созыва. 1907-1912 гг. Ч. 2. СПб.: Гос. Типография. С. 621.

² См. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1917 год. Уфа, 1917.

³ Грюнберг П.Н. Феномен ранней грамзаписи в истории России начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. 2010. №4-5. С. 17-23.

⁴ Садыков Г. Татары в Казанской музыкальной школе (на тат. яз.) // Юлдуз. 1916. 30 декабря.

Галина Л.И.

Динамика изменений оплаты труда в колхозах Башкортостана в 1950-е - 1980-е годы.

Крестьянство нашей страны за XX век прошло сложный и противоречивый путь развития, испытав на себе все трагические последствия политики. Природу его пытались изменить посредством коллективизации, а в последующем через огосударствление собственности путем реорганизации колхозов в совхозы.

Сегодняшний кризис в аграрной сфере во многом объясняется тем, что в течение многих лет для государственной аграрной политики было характерным игнорирование интересов основного производителя деревни, ущемление социальных прав крестьянства, что неизбежно приводило к миграции населения из деревень, массовому раскрестьяниванию.

Как известно, в годы советской власти существовало несоответствие уровня социального развития колхозного крестьянства БАССР созданному им экономическому потенциалу в аграрном секторе.

В развитии общественных классов и групп определяющее значение имели качество и образ жизни. Они были непосредственно связаны с денежными доходами населения и в условиях 50-80х гг. – прежде всего с заработной платой. В системе заработной платы в этот период не удалось устранить элементы уравниловки, усилить стимулирующее значение оплаты. Экономические преобразования, как правило, вели к опережающим темпам роста заработной платы по сравнению с ростом производительности труда.

В октябре 1947 года Советом Министров БАССР и Башобкомом ВКП(б) было принято постановление «О введении порядка оплаты труда в колхозах республики в зависимости от получаемого урожая и выхода продукции животноводства, принятого колхозами «Буляк», «Якты Юл»-Бузовьякского, «Парижская Коммуна», «Красный Октябрь», им. Молотова - Уфимского и им.Тимирязева – Буздякского районов».

В марте 1947г на Пленуме Башобкома было принято решение закрепить за полеводческими бригадами постоянные земельные участками, инвентарь, скот и к 1 июля 1947г завершить пересмотр колхозами норм выработки и расценок в трудоднях.

Центральной идеей постановления была материальная заинтересованность каждого колхозника, руководителя колхозного производства в повышении продуктивности общественного хозяйства. С этой целью колхозам предлагалось распределять доходы с учетом урожая, при перевыполнении установленного плана – начислять дополнительно за каждый процент перевыполнения 1% трудодней от их общего количества, затраченного на эту культуру.

При невыполнении плана сбора урожая с бригады списывался один процент трудодней за каждый процент невыполнения плана. Оплату

труда колхозников, занятых в животноводстве, также рекомендовалось проводить в зависимости от продуктивности скота. Например, скотнице за каждые 100 литров молока, надоенное от закрепленной за ней группы коров в пастбищный период, начислять 1,2-1,8 трудодней, в стойловой период 2,2-3,2 трудодня. Начисление трудодней рабочим свиноферм ставилось в зависимости от сохранения молодняка, прироста живого веса откормочных

Широкое распространение к концу пятилетки, особенно в передовых колхозах, получила натуральная дополнительная оплата за перевыполнение плана урожайности и продуктивности животноводства. Колхозник, премированный таким образом, получал продукцию, минуя общеколхозный фонд распределения по трудодням.

Эта форма стимулирования была и более доходчива, убедительна. Колхозник, знал, сколько килограммов продукции он получит за перевыполнение плана независимо от стоимости трудодня.¹ Количество денег и продуктов, выдаваемых на трудодни, различалось по отдельным районам Башкортостана; существовала разница и внутри районов, между колхозами. В 1948г в 1623 колхозах БАССР было выдано колхозникам на 1 трудодень от 100 до 300г зерна и бобовых, в 1237 колхозах-300-500г, в 34 колхозах – от 2 до 3 кг, а в 45 колхозах вообще ничего не выдавали.

Постепенно увеличилась и денежная часть оплаты трудодня. Более четверти всех колхозов страны в конце пятилетки выдавали на трудодень свыше 1 рубля, в том числе 16,5% от 1 до 2,5 рублей. Здесь следует заметить, что для первых послевоенных лет весомость оплаты трудодня определялось не, сколько размером денежной, сколько натуральной части-хлеба, картофеля и т. д. Некоторые колхозы при незначительной денежной оплате трудодня обеспечивали сравнительно высокую натуральную оплату, излишки которой реализовывались на колхозном рынке.

Денежная оплата в колхозах БАССР была гораздо ниже, чем в целом по стране. Так, если в Башкортостане в 1958г на один трудодень колхозник получал 2,01 руб., то в среднем по СССР приходилось по 4,72 руб. В конце 50х г один трудоспособный колхозник вырабатывал примерно 320 трудодень, колхозная семья при одном-двух занятых в колхозном производстве получала 480-960 кг зерновых, 1,5-3 тыс. руб. денег и другие продукты в среднем по колхозам СССР.

В БАССР в 1958 г. колхозная семья зерновых получила столько же, а денег всего лишь 650-1300 руб. Оплата труда колхозников Башкортостана на протяжении исследуемого периода претерпевала существенные изменения. В республике темпы перехода к гарантированному заработку были различными.

В 1960 г. применяли новую форму оплаты труда в Дуванском районе 14 из 16 колхозов, в Зилаирском, соответственно, 13 из 16, в Салаватском 6 из 7, в Балтачевском из 16-14, в 10 районах лишь по одному колхозу, и еще

---

¹ *Мамаев П.В.* Оплата труда в колхозах с учетом урожая // Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. М., 1951. С. 252.

в 10 районах – лишь во всех колхозах. Наиболее успешно применялась новая система оплаты труда в Чекмагушевском, Дюртилинском, Гафурийском и Ермакеевском районах, где за норму, были, приняты реальные денежные расценки и своевременно производилась, их оплата.

К началу 1961 г. денежная оплата использовалась в 38,7% колхозов республики, к началу 1962 г. – 55,5%. В 1965 г. 77,8% колхозов БАССР применяли гарантированную денежную оплату труда.

Следует отметить, что в Башкортостане к гарантированной оплате труда переходили колхозы в экономическом отношении средние и даже ниже среднего уровня, главным образом те, которые на собственном опыте убедились в эффективности ежемесячного авансирования трудодня.

Первые итоги введения гарантированной оплаты труда показали, что во всех применявших ее колхозах, повысились трудовая активность производительность труда. Но постепенно стали выявляться и ее негативные стороны. Гарантированная денежная оплата меньше, чем оплата по трудодням, связывала трудовое участие каждого отдельного колхозника с конечными результатами производственной деятельности колхоза.

Как известно, в 60е гг. с применением практики дотаций от государства, с ростом капитальных вложений в сельское хозяйство, крестьянство стало терять заинтересованность в развитии общественного хозяйства, так как оплата труда от этого практически не зависела. Гарантированный денежный заработок приводил к уравниловке.

Таким образом, оплата труда за эти годы возросла с 1,41 руб. до 2,08 руб. в расчете на один человеко-день, или в 1,5 раза. Доля денежных доходов по основной и дополнительной оплате труда колхозникам в процентном соотношении к фактически полученным денежным доходам составляла в 1960 г. 34,6%, в 1965 г. – 45,7%, т. е. возросла на 11,1%.

Для ликвидации текучести кадров и повышения квалификации работников животноводства признано необходимым присваивать классы работникам основных профессий (дояркам, скотникам-пастухам, телятницам, свиноводкам, чабанам, птичникам и конюхам) и производить оплату за классность. Предоставлять постоянным работникам животноводства ежегодные оплачиваемые отпуска¹.

В растениеводстве оплата осуществлялась за объем выполненных работ. За получение сверхпланового урожая сахарной свеклы, картофеля, кукурузы и подсолнечника в соответствии с постановлением бюро обкома КПСС и Совета Министров от 30 марта 1965 г. выдавалась дополнительная плата. Кроме того, предусматривалась дополнительная оплата за своевременное и качественное выполнение основных видов работ по возделыванию сахарной свеклы².

Колхозным звеньям, бригадам и отрядам, непосредственно занятым на возделывании и уборке сахарной свеклы, дополнительно к установленной

---

¹ Мамаев П.В. Указ. соч. С. 66.

² ЦГИА РБ Ф. р. 164. Оп. 8. Д. 2832. Л.81.

оплате труда начислялось не менее 50 коп. за каждый центнер выращенной и сданной государству сахарной свеклы. Не менее 40-50% указанной выплаты выдавалось авансом в течении года за своевременное и высококачественное проведение работ по междурядному рыхлению, прорывке и проверке посевов, формированию и сохранению оптимальной густоты насаждения сахарной свеклы¹.

В соответствии с этим постановлением многие колхозы и совхозы республики стали шире применять дополнительную оплату. Так, в Кушнареновском районе в 1966 г. в виде дополнительной оплаты только за увеличение производства и заготовок сахарной свеклы, подсолнечника, гречихи проса выплатили колхозникам более 100 тыс. рублей.

Рабочие Кугарчинского совхоза за увеличение производства гречихи получили более 5,3 тыс. рублей дополнительной оплаты. Свекловодам Кармаскалинского района было начислено и выдано 463 тыс. рублей дополнительной оплаты².

Важным мероприятием партии и правительства, облегчающим переход на гарантированную оплату труда колхозников, явилось введение прямого банковского кредитования колхозов. Постановлением Совета Министров СССР от 17 декабря 1965 г. предусмотрено «организовать, начиная с 1966 г., проведение широкого опыта прямого банковского кредитования колхозов»³.

Во исполнение этого постановления в 1966 г. в республике проводилось в порядке опыта прямое банковское кредитование в Аургазинском, Бураевском, Бирском, Кушнареновском и Мечетлинском районах⁴. Уже в 1967 г. 488 колхозов переведены на прямое банковское кредитование. В среднем по республике фонд оплаты труда в 1967 г. составил 51-52% доходов вместо 42% в 1965 г. таким образом. На все остальные расходы, в том числе на производственные нужды и на пополнение неделимых фондов, оставалось 48-49%, которые требовалось использовать разумно⁵.

За 1966-1969 гг. денежные выдачи колхозникам увеличились на 47,2%, рабочим совхозов – на 27,5, работникам промышленности – на 22,6%. Введение новой оплаты труда в колхозах явилось большим шагом вперед, повысило уровень материального благосостояния колхозников.

Уровень оплаты труда в колхозах отражает окончательный результат распределения между колхозниками выделенной для личного потребления части произведенного их трудом общественного продукта. Этот показатель характеризует ту долю общественного продукта, которая приходится на каждого члена колхоза или на каждый человеко-день, отработанный ими в общественном производстве.

---

¹ ЦГИА РБ Ф. 122. Оп. 73. Д. 20. Л. 69.

² ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 167. Д. 57. Л. 34-35.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 5. С. 739.

⁴ ЦГАОО РБ Ф. 122. Оп. 154. Д. 26. Л. 53-55.

⁵ ЦГИА РБ Ф. р. 164. Оп. 8. Д. 2421. Л. 82.

Средняя оплата труда соответствующих категорий колхозников в колхозах всех районов республики стала более ровной.

Это говорит о том, что действие закона равной оплаты за равный труд ныне уже не ограничивается рамками отдельных колхозов, как это было до 1966 г., а проявляется в масштабе колхозного сектора социалистического производства в целом: каждый колхоз теперь имеет возможность оплачивать труд своих членов исходя как минимум из тарифных ставок, рекомендованным хозяйствам при введении гарантированной оплаты труда колхозников.

Существенную роль в повышении жизненного уровня рабочих колхозов и совхозов сыграла реализация постановления ЦК КПСС, Совета Министров СССР и ВЦСПС «О повышении минимальной заработной платы рабочим и служащим с одновременным увеличением ставок должностных окладов среднеоплачиваемых категорий работников» от 12 декабря 1972 г.

На введение новых условий оплаты труда совхозам республики было выделено дополнительно в фонд заработной платы в 1974 г. 3462 тыс. руб., в 1975 г. - 8677 тыс. руб. это позволило повысить заработную плату рабочим растениеводства и занятым на конно-ручных работах, с 71 руб. в 1973 г. до 73 руб. в 1975 г., рабочим ремонтных мастерских с 88 до 101 руб., шоферам – с 102 до 120, дояркам – с 99 до 108, скотникам – с 75 до 99 руб. и т.д.

Оплата труда рабочих совхозов была выше, чем у колхозников. Эта тенденция сохранялась вплоть до начала 90х гг. так, в 1990-1991 гг. среднемесячная заработная плата работников совхозов, занятых в сельском хозяйстве, составила соответственно 259 и 380 руб., тогда как у колхозников, занятых в общественном хозяйстве колхозов – 203 и 296 руб.

В целом по народному хозяйству страны минимум заработной платы был повышен с 60 руб. в месяц в девятой до 70 руб. в десятой пятилетках с одновременным увеличением ставок и окладов.

Оплата труда в колхозах БАССР была ниже, чем во многих регионах России, а нарушение принципа материальной заинтересованности в результатах труда, его недостаточное стимулирование, приводило к снижению трудовой активности крестьянства. Переход к гарантированной денежной оплате труда имел и положительные, и отрицательные моменты. Так как оплата труда мало зависела от расширения общественного производства, крестьянство стало работать с меньшей заинтересованностью.

В целом в 50-80-е гг. в развитии социальной сферы, в частности оплаты труда, было сделано немало. И хотя уровень зарплат возрос, экономика еще оставалась глухой к социальным нуждам, что обозначило торможение в 80-х годах, предкризисность социального развития.

Голубенкова О.В.

Проблема этнического самосознания мордовского народа на современном этапе

События конца 1980-начала 1990-х гг. вошли в историю нашей страны под названием «этнического ренессанса» и «парада суверенитетов». Они наглядно продемонстрировали значимость этнического фактора для судеб многонационального российского социума.

В многонациональном обществе этническое самосознание – это наиболее чувствительная к политическим и социальным изменениям сфера. Несмотря на тот факт, что в изменяющихся условиях экономики, политики, культуры человек утрачивает психологическую и социальную устойчивость, до настоящего времени социально-психологические проблемы этнического самосознания остаются недостаточно изученными.

Научный поиск механизмов стабилизации межнациональных отношений в рамках политики мультикультурализма, поддержания целостности страны приобретает все большее значение. Изучение национально-культурных особенностей этнической идентификации представителей различных национальностей является важным компонентом этого научного поиска.

Именно поэтому актуальным является исследование самого многочисленного в России народа финно-угорской группы, которая имеет уникальную бинарную структуру. В последние десятилетия заметно увеличилось количество исследований по проблемам этнического самосознания и этнической идентичности. Однако исследования конкретных этнических групп, проживающих в регионах России достаточно редки. Россия – многонациональная страна, поэтому важным является то, что на современном этапе развития исторических наук должно увеличиться количество работ, посвященных региональному значению. В данной работе будут рассмотрены основные компоненты этнической идентичности мордовского народа и современная межэтническая ситуация в Мордовии.

Следует уточнить, что *этническая идентичность* включает следующие компоненты: отнесение себя к той или иной этнической группе, характеристики, приписываемые своей группе, представления о культуре, языке, истории, то есть «образ мы» и интересы, связанные с ним. Так называемые *этнические автостереотипы* – представления и характеристики своего этноса – соотносятся с *гетеростереотипами* – образами представителей других этнических групп.

По словам В.Ю. Хотинец, «этническая идентичность начинает свое становление в межгрупповом континууме – в системе отношений «Мы» и

«Они» и распределяет социальные категории по специфическим этнокультурным значениям¹».

На основе социальных представлений о своей и чужих этнических группах формируется комплекс представлений, образующих систему этнодифференцирующих признаков². В качестве таких признаков, помогающих отличать один этнос от другого, выступают родной язык, религия, представления о родной семье, общей территории и историческом прошлом, осознание общности происхождения, культура и др.

Рассмотрим несколько аспектов этногенеза мордовского народа, благодаря которым можно проследить начало формирования его бинарной структуры, отношения с соседними народами на протяжении веков а также консолидацию в нацию и развитие государственности на современном этапе.

Несмотря на различные точки зрения, относительно процесса формирования мокши и эрзи, большинство исследователей (А.П. Смирнов, Е.А. Алихова, М.Ф. Жиганов и др.³) сходятся во мнении, что он завершился в начале II тысячелетия н.э. Это подтверждается тем фактом, что, несмотря на то, что в дальнейшем большие мокшанские и эрзянские группы перемещались в различные, иногда весьма удаленные от основной территории обитания районы (эрзя в XIV-XVI вв. перемещается в верховья Суры и Алатыря, в XVII-XVIII вв. идет активная миграция мокши и эрзи в Заволжье и т.д.), они не теряли своей этнической специфики.

В конце XIV века начался процесс вхождения мордовских земель в Российское государство. В это время уже существовало деление мордвы на мокшу и эрзю. Уже в то время у них была разная культура, до крещения были различные пантеоны, и естественно разные языки.

В связи с близким соседством русских у мордвы начинается процесс ассимиляции, но нельзя сказать, что он шел быстрым темпом. Следует заметить, что национально-государственное строительство оформилось лишь в 1928-30 гг. 16 июля 1928 г. Произошло образование Мордовского округа. А 10 января 1930 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета постановил преобразовать Мордовский округ в Мордовскую автономную область⁴. В целях увеличения в ней численности мордвы некоторые административные единицы с русским населением из бывшего Мордовского округа передавались соседним округам и, наоборот, к Мордовской автономной области присоединялись южные территории Нижегородского края, густо населенные мордвой. В результате этого частичного изменения территории автономной области процент коренного населения в ней вырос до 38,4% (в округе он составлял 32,2%)⁵.

---

¹ Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность. Екатеринбург, 2002. С. 32.

² Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2004. С. 243.

³ Алихова А.Е. Некоторые замечания по поводу сообщения М.Р. Полееских // Этногенез мордовского народа (Материалы научной сессии. 8-10 декабря 1964 г.). МКИ., 1965. С. 221.

⁴ Мордва. Мокша и Эрзя: очерки по истории и этнографии мордовского народа. Саранск., 2004. С. 859.

⁵ Мокшин Н.Ф., Чешко С.В., Тишко В.А. Народы Поволжья и Приуралья: Коми-зыряне, Коми-пермяки, Марийцы, Удмурты, Мордва. М, 2000. С. 578.

Для выявления указанных признаков, помогающих отличить один этнос от другого, в данной работе использованы статистические данные, которые были получены в рамках Российско-Финляндского проекта 2005-2008 гг.¹, основной его целью было выявление социально-экономического и этнодемографического положения мордовского населения Российской Федерации. Наиболее актуальным в этом ряду был вопрос «Что Вас больше всего роднит со своим народом?». Исследование 2005 г. показало, что для мордовского населения самым важным этнодифференцирующим признаком является родная земля и ее природа (62%) На втором месте среди этнодифференцирующих признаков стоит язык (53,5%). Это указывает на наличие проблем в области сохранения родного языка, который постепенно вытесняется из общественной сферы в бытовую².

Примечательно, что дистанция между русскими и мордвой, а также между татарами и мордвой в субъективном измерении меньше, чем между представителями этих этносов, с одной стороны, и мокшанами и эрзянами – с другой. Эту особенность межэтнических отношений в Мордовии можно объяснить, исходя из предположения, согласно которому этноним «мордва» в массовом сознании указывает, прежде всего, на происхождение, а субэтнонимы «мокша» и «эрзя» – на языковые и культурные особенности и практики.

Структура населения Мордовии, характер расселения основных этнических групп вплоть до последних десятилетий XX в. обусловили устойчивость их этнической идентичности, преобладание в ней «объективных» культурных признаков. Реально существующая культурно-языковая неоднородность титульного этноса – мордвы – обуславливает давно отмеченную исследователями двойственность ее этнического самосознания, наличие в нем двух уровней³: политико-правового, связанного с государственной институционализацией мордовской этничности, ее представленностью в многонациональном государстве, и культурно-языкового, отражающего существующие внутриэтнические различия, т.е. отнесении себя к мордовскому этносу при необходимости проведения «этнической границы» с русским, татарами и т.д., наряду с осознанием себя эрзянами или мокшанами.

Республика Мордовия относится к числу полиэтнических территорий в составе России. Хотя по данным переписи 1989 года более 93% ее населения составляли два этноса – русские и мордва, реальная этническая структура являлась и является несколько более сложной. Два крупных подразделения мордовского народа – мокша и эрзя – практически равные по численности в Мордовии, обладают столь заметными признаками самостоятельного этноса (литературный язык, особенности бытовой

---

¹ По случайной выборке опрошено 300 чел.: 100 активистов мордовского национального движения, 100 мордовских и 100 русских студентов. Опрос проведен *В.К. Абрамовым, П.В. Каишановой и Абрамовой О.В.* в декабре 2005 года.

² Проблемы новейшей истории и этнографии финно-угров России. Балашовские чтения. Вып. 2. / Отв. ред. *В.К. Абрамов.* Саранск, 2008. С. 54-71.

³ *Мокшин Н.Ф.* Этническая история мордвы. Саранск., 1977. С. 248.

культуры, территориальная локализация, а в последние годы – все ярче проявляющееся национальное самосознание), что позволяют многим ученым считать их отдельными народами, исторически объединенными общей судьбой и большинством соседей (особенно русскими) воспринимаемым из-за их близкого родства некоей этнической целостностью¹.

К сожалению, до сих пор трудно дать ответ на принципиальнейший в разногласиях вопрос – считает ли себя большинство эрзян и мокшан самостоятельными этносами? Социологические данные весьма противоречивы². Однако замечено, что подавляющее большинство респондентов относит себя к «мокше» или «эрзе» лишь при постановке уточняющего вопроса. Пока может считаться господствующим мнение о наличии более чем у 90% мордвы общемордовского этнического самосознания, и субэтничности групп «эрзи» и «мокши». Во всяком случае, эрзянская или мокшанская самоидентификация проявляется, главным образом, как вторичная, уточняющая этническую принадлежность.

До сих пор межнациональный мир в Мордовии в значительной степени сохраняется благодаря гибкой политике, хотя в числе наиболее существенных причин, мешающих углублению противоречий, можно указать и очень высокую степень ассимиляции городской мордвы, и политическую индифферентность сельской, и отсутствие так называемых «национальных» («этнических») элит, и религиозное единство русских и мордвы, и приблизительную пропорциональность их социальных составов. Вряд ли возможно ожидать обострения межэтнических отношений в республике в ближайшем будущем.

Негативные последствия могут наступить в случае отказа от политики мультикультурализма в руководстве России и дезинтеграции России, и, как следствие - возникновении борьбы между пророссийски и суверенизаторски настроенными элитными группами.

В случае отсутствия кардинальных перемен общероссийского масштаба, этническая ситуация в Мордовии обещает быть относительно стабильной, а существующие на ее территории национальные движения - придерживаться компромиссных вариантов национализма. Радикальные группировки, насчитывающие по несколько десятков человек и не обладающие достаточной финансовой базой, остаются, и будут оставаться на политической периферии.

© Голубенкова О.В., 2011.

---

¹ *Баляев С.И.* Этнические стереотипы как социально-перцептивные феномены этнического самосознания эрзян и мокшан. Автореф. дисс. на соискание ученой степ. канд. псих. н. Самара, 1999. С. 18.

² Межнациональные отношения в Мордовской ССР: Итоги этносоциологического исследования. Саранск, 1992. С. 113.

Горбачев А.А.

Национальное школьное образование в Башкортостане в 1990 – 1999 гг.

Специфика функционирования каждого национального языка учитывается при определении стратегии языковой политики в регионе, особенно в ее образовательных задачах. Поэтому проблема национального образования весьма актуальна, имеет богатую предысторию поиска подходов к решению данного вопроса на общественном и официальном уровне. Пик такого рода поисков приходится на начало 90-х гг. прошлого столетия, когда были предприняты весьма практичные и своевременные шаги в направлении решения этих проблем.

Целью данной статьи является выявление некоторых особенностей национальной системы школьного образования в республике в постсоветский период (1990 – 1999 гг.)

Впервые принятый в законодательной практике России Закон Российской Федерации «О языках народов РСФСР» от 25 октября 1991 г. ликвидировал существенный пробел в правовом регулировании языковых отношений и регламентировал все основные вопросы использования языков на территории Российской Федерации.

Конституция РФ содержит общую норму, регламентирующую права человека в области языковых отношений. Каждый гражданин имеет право «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26)¹.

Конкретные права граждан в сфере языковых отношений закреплены в главе II Закона – «Права граждан по использованию языков народов РСФСР», а также в ряде статей в других главах закона. В статьях названной главы Закона затрагиваются, главным образом, вопросы выбора языка воспитания и обучения, изучения и преподавания языков. Граждане имеют право свободного выбора языка воспитания и обучения² (Ч. 1 ст. 9). В отношении несовершеннолетних детей до получения ими основного общего образования это право, а также право выбора формы обучения, образовательного учреждения в соответствии с законодательством принадлежит родителям или лицам, их заменяющим³. Кроме того, государство оказывает содействие в организации различных форм воспитания и обучения на родном языке гражданам России, проживающим за пределами своих национально-территориальных или национально-административных образований, а также представителям малочисленных народов и этнических групп⁴. При этом выбор

---

¹ Конституция Российской Федерации. М., 2001. С. 12.

² Закон «О языках РФ». 1992. Ч. 1. Ст. 9.

³ Закон «О языках РФ». 1992. Ч. 3. Ст. 9; Закон «Об образовании». 1993. Ст. 52.

⁴ Закон «О языках РФ». 1992. Ч. 5. Ст. 9.

языка обучения обусловлен возможностями, предоставляемыми системой образования¹.

Помимо предоставления права обучения на родном языке, государство обеспечивает гражданам условия для изучения и преподавания родного языка и других языков народов России², а также для научных исследований этих языков³.

Что касается основных направлений языковой политики в Башкортостане в постсоветский период, то они были связаны с проблемой введения башкирского языка, отмененного после Февральского (1988 г.) Пленума ЦК КПСС.

С принятием 11 октября 1990 г. Декларации о государственном суверенитете республики и началом демократических преобразований в Башкортостане были созданы новые условия для развития родных языков и национальных культур народов республики.

Таким образом, с 1990/91 учебного года в республике начинается новый этап в развитии национальных школ. Министерством народного образования РБ проводится целенаправленная работа по улучшению изучения родных языков в общеобразовательных школах, профессиональных технических училищах и дошкольных учреждениях. За эти годы внимание к национальным школам заметно возрастает, и их доля постепенно увеличивается. Примечательно, что в 1990/91 учебном году в республике имели место своего рода образовательные модели изучения родных языков или, как полагают некоторые исследователи, типы школ по языку обучения⁴: русские, национальные с родным языком обучения и национальные с русским языком обучения при изучении родного языка как предмета.

Распределение учащихся в школах Башкортостана по языкам обучения

Язык обучения	1992/93	1994/95	1995/96	1997/98	1998/99
	учебный год	учебный год*	учебный год*	учебный год*	учебный год*
	Количество учащихся, чел./%				
Башкирский	50 549 35,0	59 23 38,3	63 594 39,1	68 219 39,5	68 380 39,3
Татарский	23 284 13,4	25 125 12,5	22 936 11,1	25 890 11,9	23 849 10,9
Русский	503 029 85,6	–	–	–	–
Марийский (луговой)	4 871 0,8	5 141 26,4	5 647 28,2	5 512 26,4	5 337 25,2
Мордовский	–	–	–	–	–
Удмуртский	714 0,1	852 22,4	877 20,7	870 18,8	590 13,0
Чувашский	1 630 0,3	1 502 7,9	1 573 7,9	1 781 8,9	963 4,6

Источник: *Текущий* архив Министерства образования РБ.

*Без учета учащихся с русским языком обучения.

¹ Закон «Об образовании». 1993. Ч. 2. Ст. 6.

² Закон «О языках РФ». 1992. Ч. 2. Ст. 10.

³ Там же. Ч. 5. Ст. 10.

⁴ Сафин Ф.Г. Этнополитическое развитие Башкортостана в XX веке: социолингвистический аспект. Казань: Магариф, 2004. С. 348.

Если в 1990 г. башкирских школ с обучением на родном языке насчитывалось 788, то к началу 1992/93 учебного года их стало 799¹. Кроме того, в республике было зафиксировано 444 школы с изучением башкирского языка как предмета. Следовательно, в 1992/93 учебном году всего насчитывалось 1 243 башкирских школы с изучением родного языка с общим охватом учащихся – 93 950 (т.е. 66,1%). В 1990 г. количество татарских школ составляло 646, тогда как в 1992/93 учебном году их число увеличилось до 933, из них 506 – с обучением на родном языке, 427 – с изучением родного языка как предмета. Однако доля учащихся татар по национальности, изучающих родной язык в сравнении с башкирским, в 1,6 раза меньше и составила только 39,5%². В последующие годы количество учащихся башкир по национальности, обучавшихся на родном языке, увеличивается, что отражается и на процентной доле. Например, в 1994/95 учебном году доля учащихся с обучением на башкирском языке составила 38,3%, а к 1997/98 году она увеличилась на 1,2 показателя (см. табл.). Что касается числа обучающихся на родном татарском языке, мы наблюдаем неустойчивую динамику роста. Если в 1994/95 учебном году доля обучавшихся на татарском языке была равна 12,5%, то к 1998/99 году данный показатель сократился до 10,9% (см. табл.).

За указанные годы, хотя и незначительно, имело место сокращение школ с обучением на марийском и чувашском языках, но при этом возросло количество школ, в которых марийский и чувашский языки изучаются как предмет. В 1990/91 учебном году из всех учащихся марийцев по национальности на родном языке обучались 28,2%, на чувашском – 8%. Более чем в два раза увеличилось число обучающихся на удмуртском языке. К 1992/93 учебному году наблюдается резкое сокращение количества учащихся с обучением на родном языке: на марийском – до 0,8%, удмуртском – 0,1%, чувашском – 0,3 % (см. табл.). Но к середине 90-х гг. прошлого столетия доля учащихся марийской, чувашской, удмуртской национальностей с обучением на родных языках увеличивается, а затем снова идет на убыль (см. табл.).

Широкое распространение получают школы с параллельными языками обучения. Также функционируют смешанные школы, где преподаются несколько родных языков в параллельных классах или путем деления классов на подгруппы (башкирско-татарские, татарско-чувашские, чувашско-марийские и т. д.). Опыт показал, что школы с параллельными языками обучения имеют определенное преимущество перед обычными национальными школами в распространении и закреплении национально-русского двуязычия. В национально-смешанных школах естественным образом складывается благоприятная речевая среда, в которой дети, нерусские по национальности, быстрее и лучше овладевают русским языком³.

В целом вопросы и основные проблемы национального образования в РБ в 1990-е (недостаточный охват национальным образованием населения;

¹ Текущий архив Министерства образования РБ. Отдел статистики. Сводный отчет за 1992/93 учебный год.

² Текущий архив Министерства образования РБ. Отдел статистики. Сводный отчет за 1992/93 учебный год.

³ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М.: Наука, 1984. С. 141.

отрыв от национального образования башкир, проживающих за пределами РБ; недостаточная урегулированность отношений с регионами РФ в вопросах сотрудничества и национального образования народов РБ; отсутствие или недостаточная разработанность национально-республиканского компонента в русскоязычном образовании; низкий уровень образования значительной части контингента преподавателей национальной школы; деформации в содержании национального образования) решались на базе Закона «Об образовании», Программы развития образования Республики Башкортостан на 1993–1998 г., Комплексной программы развития народного образования до 2000 г., Концепции развития национальной школы¹.

Отмеченные выше задачи не всегда достигали цели, т.к. имели место причины как субъективного, так и объективного характера. Поэтому эти проблемы были вновь поставлены на повестку дня уже на следующем этапе развития системы школьного образования в Республике Башкортостан.

© Горбачев А.А., 2011.

Егоров Д.В.

Культ огня в контексте правовой культуры чувашей*

Почитание огня – характерная черта религий различных этносов мира. С одной стороны, эта стихия давала людям тепло, свет и пищу, с другой – вызывала страх и трепет, заставляя поклоняться ей и приносить жертвы. В данной статье сделана попытка рассмотреть представления чувашей об огне, обозначить его место в традиционных народных обрядах, соционормативной культуре во второй половине XIX – начале XX в.

Значимость огня среди чувашей была огромной. Он представлялся сверхъестественной и одушевленной силой. Огонь, согласно представлениям чувашей, мог быть добрым и злым². В старину люди старались поддерживать перманентный огонь в очаге³. Вся забота о нем ложилась на плечи женщин⁴.

Чуваши боялись грозной силы огня, который мог смести все на своем пути. Это обстоятельство породило многочисленные поверья и ритуалы. В чувашских преданиях упоминается огненная птица – «*вут кайёк*», которая, судя по этническим представлениям, являлась предвестницей пожара. Она

---

¹ Программа развития образования Республики Башкортостан на 1993-1998 гг. // Архив МО РБ. Ф. 798. Отдел правового обеспечения и делопроизводства. Оп. 9. Д. 7646. Л. 8.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 11-11-21011а/В.

² Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н. В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 306.

³ Там же. Ед. хр. 215. С. 303.

⁴ Там же. Ед. хр. 174. С. 91; Ед. хр. 215. С. 303.

приносила и переносила огонь, ей приписывались возникновение и прекращение пожара¹.

Огонь – «чистая сила», он являлся предохранительным и очистительным средством от многих болезней². Чтобы вылечиться, к примеру, молодые пары должны были перепрыгнуть через огонь³. От сглаза ребенку давали выпить воду с горящими углями⁴. Через огонь, добытый трением, проводили людей и животных во время специального обряда возле «земляных ворот» с целью избавления их от эпидемий⁵. При этом сначала требовалось потушить огонь в домашних очагах деревни. Согласно народным верованиям, «мор» не мог пройти через «земляные ворота» из-за боязни огня. В конце ритуала крестьяне забирали домой «новый огонь», чтобы им зажечь свои очаги⁶.

Низовые чуваша считали, что огонь отгонял нечистого духа, присутствовавшего при смерти человека, а также защищал живых от вмешательства в их жизнь духов умерших сородичей⁷. Огонь использовали также в качестве средства наложения порчи на человека⁸.

В чувашских деревнях знаки огня изображались под крышей крыльца дома, на наличниках, что означало, по мнению Д. Ф. Мадурова, «очищение входящего в дом человека из мира хаоса в мир человеческий». В традиционном мужском костюме знаки огня на груди подчеркивали мужественность и значимость человека⁹.

Одним из способов доказательства невиновности подозреваемого в правонарушении являлось перепрыгивание через огонь. Если виновник был замешан в преступлении, то он, судя по народным представлениям, упадет в огонь либо загорится его одежда. В случае невиновности он без проблем преодолевал препятствие¹⁰. О бытовании клятвы огнем отмечал также респондент Н. В. Никольского Андрей Липатов¹¹.

Весьма интересны представления чувашей об «огненном» кладе. По мнению чувашей, клад «горит» по ночам. Считалось, что в это время дьявол сушит деньги¹². Согласно чувашской сказке, место нахождения клада ночью обозначалось «особым синеватым пламенем». Клад хранился в котле, вокруг которого была поставлена стража из чертей. При приближении к котлу, он

---

¹ Денисов П.В. Религиозные верования чуваш. Историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. С. 7.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 303.

³ Там же. Ед. хр. 215. С. 303.

⁴ Там же. Ед. хр. 207. С. 435.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 434; Ед. хр. 215. С. 405; Ед. хр. 251. С. 299; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1937. Вып. XIII. С. 99.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 434.

⁷ Денисов П. В. Указ. соч. С. 8; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 306.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 308.

⁹ Мадуров Д. Ф. Традиционное декоративное искусство и праздники чувашей. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 12, 15, 47.

¹⁰ Meszaros Gyula. Csúvas népköltési gyűjtemény. Budapest: Kiadja a magyar tudományos academia, 1909. Kötet I. A csúvas úsvallas emlékei. O. 402.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 233. С. 593.

¹² Там же. Ед. хр. 207. С. 437-438; Никольский Н. В. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань: Третья Тип. Губ. Совета, 1919. С. 65.

удалялся в глубь земли, его уносили с собой черти. Как только человек отходил от него, котел снова выходил наружу¹.

Огонь занимал важное место в различных народных обрядах. По окончании молотьбы чувашаи закалывали петуха и варили кашу «авён пётти». Затем брали две чашки, в одну из которых накладывалась каша, а в другую – каравай хлеба из новой муки или лепешка. После этого один из членов семьи отправлялся на гумно с этими яствами, где около деревянного столба на току разводил огонь и читал молитву: «Во имя Бога! стерегущий овин помилуй! По выезде в поле, дай прибыль в поле; по входе на ток – на току прибыль, в вороху прибыль дай; по входе в дом – дома прибыль дай; по входе в клеть, дай прибыль в клетки! Семейству, домашнему скоту пошли здоровья и благополучия. К имуществу (богатству) приложи богатство; к строению ежегодно по полузагону присоединять сподоби! Ствол (хлебов), как тростник, а вершину, как яйцо по вкусу уроди! Аминь, за жертву помилуй». Затем, сделав перед столбом земной поклон, он бросал в разведенный огонь ложку каши и, вкусив принесенных яств, возвращался в дом, где начинался пир². После жатвы в овинной яме под шишом (конусообразным остовом овина) старики, разводя огонь, произносили молитву, обращенную к духам огня: «Славим имя Бога! Помилуй нас, Боже! Священный дух Отец огня, священная Мать огня! Желаем вам пребывать на добром месте. Мы разобрали большую кладь и разложили снопы на овинный шиш. Отвратите злую огненную силу, защитите и сохраните от шальной искры. Добрая Мать огня! Остерегай и сохраняй наши труды!»³. В старину чувашаи ежегодно зимой либо осенью в каждом доме в честь огня устраивали жертвоприношение – «вут ч\к.»⁴.

В традиционных обрядах, поверьях чувашского народа существует множество запретов при обращении с огнем. При разведении огня в печи не допускалось произносить бранные слова, иначе огонь мог рассердиться и нанести огромный вред хозяйству⁵. Строго каралось и осквернение огня. Так, например, за плевание в огонь у виновного появлялись фурункулы и прыщи по всему телу. В таких случаях больной был обязан принести в жертву огню масляные лепешки («йусман») ⁶. По верованиям чувашей Буинского уезда Симбирской губернии, человек, плевавший в огонь, «на том свете будет лизать горячую сковороду»⁷. Запрещалось мочиться и испражняться в огонь во избежание болезней и воспалений на различных частях тела⁸.

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 271. С. 24-25; *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 65.

² *Магницкий В. К.* Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань: Типография Императорского Университета, 1881. С. 43-45.

³ *Культура Чувашского края / Сост. М. И. Скворцов.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. Ч. I. С.220.

⁴ *Денисов П. В.* Указ. соч. С. 11; *Meszaros Gyula.* Csuvás nepekültesi gyűjtemeny. О. 78.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. С. 91, 98.

⁶ Там же. Ед. хр. 174. С. 98; *Meszaros Gyula.* Csuvás nepekültesi gyűjtemeny. О. 79; *Тимофеев Г. Т.* Төхөръял: Этнографи т.рленч.к.сем. Халёх сёмахлэх.. +ырса пынисем. +ырусемпе асаил\сем. Шупашкар: Чёваш к.неке изд-ви, 2002. С. 195.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 179. С. 14.

⁸ Там же. Ед. хр. 207. С. 433; Ед. хр. 233. С. 591, 592-593.

Последствием игры маленьких детей с огнем являлся энурез¹. Запрещалось бросать в огонь нечистоты, тревожить ногой горящие поленья². Нельзя было сжигать в огне волосы, оставшиеся на гребне. По народным воззрениям, в таком случае «голова будет гореть в аду»³. Во время традиционного праздника «=ин=е», периода земельных запретов, когда земля считалась «беременной», не дозволялось разводить огонь до заката солнца⁴, топить баню⁵ во избежание различного рода несчастий.

Самым страшным бедствием для чувашей были пожары. В таких случаях суеверные крестьяне приносили жертвы божествам огня – «вут ами» («матери огня») и «вут а=и» («отцу огня»), разводили огонь в домашнем очаге. Согласно народному поверью, божества домашнего очага могли защищать дом и хозяйственные строения от пожара⁶. Чувашаи считали, что счастье уйдет из дома, если чужим дать огонь из собственного очага⁷.

Нельзя было тушить пожар, возникший от удара молнии. Такой точки зрения придерживалось даже духовенство⁸. В с. Ерилкино Бугурусланского уезда Самарской губернии существовало поверье, что молния убивает дьявола, его кровь брызгается по сторонам, загорается и ее ничем нельзя потушить⁹. Имеется свидетельство, что в таких случаях даже людей не спасали¹⁰. Однако не все крестьяне следовали названному табу. Так, в начале XX в. в с. Алманчиково Буинского уезда Симбирской губернии произошел пожар от удара молнии. Крестьяне сразу же побежали тушить его с ведрами воды и баграми. Сюда же подоспели священник с дьяком, которые попытались остановить людей от тушения «небесного» огня. Тогда крестьяне набросились на них с кулаками, что слуги Господа еле успели унести ноги¹¹. Для тушения пожара от молнии первым средством служило молоко¹², по свидетельству одного из респондентов Н. В. Никольского, которое непременно должно было быть от черной коровы¹³. В. К. Магницкий утверждал, что тушить следует только парным коровьим молоком, за которым специально нужно было сбегать в стадо¹⁴. Во время грома запрещалось разводить в избе огонь, чувашаи боялись, что могла ударить молния¹⁵.

---

¹ *Meszaros Gyula*. Csúvas nepekültesi gyűjtemény. O. 79; Чёваш халёх пултарулёх.. Сёнавсемпе .нен\сем. Т.л.ксем. Шупашкар: Чёваш к.неке изд-ви, 2009. С. 62.

² *Денисов П. В.* Указ. соч. С. 10.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 539-540.

⁴ *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1937. Вып. XII. С. 163; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 406.

⁵ *Meszaros Gyula*. Csúvas nepekültesi gyűjtemény. O. 142; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 434.

⁶ *Денисов П. В.* Указ. соч. С. 10; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 308, 311.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 207. С. 433.

⁸ Там же. Ед. хр. 215. С. 310.

⁹ Там же. Ед. хр. 233. С. 593.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 320. С. 253.

¹¹ Там же. Ед. хр. 215. С. 310-311.

¹² Там же. Ед. хр. 174. С. 98; Ед. хр. 233. С. 593.

¹³ Там же. Ед. хр. 174. С. 98.

¹⁴ *Магницкий В. К.* Нравы и обычаи в Чебоксарском уезде. Этнографический сборник. Казань: Типография губернского правления, 1888. С. 12.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 311.

При возникновении пожара чувашки молились, приговаривая: «*Вут ку=не шыв, вут ку=не шыв*»¹ (Глазам огня – вода, глазам огня – вода). Пожар также тушили наговоренной водой². Некоторые чувашские знахари знали «*вут ч.лхи*» (наговор от пожара). После наговоров брали горсть земли и бросали в огонь. Таким способом пожар, по представлениям чувашки, тушился³. Приведем пример наговора от пожара:

«Мать огня, отец огня,
Охраняю фундамент своего дома,
Я приговариваю наговор от огня.
Во имя Бога, аминь, помилуй, боже,
Не принуждай плакать своих домочадцев,
Мать огня, не серчай...»⁴.

Венгерский этнограф Д. Месарош отметил, что чувашки в случае пожара с первым ведром воды бегали к знахарю, который нашептывал заклинание на воду, далее три раза отводил ведро железным инструментом и плевал в него. Так, пожар начинали тушить названным ведром воды⁵.

О коварности огня свидетельствуют народные пословицы: «*Вут-кёварнала алхасма хушман*» (Играть с огнем не велено)⁶; «*Вутён алли вёрём*»⁷ (У огня руки длинные); «*Вёрёран =урт-й.р йулать, вутран ним.н те йулмасть*»⁸ (От вора остается дом, от огня ничего не остается); «*Вут-кёвар никама та тиркемест*»⁹ (Огонь никого не жалеет).

В 1884 г. в чувашской деревне Синьялы Норусовского прихода Ядринского уезда Казанской губернии случилось восемь пожаров один за другим, почти вся деревня пострадала. Распространился слух, что накануне каждого пожара сзади сгоревших зданий появлялась «огненная» женщина, которая определенно что-то высматривала. Эту женщину видели многие жители деревни. Появлялась она перед закатом солнца, потом куда-то исчезала. Чтобы выяснить все обстоятельства дела, крестьяне пригласили трех авторитетных знахарей. Те потребовали чашку с водой, посмотрели в нее и объявили: «Под корнем вяза, росшего близ деревни, несколько лет тому назад была скрыта одной матерью незаконнорожденная ею девочка. Эта девочка достигла брачного совершеннолетия, она-то по вечерам и ходит позади строений жителей, высматривая себе жениха. Навещать деревню она будет до тех пор, пока в деревне не останется целых только 8 домов; в одном из них она и найдет себе жениха...». Чувашский священник с. Малые Яуши М. Д. Дмитриев сообщил этнографу и юристу В. К. Магницкому, что в крестьянской среде действительно шли названные слухи, но также добавил,

¹ Там же. Ед. хр. 156. С. 144; Тимофеев Г. Т. Тёхёръял. С. 195.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 215. С. 311; Ед. хр. 243. С. 127-129.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 251. С. 298; Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1936. Вып. X. С. 61.

⁴ Meszaros Gyula. Csúvas népkiáltesi gyűjtemény. О. 78.

⁵ Там же. С. 306.

⁶ Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Казань: Наркомпрос ЧАССР, 1928. Вып. I. С. 180.

⁷ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 174. С. 450; Ед. хр. 207. С. 525; Ед. хр. 245. С. 228; Отд. I. Ед. хр. 327. С. 21.

⁸ Там же. Ед. хр. 151. С. 223; Ед. хр. 147. С. 106.

⁹ Чёваш халёх пултарулёх.. Ваттисен сёмах.сем. Шупашкар: Чёваш к.неке издательстви, 2007. С. 27.

что общество срубило вяз, чтобы сварить мирское пиво для моления киремети, в том же году и начались пожары. С его слов следует, что виновником пожаров был «дух-киремель», мстивший жителям деревни за вырубку вяза, его места обитания. Согласно официальной версии случившегося, поджогами мстили новожила деревни, которых хотели изгнать старожилы. Конфликт дошел до судебного разбирательства. Решение суда было принято не в пользу новых жильцов, которые были вынуждены навсегда покинуть деревню¹.

Среди чувашей были известны случаи пиромании. Так, одна женщина из д. Карачуры Ядринского уезда развела костер на полу своего дома под влиянием психического заболевания, огонь распространился по всей деревне. Она была отправлена в Казань в дом умалишенных². Или другой случай. Слепая девушка из д. Поганкино-Альменево Ядринского уезда подожгла соседний дом. От огня пострадала большая часть деревни. Общество решило наказать самосудом – ее повесили за волосы и избили. Следствие выяснило, что она являлась психически больной. Участников самосуда по решению суда заключили в тюрьму на три года³.

К поджогу народный обычай относился строго, считая его тяжким преступлением. Имеются свидетельства, что поджигателей бросали в огонь⁴. Считалось, что в таком случае пожар тушился⁵. Порой их избивали вплоть до летального исхода⁶. Если поджог был произведен неумышленно, то наказание за него не предусматривалось⁷.

По чувашским воззрениям, тень поджигателя горела в пламени произведенного им пожара⁸, то есть во время пожара можно было опознать виновного, если он при этом находился рядом, так как его тень отражалась на огне⁹. По словам жителей д. Шутнербоси Цивильского уезда, виновный в поджоге после своей смерти горел в огне¹⁰. Согласно представлениям чувашских крестьян, огонь в аду был черного цвета. Здесь находился огромный котел, в котором сжигали преступников без воды. После того как все тело сгорало, для продолжения мучения Бог снова покрывал кости телесной оболочкой и все начиналось заново. Таким образом, мучение преступников было бесконечным¹¹.

Иногда чувашаи, которые не могли поймать правонарушителя, ставили «обидящую свечу» («кутён =урта»)¹². Она ставилась на земельных угодьях

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 517. В. К. Магницкий. Л. 234-235.

² Там же. Ед. хр. 167. С. 235.

³ Там же. Ед. хр. 167. С. 235-236.

⁴ Там же. Ед. хр. 179. С. 10; Ед. хр. 207. С. 52; Ед. хр. 217. С. 217; Ед. хр. 251. С. 298; Ед. хр. 268. С. 324; Чёваш халёх пултарулёх.. Ватгисен сёмах.сем. С. 28.

⁵ Чёваш халёх пултарулёх.. Сёнавсемпе .нен\сем. Т.л.ксем. С. 61.

⁶ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 184. С. 134.

⁷ *Никольский Н. В.* Указ. соч. С. 74.

⁸ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. С. 144; Ед. хр. 215. С. 343.

⁹ Там же. Ед. хр. 271. С. 246.

¹⁰ Там же. Ед. хр. 207. С. 42.

¹¹ Там же. Ед. хр. 215. С. 352-353; Ед. хр. 207. С. 74-75; Ед. хр. 154. С. 321; *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Вып. XIII. С. 174.

¹² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 674; Ед. хр. 179. С. 16; Ед. хр. 158. С. 111-112.

или строениях того человека, которого хотели обидеть, а также перед иконой в церквах и в часовнях. Среди чувашей бытовало поверье, что в часовнях жили божества, исполнявшие проклятия человека. По этническим представлениям, тот, на кого была поставлена «обидающая свеча», должен был умереть, если не успел умилоствить того Бога, которому ставил свечу его враг¹. Эта свеча ставилась обратным концом, основанием вверх, сопровождаясь молитвами, чтобы Бог наказал обидчика. Непременным условием этого обряда являлось то, что никто не должен был его видеть, в противном случае, по мнению чувашей, обидчик оставался без вреда².

Некоторые воры верили, что для того, чтобы остаться незамеченным и люди не проснулись во время кражи, нужно зажечь свечи, сделанные из человеческого жира: одну – у околицы деревни, в которой намерены совершить воровство, другую – у ворот дома, который хотят обворовать. Иногда воры забирали деньги, женские драгоценности даже из-под подушки спящего человека³. Считалось, что такая свеча делает ее обладателя невидимым.

Исследование показало, что стихия огня широко представлена в чувашской традиционной культуре. В культе огня чувашей ярко прослеживается связь его предков с религией древнеиранских племен – зороастризмом. Он являлся неременным атрибутом многих народных ритуалов. Сакрализация огня обусловлена его магическими способностями очищать, охранять и исцелять.

© Егоров Д.В., 2011.

Ильясов Т.Т.

Башкирский традиционный музыкальный инструмент курай: опыт полевого исследования

Продольная открытая флейта, к типу которой относится курай, имеет древнее происхождение и изначально использовалась человеком для целей сигнализации. Различные типы флейт одинаково распространены на всех континентах. Свои музыкальные инструменты данного вида были известны у разных народов: на Руси кугиклы, в Поволжье и на Урале башкирский курай, чувашская сурна, в Средней Азии казахская сыбызгы, туркменский каргы-туйдюк, на Кавказе адыгский камыль, в Сибири тувинский шоор, бурятский суур и т. д.

В башкирской культуре кураю принадлежит особая историческая роль: данный инструмент является не только важным, а порой и главным элементом культуры, он превратился в один из символов не только

---

¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 674-675.

² Там же. Ед. хр. 179. С. 16.

³ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 177. С. 652-653, 680-681.

башкирской культуры, но и самого народа. О большой символической значимости этого инструмента для башкир свидетельствует изображение стилизованного цветка курая на флаге и гербе Республики Башкортостан¹. На наш взгляд, курай представляет собой «культурный фокус» башкирской культуры, если воспользоваться теорией, предложенной американским антропологом М. Херсковичем.

Игра на курае аналогично развитию народных музыкальных традиций у других этносов, в условиях современности все больше приобретает черты профессиональной музыки. В условиях модернизации общества, сохранность традиционной культуры стоит под угрозой. Трансформация привычного образа жизни башкир, заимствование инородных форм культуры, интернационализация, унификация элементов материального и духовного воспроизводства привели к изменениям традиционного исполнительства на курае, развитию его новых форм, но сохраняющих черты этнической специфики.

Современные кураисты (молодые и средних лет) прошли обучение в специальных учебных заведениях и являются профессионалами, но, не многие из них владеют культурной информацией, связанной с традиционным бытованием народного музыкального инструмента башкир – курая.

С целью изучения традиционного музыкального инструмента было организовано несколько экспедиций на территории Абзелиловского, Баймакского, Белорецкого, Бурзянского, Зианчуринского, Зилаирского, Ишимбайского, Кугарчинского, Учалинского, Хайбуллинского административных районов РБ, где в отдаленных деревнях отчасти сохранилась архаика.

На территории указанных районов компактно расселены значительные группы башкирского населения, широко распространена игра на курае, были записаны практически все наигрыши предыдущих исследований. Некоторые информанты в настоящее время проживают в городах, но практически все они являются выходцами из указанных выше районов Башкортостана и хорошо помнят те сведения, которые представляли интерес для нашего исследования.

Специфика заявленной темы изначально сужала круг информантов: ими могли быть только мастера-кураисты, однако в качестве объекта исследования были охвачены и их родственники, знакомые, старожилы, ученики мастеров – то есть те люди, которые так или иначе были связаны с традиционными кураистами и потенциально могли владеть определенными сведениями. Такой подход требовал уточнения получаемой информации, но в целом, полевые материалы обладали высоким уровнем достоверности.

Относительно «входа» в поле. Умение играть на курае, знакомство с мастерами игры на курае позволяло войти в поле без особых затруднений. Но первый разговор был самым важным, так как от реакции мастера-

---

¹ Флаг, герб, гимн Республики Башкортостан. Уфа: Китап, 1996.

кураиста зависело налаживание дальнейшего контакта с другими народными музыкантами. После объяснений цели визита, и беседы с кураистом, было получено одобрение. В дальнейшем же, уже по цепочке, благодаря полученным «рекомендациям» мастеров-кураистов, были проведены дальнейшие обследования.

Организация полевой работы, процесс сбора информации был комбинированным и состоял из двух частей: был разработан вопросник, в который вошли как стандартные вопросы для изучения народных духовых музыкальных инструментов, так и вопросы, связанные со спецификой башкирской культуры. Значительную помощь оказала работа французского исследователя традиционных музыкальных инструментов народов Африки Genevieve Dournon¹.

На основе составленного вопросника вначале фиксировались ответы информатора, а затем проводилась их камеральная обработка. Вся беседа при этом фиксировалась на цифровой диктофон, что было обусловлено необходимостью полной фиксации получаемого материала. Цифровая запись беседы сохранялась впоследствии на ноутбуке с обозначением имени и возраста информатора, места и времени беседы. В последующей цифровой текстовой расшифровке аудиозаписи фиксировалась вся беседа.

Данный метод позволил выявить практически все особенности, тонкости, которые могли быть упущены при первоначальной фиксации в полевой тетради, а также выявить собственные недостатки исследователя. Интонация, эмоции, тон информатора при неоднократном прослушивании этих аудиозаписей в последующем дали дополнительные сведения по части собственного отношения информанта к тем или иным явлениям или событиям.

Основной сложностью при сборе полевого материала и его последующей обработке было выделение информации, относящейся к разным историческим периодам, условно выделенные нами как «традиционный», «советский» и «современный». В некоторых случаях информаторы «цитировали» опубликованные сведения, прочитанные ими в периодической печати или литературе. И это требовало дополнительного анализа для выделения первоисточника.

В целом, проведенные исследования доказывают, что традиционный башкирский музыкальный инструмент курай является одним из важнейших средств воспроизводства культуры, мощным этнокультурным символом, способствующим формированию и укреплению этнической идентичности башкирского этноса.

© Ильясов Т.Т., 2011.

---

¹ Dournon Genevieve. Handbook for the collection of traditional music and musical instruments. Paris, UNESCO, 2000.

Развитие школьного образования Зауралья Башкортостана в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война явилась суровой проверкой жизнеспособности общественного и государственного строя, в том числе и системы школьного образования. В эти годы школы всей страны, в частности Зауралья Башкортостана, подверглись тяжелым испытаниям, которые успешно преодолели. Война принесла большие разрушения учебно-материальной базе школы, многочисленные трудности и лишения, но развитие школы продолжалось.

В довоенный период в школьном строительстве на первый план выдвинулись задачи, связанные только с устранением имевшейся в обществе культурной отсталости. Начавшаяся в июне 1941 года война внесла в него серьезные коррективы, обозначив новые задачи. Возникла необходимость, несмотря на трудности военного времени, привлечь всех детей школьного возраста к обязательному обучению, перестроить учебно-воспитательный процесс.

Условия военной поры заставили общеобразовательную систему усилить идейно-политическое, патриотическое воспитание учащихся, улучшить военно-физическую подготовку, привлечь их к движению по оказанию помощи фронту, промышленному производству, аграрному сектору.

В военные годы произошли крупные изменения в системе школьного образования, в значительной мере повлиявшие на современную школу.

Великая Отечественная война поставила сложные задачи перед учреждениями образования. Решать их приходилось в чрезвычайно трудных условиях, в максимально сжатые сроки. Резко сократилось финансирование образования.

Большие трудности в годы войны переживала общеобразовательная школа. Значительная часть учителей-мужчин ушла на фронт. Многие здания школ были заняты эвакуированными промышленными предприятиями, госпиталями, воинскими частями. Занятия школьников проходили в 2–3 смены, зачастую в малоприспособленных помещениях. Ощущалась острая нехватка учебного оборудования, письменных принадлежностей. Некоторые школы вынуждены были временно прекратить работу¹.

Несмотря на трудности этого времени, республика заботилась о школах. Партийные и советские органы принимали срочные меры по оказанию помощи общеобразовательным школам. По решению правительства Башкирской АССР часть предприятий и учреждений, размещенная в школьных зданиях, была перебазирована в сельские районы.

---

¹ Ахмадиев Т.Х. Башкирская АССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. Уфа, 1984. С. 151.

При районах и школах создавались комиссии с целью выявления остро нуждающихся детей и оказания им материальной помощи.

Значительное количество учащихся получало горячие завтраки, для детей-сирот и эвакуированных были открыты столовые. С участием предприятий, шефствующих над школами, совхозов и колхозов проводились декады, воскресники по ремонту школьных зданий, учебного оборудования, заготовке и подвозке топлива.

Для обучения подростков, работающих на предприятиях, создавались сменные семилетние и средние школы, которые с апреля 1944 г. стали называться школами рабочей молодежи. К началу 1945/46 учебного года в республике функционировали 31 школа рабочей молодежи с 4,8 тыс. учащихся и 292 школы сельской молодежи с 7,9 тыс. учащихся¹.

В годы войны численность учащихся сократилась почти на 120 тыс. человек. Основными причинами сокращения были мобилизация учащихся старших классов в ремесленные училища, школы ФЗУ, уход учащихся на работу в промышленность, сельское хозяйство, на различные курсы.

В области народного образования центральным звеном оставалось осуществление всеобщего семилетнего образования. Предстояло восстановление и расширение сети общеобразовательных школ, укрепление их материально-технической базы, улучшение качественного состава педагогических кадров. Принимались меры по возвращению в школы молодежи, прервавшей учебу из-за трудностей военного времени.

Для строительства школ наряду с бюджетным финансированием привлекались также средства промышленных предприятий, строительных организаций, колхозов и совхозов. Многие предприятия взяли шефство над конкретными школами.

Предпринятые меры обеспечили постоянное осуществление семилетнего всеобщего обучения детей. Вначале в городах удалось добиться приема в 5 класс всех оканчивающих начальную школу.

С 1945/46 учебного года всеобщее семилетнее обучение детей было введено и в Зауралье Башкирской АССР².

Важное место в системе народного образования зауральских районов занимали тогда вечерние школы. Учащиеся получали в них образование, сочетая учебу с трудом на производстве. В 1945/46 учебном году в республике было 323 таких школ, где обучалось 12,7 тыс. человек, а в Зауралье Башкирской АССР – 9 школ с охватом более 300 учащихся. Подавляющее большинство составляли ученики 5–10 классов, вынужденные оставить учебу в годы войны.

Как показала практика, вечернее и заочное обучение являлось эффективным для повышения общеобразовательного уровня молодежи, занятой на производстве. В этой связи райкомы партии, исполкомы районных Советов Учалинского, Баймакского районов наметили меры по

---

¹ Народное хозяйство Башкирской АССР: статистический сборник. Уфа, 1967. С. 221.

² Народное хозяйство и культурное строительство... С. 240.

дальнейшему укреплению материальной базы таких школ, улучшению содержания их работы. Усилилась шефская помощь промышленных предприятий: в частности, Баймакский машиностроительный завод, Учалинский горно-обогатительный комбинат на свои средства построили учебные здания для вечерних школ. Кроме того, быстро росла сеть детских музыкальных и художественных школ. Такие школы открылись во всех районах Зауралья Башкирской АССР¹.

Кроме этого в зауральских районах имелись хорошие начинания ряда интернатов средних школ, которые помогали коллективам учителей добиваться прочных знаний учащихся и воспитания в них лучших качеств гражданина. Для примера можно сослаться на опыт интерната при Тубинской школе № 2 Баймакского района. Он был организован в 1945 г.².

В 1944–1945 гг. огромная работа была проделана по реализации постановления Совета Народных Комиссаров СССР от 2 июня 1944 г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе»³. Это сыграло определенную положительную роль в улучшении качества учебно-воспитательной работы. Об этом говорит справка о предварительных итогах работы школ в 1944/45 учебном году и ходе подготовки школ к новому 1945/46 учебному году⁴.

В 1943/44 учебном году в республике подлежало охвату учебой 479,3 тысячи, а было охвачено 430,5 тысячи, в 1944/45 гг., соответственно, 496,4 тысячи и 474,9 тысяч человек.

Таким образом, в части охвата школой соответствующих контингентов можно отметить значительное улучшение. Положительным было почти полное выполнение плана приема детей семилетнего возраста⁵.

Подводя итоги состоянию школьного образования Зауралья Башкортостана в годы Великой Отечественной войны, следует отметить, что 1941–1945 гг. стали годами серьезных испытаний. Тем не менее, в этот период школьное образование не прекратило свою работу, развивалось, совершенствуясь в дальнейшем. Предпринятые меры обеспечили постоянное осуществление семилетнего всеобуча детей. В эти годы произошли крупные изменения в системе школьного образования, которые в значительной мере повлияли на дальнейшее развитие школьного образования в целом.

© Исмагилова Г.Ш., 2011.

---

¹ Мустафина Ф.Х. Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа, 1968. С. 159.

² Алибаев С.Р. Школы Башкирской АССР (Прошлое, настоящее и пути дальнейшего развития). Уфа, 1966. С. 113.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 375. Л. 22.

⁴ Там же. Л. 124.

⁵ ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 25. Д. 375. Л. 3.

Исхаков Р. Л.

Миф «Жир-һыу (су)» как основа геополитической идеологии «Идель-Урал»

Выдающийся татарский писатель, публицист и общественный деятель Гаяз Исхаки (Исхаков Мухеметгаяз Гилязетдинович, 1878 – 1954), будучи в эмиграции, в 1927 – 1929 гг. написал историко-политический очерк «Идель-Урал». В очерке Исхаки, размышляя над проблемами национально-государственного устройства, разрабатывал идею автономной государственности «Идель-Урал» в составе Российской Федерации. Исхаки доказывает возможность возрождения и создания самостоятельного татарского государства – «Идель-Урал». В 1933 г. в Париже очерк выходит на русском и французском языках, через год - в Токио на японском языке, а в 1938 г. – в Варшаве на польском языке¹. Лишь в 1990-е годы эта книга увидела свет и в России на татарском языке².

Идею государственности «Идель-Урал» Исхаки выносил теоретически еще в 1917 – 1918 гг., она стала смыслом его жизни и «долгу службы». «Милли Меджлис» (Национальный Конгресс), работавший в конце 1917 – начале 1918 годов в Уфе, провозглашает штат Идель-Урал в локусе бывших Казанской, Уфимской и Оренбургской губерний. Создаётся «Милли идара» («Национальная администрация») Урало-Поволжья в составе шести департаментов. Исхаки был назначен министром иностранных дел.

Склонность к мифолого-литературным приемам связана не только с обширной гуманитарно-теологической подготовкой Гаяза Исхаки, но и с особенностями его гносеологии. Нас интересуют публицистические аргументы в доказательстве описываемой как мифологема Идель-Урал идеологии геополитического пространства Урало-Поволжья. По мнению башкирского литературоведа, академика АН Республики Башкортостан Г. Б. Хусаинова (Уфа), «науку, изучающую карыһуз (мифы), мы можем именовать «карыһузиэт» - мифология³, которая «должна родиться, окрепнуть»⁴.

Периодическая печать на тюрки появилась только в начале XX века⁵. Становление и развитие тюрки журналистики связано опять же с именем Гаяза Исхаки. В редкой газете начала XX века нельзя было не встретить имя

---

¹ *Миңнегулов Хатыйп*. Гаяз Исхакийның мөһәжирлектәге ижаты (Творчество Г. Исхаки в эмиграции). – Казан: Татар. кит. нәшр. 2004. Б. 16. (на татар. яз.)

² *Исхакий Гаяз*. Идел-Урал. – Яр Чаллы: «КАМАЗ» газета-китап нәшрияты, 1992. - 48 с. (на татар. яз.)

³ *Хусаинов Г. Б.* Башкирские мифы в системе восточной мифологии // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 2. Тезисы докладов V Всероссийского съезда востоковедов 26-27 сентября 2006 года. – Уфа: Вили Окслер, 2006. С. 154.

⁴ *Хусаинов Г. Б.* Там же. С. 155.

⁵ См. *Исхаков Р.Л.* Татарская периодическая печать начала XX века и становление уральской тюрки литературы // Литература Урала: история и современность: Сб. статей: Выпуск 2-ой. – Екатеринбург: УрО РАН, Издательский дом «Союз писателей», 2006; *Исхаков Р.Л.* Национальная периодика и «валидовщина» (К вопросу о национально-государственном самосознании башкир) / Проблемы национальных отношений в России: Сб. статей Всероссийской науч.-практич. конференции 15 февраля 2007 года. – Магнитогорск – Челябинск, 2007, с. 89 – 94.

Гаяза Исхаки. Журналы «Аң» («Сознание»), «Тарбияи этфаль» («Детское воспитание»), «Ак юл» («Светлый путь»), «Хокук ва хаят» («Право и жизнь»), «Дин ва магийшат» («Религия и жизнь»), «Мәктәп» («Школа»), газеты «Йолдыз» («Звезда»), «Таң йолдызы» («Утренняя звезда»), «Ил» («Страна»), «Сүз» («Слово»), «Вақыт» (Время), «Кояш» («Солнце»), «Безнең ил» («Наша страна»), «Тормыш» («Жизнь»), «Идел» (Волга), «Казан мухбире» («Казанские вести»), – пожалуй, трудно перечислить все издания.

Идеологему мы вслед за Н.А.Купиной определяем как «вербально выраженную политическую или политизированную идею»¹. Отстаиваемое Исхаки автономное образование называлось «Идел-Урал өлкәсе». Татарское слово «өлкә» в разных значениях означает «область/ областной»². В публицистике на татарском языке Исхаки использовал слова «Идел йорты» («Волжский Дом»), «өлкә» (область, край), «жәмһурият» (республика), «мәмләкәт» (государство)³.

Для определения локуса Идель-Урал в реальном тюрко-татарском мире мы пользуемся концепцией утопических моделей Е.Е. Приказчиковой (Екатеринбург)⁴, которая считает, что после революции 1917 г. утопический потенциал оказался востребованным. По ее мнению, абсолютное большинство литературных утопий представляют собой «образцы социально-государственных утопий, ставящих своей целью построение идеального общества **здесь и сейчас**, с учетом достижений современной политической и идеологической мысли»⁵.

Содержание очерка «Идель-Урал», ведущего отсчет с древних времен, доказывает это и позволяет рассматривать его в рамках исторических литературных традиций. С эпохи Петра I, считает Е. Е. Приказчикова, государственный утопизм почти на столетие становится важнейшим видом русского утопического сознания как такового. Появилось то, что одни называют «государственным утопизмом» русской культуры XVII столетия⁶, а другие - «утопией политики»⁷.

Уральская Утопия является, скорее всего, социальным идеалом, пространством формирования «нового человека». Здесь проживали тюркские народы. В газетной статье о языке (Нур. 1905, № 8, 14 октября)⁸ Г. Исхаки давал характеристику зоны тюркского языка: «...Литературный язык надо

---

¹ Купина Н. А. Тоталитарные мифологемы в речевом пространстве уральского города // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург, 2006. С. 518.

² Татарча-русча уку-укыту сузлеге (Татарско-русский учебный словарь) / Под ред. проф. Ф. А. Ганиева. - М.: Русский язык. 1992. С. 388.

³ К примеру, *Исхакий, Гаяз*. Ислам мәмләкәтләрендә // Яна Милли Юл (Берлин). 1932. № 2-8, 10, 12; 1933, № 1, 3, 5, 7-10, 12 (на татарс. яз.).

⁴ Утопические модели в литературе Урала XVII в. // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: Коллективная монография / Отв. ред. Е.К. Созина. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. С. 209 – 240.

⁵ Утопические модели в литературе... С. 211

⁶ Гуминский В. О русской фантастике (послесловие) // Взгляд сквозь столетия. Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в. - М. 1977.

⁷ Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

⁸ Текст был перепечатан в газете «Шәһри Казан», 1995, 26 мая

искать если не на стамбульском рынке, то у казанских татар, алтавылских мишарей¹, уфимских башкир, оренбургских кыргызов»².

К созданию утопий восточных земель, к которым принадлежал и Урал, приложила руку сама императрица Екатерина II. В «Антидоте» (1770) Сибирь как «новая земля» противопоставляется ею Центральной России. «Нелишне напомнить, что Сибирью считалось все, что к востоку от Пермского края, – пишет екатеринбургский историк Н. С. Корепанов. – Говорили “Сибирь”, имели в виду “Урал”»³. Формирование представлений о Заволжье (или Предуралье) непосредственно связано с процессом освоения русскими территории Урала и превращение его в «опорный край державы». Будучи одним из ключевых ландшафтных миров геокультурного ареала России, Урал (именовавшийся на первых порах Камнем, Каменным поясом, Великим Поясом и т.д.) «стал известен в качестве литературной реальности задолго до того, как он открылся русским и европейцам в качестве реальности географической»⁴.

Колонизация пространства актуализировала вопрос о положении тюркской нации. Прокатилась волна башкирских восстаний (1662–64, 1681–84, 1704–11, 1735–40, 1755–56)⁵. По тюркским землям Урала в начале XX века строилась Транссибирская железная дорога, по характеристике В. И. Ленина, «великая не только по своей длине, но и по безмерному грабежу строителями казенных денег, по безмерной эксплуатации строивших ее рабочих»⁶. В первой книге стихов Мажита Гафури «Сибирская железная дорога, или Положение нации» (1904) основной пафос выражен словом *милләт* (нация)⁷. Колонизация, индустриализация страшила своей неопределенностью. Это отразила и повесть Г. Исхаки "Ике йөз елдан соң инкыйраз" ("Вымирание через 200 лет"). Антиутопия Г. Исхаки показывает, что в тюрко-татарском сообществе развилась *фьючерсфобия* (*futures*, будущий + *фобия* < греч. *phobos* страх) – разновидность социального страха, связанного с неопределенностью будущего⁸.

В XX век тюркский мир вошел как нечто языковое и религиозное единое. Основные принципы изложенной Исхаки платформы: мусульмане

---

¹ Алтавыл (Шесть деревень) – шесть татарско-мишарских деревень Пензенской области – Кикино, Решетино, Кобылкино, Мочелейко, Телятино, Качкары.

² *Гаяз Исхакий*. Тел / Исхаки М. Г. Эсэрләр: 15 т. / Гаяз Исхакий. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1998. 6 т.: Публицистика һәм әдәби тәнкыйт мәкаләләре. 2005. С. 17 (перевод наш – Р.И.).

³ *Корепанов Н. С.* Генин на Урале. Екатеринбург. 2006. С. 12.

⁴ Урал глазами путешественников: мифопоэтика, идеология, этнография. // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII вв.: Коллективная монография / Отв. ред. Е. К. Созина. – Екатеринбург: УрО РАН; Издательский дом «Союз писателей», 2006. С. 22

⁵ *Акманов И. Г.* Башкирские восстания в XVIII. Уфа, 1987; *его же.* Башкирия в составе Российского государства в XVII – первой половине XVIII в. Свердловск, 1991; *его же.* Башкирские восстания XVII – XVIII в. Уфа, 1993.

⁶ Уроки кризиса// Искра. 1901, № 7 (август). Цит. по кн.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 82.

⁷ *Исхаков Р. Л.* Гафуриведение: вчера, сегодня, завтра // Саф чишма (Екатеринбург). 2010. № 10 (99) С.4 - 5

⁸ *Исхаков Р. Л.* Гаяз Исхаки и становление уральской тюрки журналистики // Уральский исторический вестник, 2009, № 1 (22), с. 89 - 93. Страх проявлялся в форме навязчивого состояния (обсессии), произвольных мыслей, воспоминаний, сомнений и др., сопровождающиеся сознанием их болезненности и тягостным чувством непреодолимости.

России – политический организм, способный и обладающий правом развивать единую культуру и строить свою жизнь на основе единой культуры; в своих действиях руководствуются единым мнением и идут под единым руководством. В XVI – XVII вв. существовало историко-географическое понятие «Великая Татария» («Tartaria», «Тартария») в западноевропейских географических и картографических трудах (С. Герберштейн, Д. Горсей, Д. Флэтчер и др.)¹. Иногда термином «Великая Татария» использовалась для обозначения территории России и Среднего Поволжья с центром в Казани. Этнологическая концепция «Великой Татарии» стала основой идеи геополитического единства тюркских народов.

Сюжет «Идель-Урал» представлен как дуалистический миф. Этот миф описывает мироздание как единство противоположных явлений и символов Земли и Воды². Идель-Урал – на мифологическом уровне порождение двух фундаментальных стихий мироздания Жир-һыу (Су) / Земли и Воды – основных мотивов мифологии. Урал суть Земля (Жир), Идель суть Вода – һыу/ Су.

Земля, в мифологии одна из фундаментальных стихий мироздания³. В космогонических мифах Земля описывается как расчленение хаоса, выделение верха и низа. Широко распространено представление о возникновении Земли из-под мирового океана, откуда ее вылавливает тот или иной мифологический персонаж. Земля характеризуется максимальной сакрализованностью и чистотой.

Вода, в мифологии тоже одна из фундаментальных стихий мироздания, первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса⁴. Для многих космогонических мифов характерен мотив подъятия мира (земли) со дна первичного океана. Вода – символ плодородия, зачатия и рождения, выступает аналогом материнского лона и чрева. В древности название «Атиль» было закреплено за рекой Волгой, а еще позднее приобретает новое лексическое значение – «река» и с течением времени распространяется на несколько гидрографических объектов Волжско-Камского бассейна. В современном татарском языке термин «идел'» имеет два значения – «Волга» и «река»⁵, в башкирском языке – «большая река» и «Белая». В топонимии Башкортостана зафиксировано семь гидронимов, в составе которых участвует «идел'». Другим современным тюркским языкам слово «идел'» [«итил(ь)/ атил(ь)»] неизвестно⁶.

Дуалистические мифы последовательно передают универсальные двоичные классификации, основанные на соответствии социальных

---

¹ Ключевский В. О. Сказание иностранцев о Московском государстве. П., 1918; Английские путешественники в Московском государстве в 16 в. Л., 1937; Гельман М. И. Изучение истории Монголии на Западе (13 – середина 20 вв.). М., 1988.

² Мифология. Большой энциклопедический словарь. / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. – 4-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия. 1998. С. 662.

³ Мифология... С. 664.

⁴ Мифология... С. 661.

⁵ Татарско-русский словарь: В 2-х т. Т. I (А - Л). – Казань: Магариф, 2007. С. 431.

⁶ Камалов А. А. Башкирские географические термины и топонимия. – Уфа, 1997. С. 20.

характеристик мифологизированным противопоставлениям верха и низа, свет и тьмы, правого и левого, солнца и луны, космоса и хаоса и т.п.

Бинарной оппозицией понятия «Идель-Урал», согласно правилам логики, выступает понятие не-«Идель-Урал». Вторая часть очерка «Идель-Урал» (глава II «Идель-Урал под русским игом»), описывая тюркскую историю после 1552 года, представлена как своего рода иллюстрация мифологического сюжета битвы, войны, т.е. связана с творением космоса из хаоса и защитой творения¹.

Мифологема «Идель-Урал» представляется нам в его генетическом аспекте, как целостное мировоззрение. Целостность мироотношения постигалась древними тюрками путем мысленного деления мира на пары противоположностей, затем суммируемых. Бинарные оппозиции как стороны диады, как показала Е.В. Иванова, находятся не только в статическом состоянии, но и в состоянии четырех форм динамического взаимодействия: 1) сосуществования. 2) перехода, 3) одновременного параллельного сосуществования, 4) разрешения конфликта через *медиатор*². Антагонистический конфликт между А и $\bar{A}$ разрешается через медиатор Х, т.е. внутри триады $A \leftrightarrow X \leftrightarrow \bar{A}$. Триада выступает в роли архетипа, мифемы, мифологемы, на более высоком уровне абстракции.

Триада соединяет противников, устраняет между ними зазор, сращивает их в живое целое. Единое умиротворяет свои конфликтующие начала. «Идель-Урал», согласно методологии Е. В. Ивановой, есть медиатор динамического взаимодействия бинарных оппозиций: «русские» – «нерусские», «русское государство» – «тюркское государство», «постправославное общество» – «постисламское общество» в атеистическом государстве.

Политическая ценностная ориентация тюрков (тюркизм) может быть представлена идеей единого тюркского государства. «Идель-Урал» можно представить и медиатором динамического взаимодействия бинарных оппозиций российского тюркизма – «чагатайского» и «булгарского».

Сторонником так называемого чагатайского тюркизма был председатель Туркестанского Национального объединения (Федерации мусульманских национальных обществ Средней Азии) Ахмед-Заки Валиди. Чагатайский тюркизм находил отражение в программных документах политических партий «Алаш», «Эрк», интеллигенции Хивы, Бухары (Мирза Абделькадир, Усман Ходжаев, Файзулла Ходжаев, Кари Юлдаш, Хашим Шаик и др.), калтаманов (т. е. басмачей) Туркменистана. Центром чагатайского тюркизма заявил себя Башкортостан.

Сторонниками булгарского направления тюркизма были Гаяз Исхаки, а также Галимжан Ибрагимов, Мирсаид Султан-Галиев и др. Профессор О. Н. Сенюткина (Нижний Новгород) называет это направление термином «татаризм», его центром становится Казань.

---

¹ Мифология... С. 659.

² Иванова Е. В. Мифологический архетип диалектического мышления в свете антитезы добра и зла. Автореферат дисс.. канд. философ. наук. Екатеринбург, 1995. С. 11.

Штат «Идель-Урал», выступая *медиатором*, примирял чагатайский и болгарский тюркизмы.

Мифологема «Идель-Урал», кроме того, хранит традицию борьбы Добра (тюркская земля) со Злом (русское государство). Борьба Добра со Злом, считает З. С. Аманбаева, является главным конфликтом эпоса «Урал-батыр»¹. Поиск героем живой воды, дающей бессмертие – основной лейтмотив сюжета эпоса «Урал-батыр». Поэтому в мифологеме Идель-Урал есть две половины: Урал и «живая вода» – Идель.

Мотив Живой воды приобретает глубоко символический смысл. Урал-батыр стремится соблюдать интересы коллектива. Это особенно ярко выражено в эпизоде отказа героя выпить Живую воду и, тем самым, обрести личное бессмертие. Здесь проявляются его моральные качества, такие как героизм, справедливость, уважение к старшим, покровительство молодым и т.п. Живая вода выступает своеобразным определителем нравственности, когда Урал-батыр, поставленный перед проблемой нравственного выбора, не изменяет себе и достойно принимает свою смерть. Герой, оросив землю Живой водой, устанавливает вечный порядок в природе.

В январе 1918 г. Казанский Совет с целью противодействия образованию татаро-башкирского государства (Урало-Волжского Штата) созвал Съезд Советов Поволжья и Приуралья. Руководители Совета, не согласившись с резолюцией этого съезда о самоопределении народов края в форме Волжско-Уральской Советской Республики, решили создать Казанскую Советскую Рабоче-крестьянскую Республику. На 1 марта 1918 г. было запланировано провозглашение Универсала об образовании Урало-Волжского Штата, в ночь с 17 на 28 февраля лидеры 2-го Всероссийского мусульманского съезда были арестованы. Был убит руководитель татарского национально-демократического движения Г. Вайсов. В ответ на действия Казанского Совета был образован Мусульманский народный комиссариат, было налажено издание газеты «Идель-Урал өлкәсе». В марте 1918 г. СНК РСФСР издал декрет о ликвидации Харби Шура и подписал положение о создании Татаро-Башкирской Советской Социалистической Республики, в апреле – постановление о роспуске Милли Идара. К маю 1918 г. были распущены почти все тюрко-татарские национально-демократические органы управления, избранные на Всероссийских мусульманских съездах.

В процесс национального самоопределения включились как независимые газеты – «Трибуна» («аль-Минбар», 24.12. 1917 – начало 1918, 3 номера)², так и печатные органы субъектов национального самоопределения – «Известия Всероссийского мусульманского военного шуро» (19.10.1917 – 26.02. 1918, председатель редколлегии Д. Алкина)³, газета «Родной язык» («Иль теле», 25.11. – 9.12. 1918, редактор Х.Ф. Искандеров), газеты

¹ Аманбаева З. С. Некоторые особенности эпоса «Урал-Батыр» // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: материалы Международной науч.-практич. конференции 11 декабря 2009 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2009. С. 15.

² Татарская энциклопедия: В 6 т. / Гл. ред. М.Х. Хасанов, ответ. ред. Г.С. Сабирзянов. – Казань: Ин-т татарской энциклопедии АН РТ. 2008. – Т. 4. С. 166.

³ Татарская энциклопедия:.. Т. 2. С. 536.

«Башкорт» (орган Башкирское центральное шуру)¹. «Маяк» (орган Национального управления мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири, 7.12.1918 – 21.04.1919, 30 номеров)², «Идель-Уральский край» («Идел-Урал өлкәсе», орган Мусульманского народного комиссариата, 24.03. – 25.03. 1918, 2 номера)³, «Съезд» («Курултай», 2.07.1917 – 4.04.1918; август – сентябрь 1918; «Алтай», [8.04. – 23.05. 1918, обе газеты (90 номеров) орган Мусульманского комитета, затем Всероссийского мусульманского Совета (Милли шура)]⁴, «Республика» («Джумхурият», 14.09. 1917 – апрель 1918, Симбирск; орган Мусульманского национального совета)⁵,

В 1920-х годах в культурном гнезде «Идель-Урал» по решению государственных органов (ВЦИК) институировались два культурных центра – Автономная Башкирская Советская республика (АБСР, апрель 1920) и Татарская Советская Социалистическая республика (ТССР, май 1920).

© Исхаков Р. Л., 2011.

Исянгулов Ш.Н.

К вопросу о титуле «Богра-хан» в Башкортостане или пережитки культы верблюда у башкир

У башкир сохранились исторические записи, в которых приводятся списки ханов, правивших когда-то в Башкортостане. В частности, именно такой список приводится в статье П.К. Назарова: «...на р. Ашдыл (до устья) – Кара-хан и Бугара-хан...»⁶. Как известно, представители Караханидов часто принимали именно титулы Кара-хана и Бугра-хана. От первого из них и происходит название династии. Река Ашдыл должна быть Агидель (Белая).

В другой рукописи также утверждается, что «Бельское устье – Кара-хана жилище»⁷. Башкирский просветитель М. Уметбаев (1841–1907) также сообщал о том, в устье Агидели правили Кара-хан и Богра-хан⁸. Наконец, сохранилось предание, в котором рассказывается о том, что в устье Караидели правил Бограхан, впоследствии переселившийся на гору Акташ, где принял новый титул Карахана⁹. Опираясь на шежере табынцев, о существовании башкиро-караханидских связей писал знаменитый этнолог Р.Г. Кузеев. По его предположению, упомянутые в шежере Илек-бий

¹ Башкирская энциклопедия. В 7 т./ Гл. редактор М.А. Ильгамов. Т.1 –Уфа, 2005. С. 382

² Татарская энциклопедия... Т. 4. С. 103.

³ Татарская энциклопедия... Т. 2. С. 531; Там же.. – Т. 4. С. 299.

⁴ Татарская энциклопедия... Т. 3. С. 539

⁵ Татарская энциклопедия... Т. 2. С. 278.

⁶ Назаров П.К. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1. С. 167.

⁷ Буканова Р.Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа, 2010. С. 42.

⁸ Умитбаев М. Ядкар. Уфа, 1984. С. 213. На башк. яз.

⁹ Башкирское народное творчество. Т. 2. Уфа, 1997. С. 166-167. На башк. яз.

соответствует Илек-хану, Булгаир – Богра-хану, Кара-Табын (Кара-Газиз) – Кара-хану, представителям династии Караханидов в Средней Азии¹. В связи с этим следует задать вопрос: «А не могли ли представители среднеазиатской династии Караханидов на самом деле править на территории Башкортостана?» Ответ может быть дан лишь в случае подробного анализа упомянутых титулов. Если титул «Кара-хан» у Караханидов и вообще у тюрков подробно рассмотрен в литературе и его этимология является достаточно неоднозначной, то с другим титулом дела обстоят несколько иначе.

Здесь мы имеем ясное и четкое его объяснение Махмудом Кашгари. Слово «богра» или «бугра» означает самца двугорбого верблюда (бактриана). Махмуд Кашгари добавляет, что от этого слова и происходит выражение «Бугра хан»². Такая этимология слова никем ныне не оспаривается. Как писал О. Прицак, каганат Караханидов возглавлялся каганом, носившим титул Арслан-Кара-хакан и каганом-соправителем, носившим титул Богра-Кара-хакан и правившим западной частью государства. В случае смерти Арслан-хана Богра-хан становился на его место и принимал его титул. Титулы обоих каганов соответствовали онгонам двух главных племенных групп карлуков: Арслан (лев) – чигилей и Богра (верблюд) – ягма³. Также становится понятным, что титул Кара-хан был выше по статусу, чем Богра-хан.

В современном башкирском языке нет слова «богра», которое означает самца верблюда⁴. В то же время имеется измененное «бура дөйә» (верблюд-самец), что, несомненно, восходит к слову «бугра»⁵. Ныне у башкир, проживающих в Оренбургской области, сохранились лексемы «бура» со значением «верблюд-самец», «бута» – «верблюжонок». Однако, по мнению лингвиста Н.Х. Максютовой, верблюдоводство у башкир было довольно поздним явлением, результатом экономических контактов с казахами и калмыками в XVIII в., описанным, в частности, И.Г. Георги. Соответственно, и слова, производные от «богра», появились у башкир достаточно поздно⁶.

По мнению специалистов, верблюд в Евразии был одомашнен еще в III–II тыс. до н. э. в Центральной Азии⁷. Двугорбый верблюд был известен андроновским племенам Казахстана и Зауралья с середины II тыс. до н. э. Древнейшие упоминания двугорбого верблюда (бактриана) содержатся в ассирийских письменных источниках с конца II тыс. до н. э. А с начала I

---

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 262–263.

² Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-турк (Свод тюркских слов): в 3 т. / Пер. с араб. А.Р. Рустамова под ред. И.В. Кормушина, прим. И.В. Кормушина, Е.А. Поцелуевского, А.Р. Рустамова. Т. 1. М., 2010. С. 345.

³ Pritsak O. Karachanidische Streitfragen // «Oriens». 1950. vol. 3. № 2. S. 210–212.

⁴ Русско-башкирский словарь. Уфа, 2005. С. 131; Башкирско-русский словарь. Уфа, 1996. С. 168–169.

⁵ Башкирско-русский словарь. Уфа, 1996. С. 168–169; Толковый словарь современного башкирского литературного языка. Уфа, 2004. С. 105. На башк. яз.

⁶ Максютова Н.Х. Башкирские говоры, находящиеся в иноязычном окружении. Уфа, 1996. С. 198–199.

⁷ Королькова (Чежина) Е.Ф. Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 2. Оренбург, 1998. С. 137.

тыс. до н. э. в Ассирии появляются изображения этих животных. Появление бактрианов в Месопотамии связано с продвижением на соседние с ней территории иранских племен. Двугорбый верблюд, по всей вероятности, был одомашнен ираноязычными племенами, жившими на территории среднеазиатских степей и Казахстана, и, возможно, Южной Сибири. Культ верблюда у них складывался, вероятно, параллельно с процессом одомашнивания верблюда. В древнеиранской религии он занимал важное место. Именно верблюд считался одной из инкарнаций бога войны и победы Веретрагны (пехлевийский Варахран, ново-персидский Бахрам), одного из верховных божеств древних иранцев.

Он был одним из наиболее почитаемых животных у арийцев. В Авесте верблюду даются такие эпитеты, как «злой», «сильнейший», «обладающий наибольшей силой и мощью среди всех самцов телесного мира», в другом месте верблюд сравнивается с мощным правителем. Отзвуком древнего культа верблюда являлись многочисленные имена, в состав которых входил *uētra* (верблюд), в том числе и имя самого Заратуштры. В китайских источниках приводилась легенда, по которой на западной родине верблюдов (в стране к западу от Хотана, ее отождествляют то с Бактрией, то с Ферганой) на горе стояла каменная статуя верблюда, с которой стекала очистительная вода. Начиная с эпохи Чжоу, особенно в ханьское время, в западных провинциях Китая под влиянием кочевников распространяются жезлы с изображением верблюда, являющиеся символом власти и праведности¹.

Крылатый верблюд, возможно, имел геральдическое значение в родословной кушан, государство которых существовало в конце I тыс. до н. э. и в первых веках н. э. на территории Средней Азии, Афганистана и Ирана². Скорее всего, владельцы Согда V–VIII вв. позаимствовали эту эмблему власти у ранних кушан через эфталитов.

Позже символы верблюда встречаются на бухарских монетах V–VI вв. н. э. В росписях дворца бухар-худатов (титул правителей Бухары – И. Ш.) в Варахше государь восседает на троне, украшенном крылатыми верблюдами³. В Пенджикенте на терракотовых плитках изображен правитель на троне, представлявшем лежащего верблюда⁴. В росписях данного города была также обнаружена сцена с двумя: мужским и женским божествами. Подножием трона со стороны мужского божества служил верблюд⁵. В китайских источниках сообщалось о том, что владелец

---

¹ Кузьмина Е.Е. Древнейшая фигурка верблюда из Оренбургской области и проблема доместикации бактрианов // Советская археология. 1963. № 2. С. 38, 40–41, 43.

² Горячева В.Д. Город золотого верблюда (Краснореченское городище). Фрунзе, 1988. С. 25.

³ Шишкин В.А. Варахша. М., 1963. С. 159, 203.

⁴ Ремпель Л.И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977. С. 100.

⁵ Пугаченкова Г.А., Ремпель Л.И. Очерки искусства Средней Азии. Древность и средневековье. М., 1982. С. 132–133.

государства Ань (под ним подразумевается Бухара) «сидит на золотом престоле, представляющем верблюда, вышиною от 7 до 8 футов»¹.

На монетах раннесредневекового Кердера, расположенного на территории древнего Хорезма, изображены цари с короной в виде лежащего двугорбого верблюда. Подобные монеты относятся к IV и VIII вв. н. э. По мнению Б.И. Вайнберг, дважды – в конце III – начале IV в. и в начале VIII в. в Хорезм из присырдарьинских районов приходят правители, приносящие наряду со своими тамгами и традиционную корону в виде лежащего двугорбого верблюда. Эти племена были кангарами, не являющимися тюрками по языку, но впоследствии вошедшими в состав печенегов². Несомненными центрами почитания бактриана в Средней Азии были районы нижней и средней Сырдарьи, Семиречье и Согд (Мавераннахр). Тогда как в Хорезм данный культ был привнесен указанными кангарами.

Караханиды хотя и были тюрками, но все же возводили свой род к легендарному правителю туранцев Афрасиабу. Как известно из поэмы А. Фирдоуси, туранцы были ираноязычными кочевниками, противостоящими собственно иранцам. Несомненно, Караханиды позаимствовали и местные туранские пережитки почитания верблюда. Об этом писала еще Б.И. Вайнберг: «Видимо, в VIII в. не обрывается устойчивая традиция, сделавшая древнее местное божество – верблюда покровителем царской власти. Как это ни кажется парадоксальным, следует обратить внимание на титулатуру правителей из династии Караханидов». По мнению данного автора, «в титуле Богра-хан отразилась преемственность по отношению к местной (для Семиречья хотя бы) традиции»³. Таким образом, караханидский титул «Богра-хан», скорее всего, был позаимствован тюрками Семиречья от древних местных ираноязычных племен.

Кроме среднеазиатского региона, следы почитания верблюда известны и на территории современного Приуралья, Казахстана, Южной Сибири, Монголии в скифо-сарматскую эпоху. В IV–II вв. до н. э. верблюд на Южном Урале также был объектом почитания. В частности, двугорбый верблюд представлен среди изображаемых персонажей в материалах Филипповских курганов⁴. Известны одиночные, как стоящие или идущие, так и лежащие, фигуры верблюдов.

Однако наиболее распространенным сюжетом являются сцены борьбы, как-то: битва двух самцов-верблюдов, битва верблюда с волком, сцена нападения тигра на верблюда, схватка верблюда с грифоном. Больше всего изображений верблюдов найдено на территории Южного Приуралья и Западного Казахстана (около 50 экземпляров)⁵. В одном только

¹ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950. С. 272, 282.

² Вайнберг Б.И. Удельный чекан раннесредневекового Кердера // Антропология и культура Кердера. Вопросы антропологии и материальной культуры Кердера. Ташкент, 1973. С. 105, 115.

³ Вайнберг Б.И. Указ. соч. С. 111–112.

⁴ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 55, рис.; История башкирского народа: в 7 т. Т. I. М., 2009. С. 194, 199, рис. 63.

⁵ Королькова (Чежина) Е.Ф. Указ. соч. С. 138, 139.

Филипповском кургане найден 41 предмет с изображением бактриана¹. Е.Ф. Королькова приходит к выводу, что одним из самых ранних центров распространения образов верблюдов-бактрианов был регион Южного Приуралья и Западного Казахстана (конец VI–IV вв. до н. э.), и возможно Приаралье (VI в. до н. э.), населенная скифо-сарматскими племенами². Б.И. Вайнберг также предполагала, что культ верблюда сложился на обширной территории, простирающейся от Семиречья до Южного Приуралья в ираноязычной среде³. Специалисты пришли к выводу, что изображения верблюда в искусстве кочевников раннего железного века Южного Приуралья сходны с описаниями данного животного из Авесты (приведенные выше). Возможно, что этот образ использовался в качестве символа силы мужчины-воина, божества войны, служил выражением каких-то воинственных, агрессивных идей. Сцена борьбы двух верблюдов, предположительно, являлся геральдическим символом вождей одного из сарматских родов⁴.

Племена Южного Приуралья и в эпоху раннего средневековья поддерживали тесные культурные и экономические контакты со среднеазиатским регионом. Об этом свидетельствуют материалы Аврюзтамакского клада (Альшеевский район РБ), среди которых имеется серебряное навершие ритона в виде головы верблюда. Кроме того, среди пропавших вещей из этого клада были фигуры (голова, ноги) верблюдов, на золотом кумгане был изображен верблюд. Изделия Аврюзтамакского клада имели среднеазиатское (согдийское) происхождение. По мнению специалистов, данный клад относится к VIII–IX вв.⁵ Если археологи не ошиблись в хронологии, то это означает, что на Южном Урале в указанный период обитали ираноязычные племена, имеющие тесные контакты с Согдом, который, однако, к тому времени был завоеван арабами и подвергался активной тюркизации. Однако, так или иначе предметы данного клада являются прямым археологическим доказательством существования культа верблюда в эпоху раннего средневековья на территории Башкортостана.

Однако, следует отметить, что верблюды почитались и в древнетюркской среде. Возможно, здесь сказалось влияние ираноязычных племен Средней Азии и Восточного Ирана. В частности, на знаменитой Сулекской писанице (VI–VIII вв. н. э.) в Хакасии изображены ощерившиеся, агрессивные двугорбые верблюды⁶. Верблюд-самец, кажется, в древнетюркской среде почитался, как некий посредник между Небом и Землей, как мужское начало. Об этом свидетельствуют слова из

---

¹ Пшеничник А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа, 1989. С. 12.

² Королькова (Чежина) Е.Ф. Указ. соч. С. 144.

³ Вайнберг Б.И. Указ. соч. С. 111.

⁴ Лылова Е.В., Моргунова Н.Л. Бронзовые навершия из Филипповских курганов // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 4. Оренбург, 2000. С. 181-182.

⁵ Денисов И.В., Иванов В.А., Исмагилов Р.Б. Новые древности с территории Южного Урала // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 5. Оренбург, 2001. С. 84-89.

⁶ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 294, 296, рис. 41, 43.

«Гадательной книги»: «Я верблюд – самец¹ бактрийско-арабской породы. Я брызжу белой пеной. Вверху (она) достигает до неба, а внизу она входит в землю. Я бегаю, пробуждая спящих и заставляя встать лежащих. Такой я сильный! Так знайте – это хорошо!»².

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что предки древних башкир в домонгольский период когда-то почитали двугорбого верблюда. В эпосе «Бабсак и Кусяк» в записи С. Мухаметкулова говорится, что башкирские роды, подчиненные Масим-хану, разводили лошадей, верблюдов и овец³. Р.Г. Кузеев писал, что верблюды и крупный рогатый скот в условиях средних широт, где снежный покров бывает значительным, не могут добывать корм из-под снега. По мнению ученого, верблюды, крупный рогатый скот башкиры в X–XVI вв. разводили лишь в южных широтах, на территории современной Оренбургской области, частично – в степном Зауралье, где существовали условия для круглогодичного их содержания на подножном корму⁴. Однако утверждение Р.Г. Кузеева о том, что башкиры в X–XVI вв. разводили верблюдов, гипотетично, его выводы сделаны лишь на основании исторических аналогий. Дело в том, что кочевники южнорусских степей в IX–XIII вв. (печенеги, торки-огузы, половцы) разводили верблюдов. В русской летописи перечисляется полоны, захваченные русскими князьями в степях в 1096, 1103, 1111, 1191, 1193 гг., в них характеризуется состав половецкого стада, куда входили также верблюды. Изображение бактриана имеется даже на фреске Софийского собора в Киеве. По мнению С.А. Плетневой, художник изобразил здесь верблюдов, разводимых ближайшими соседями – половцами⁵. Несомненно, отдельные группы древних башкир также, как печенеги и половцы, разводили верблюдов, но имелся ли у них культ верблюда?

Отголоски этого культа, по нашему мнению, также сохранились в вариантах башкирского эпоса «Бабсак и Кусяк». В частности, в записях С. Мухаметкулова и А. Исмагилова (записал от того же С. Мухаметкулова в 1928 г.) говорится, что некий зверь (лев) сожрал тысячу верблюдов Масим-хана⁶. В записи М. Сулейманова рассказывается, что у Масим-хана было 40 сыновей и одна дочь. Однажды какой-то зверь погубил 40 верблюдов и 35 сыновей хана⁷. Так или иначе, верблюды принадлежали хану (были связаны с ним и с его сыновьями). Интересно, что каждому из сыновей хана принадлежит по одному верблюду. Возможно, здесь мы видим отголоски древнего символа власти – верблюда. Убивая верблюдов, враг (зверь) посягал на верховную власть хана. Учитывая изложенные выше

¹ В транскрипции использовано слово «богра».

² Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.–Л., 1951. С. 87.

³ Башкирское народное творчество. Т. 1. Уфа, 1954. С. 84. На башк. яз.

⁴ Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Т. III. Уфа, 1968. С. 271–272.

⁵ Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.–Л., 1958. С. 187–188.

⁶ Башкирское народное творчество. Т. 1. Уфа, 1954. С. 84. На башк. яз.; Башкирское народное творчество. Т. 4. Уфа, 1999. С. 321. На башк. яз.

⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 31. Л. 4.

древнеиранские представления о связях фигуры правителя с культом верблюда, следует предположить, что, возможно, в древности имело место разведение «священных» (или «посвященных» правителю) верблюдов, то есть они считались собственностью хана (настоящего или уже умершего), и их нельзя было трогать, тем более убивать, ведь они – олицетворение власти монарха. Пережитки «посвящения» животных сохранились у современных сибирских народов¹. В XIII в., по сообщениям Плано Карпини и Бенедикта Поляка, монголы посвящали лошадей идолу Чингис-хана и их нельзя было трогать². Очевидно, нечто подобное мы видим и в эпосе «Бабсак и Кусяк».

Известно, что одним из подчиненных Масиму родов был род бурзян. По мнению ряда исследователей, род бурзян восходит к ираноязычным племенам³. Также имя хана (Масим) вряд ли можно объяснить с точки зрения тюркских языков. Его этимология пока неясна. Возможно, данное имя имеет иранские корни.

Таким образом, приходим к выводу, что если словом «богра» (самец-бактриан), возможно, древние башкиры не пользовались, то культ собственно верблюда у отдельных племен, по крайней мере, до периода окончательной тюркизации (кыпчакизации) все же существовал. И связан был данный культ, также как у древнеиранских племен, с фигурой правителя. Однако, несмотря на это, титул «Богра-хан» на территории Башкортостана, скорее всего, был не местного, а иноземного происхождения. В пользу этого свидетельствует то, что он в источниках упоминается всегда вместе с титулом «Кара-хан». Оба титула были широко распространены в Караханидском государстве, который существовал в X – начале XIII вв. в Семиречье и Мавераннахре. Не может быть сомнения в том, что они привнесены в Башкортостан племенами (табынцами), вышедшими из пределов этого государства. Еще Ибн ал-Асир писал, что в 1043/1044 г. некие неверные тюрки «проводили лето в краях Булгара, а зимовали в краях Баласагуна (столица Караханидского каганата – И. Ш.)»⁴. В то же время существование караханидских титулов на территории Башкортостана в домонгольский период дает основание считать, что во главе табынского союза племен стояли представители упомянутой среднеазиатской династии. Ведь только у них получили распространение титулы Кара-хан, Богра-хан и Акташ-хан.

© Исянгулов Ш.Н., 2011.

---

¹ Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. Пережитки тотемизма в идеологии сибирских народов. М.-Л., 1936. С. 288-335.

² Образование Золотой Орды. Улус Джучи Великой Монгольской империи (1207-1266). Источники по истории Золотой Орды: от выделения удела Джучи до начала первого суверенного хана. Казань, 2008. С. 245; Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб., 2002. С. 116.

³ Хамидуллин С. Бурджаны в истории Евразии // Ватандаш. 2011. № 5. С. 55; Аминев З., Ямаева Л. Древнеиранские элементы в традиционной культуре башкир // Ватандаш. 2011. № 8. С. 35.

⁴ Ибн ал-Асир. «Ал-Камил фи-т-та'рих» «Полный свод истории». Избранные отрывки / Пер. с араб. яз., прим. и коммент. П.Г. Булгакова; Доп. к пер., прим. и коммент., введ. и указ. Ш.С. Камалиддина / Отв. ред. М. Искоков. Ташкент, 2006. С. 211-212.

Святые места мусульманских народов на севере Республики Башкортостан

«Вода - это жизнь» - из покон веков твердили наши предки. Вода дает силу, является символом плодородия, с водой была связана вся хозяйственная деятельность человека. В ранние периоды своего развития человек селился на берегах рек, водоемов, пытаясь защитить себя с помощью водной преграды, наделяя ее магическими свойствами.

В современном обществе для большинства людей вода является обыденностью, связанная с мирскими потребностями умыться, приготовить еду и так далее. Лишь во время проведения каких-либо обрядов и ритуалов мы чаще всего задумываемся о магических свойствах воды, например во время крещения ребенка, или же во время мусульманского обряда Никах, когда молодые должны испить святую воду (*зям-зям су*) или же на мусульманской свадьбе молодой невесте обязательно показывают дорогу к источнику (*су юлы*). Семантическое значение обряда *су юлы* заключается в том, что молодой невесте на стороне жениха должны показать источник воды или же родник, из которого она всю дальнейшую жизнь будет брать воду для своих нужд. То есть уважительное отношение к источнику воды сохранилось в виде отдельного, яркого обряда на свадьбе.

Потребительское отношение к воде у молодого поколения идет в разрез с миропониманием старшего поколения, которое пытается научить своих потомков вовремя выключать воду или же не плевать в нее («...в воду, в огонь нельзя плевать – губы покроются болячками. И вообще плевать нельзя, ибо, по представлениям мари, черт Ия, например, возник из плевка недоброго человека»¹). Другим положительным примером служит создание святых мест близ родников или же источников воды.

Речь идет о том, что в северных районах Башкирии в ряде населенных пунктов облагораживаются родники руками не только религиозных деятелей, но и самими жителями, будь-то меценаты, либо энтузиасты. В качестве примера необходимо упомянуть о красивом роднике в д. Барсуково Калтасинского района. Безусловно, другим ярким примером служат красивые источники и родники в с. Старый Курдым Татышлинского района, которые носят названия *Иман чиимэсе* и *Хазрат чиимэсе*. Другим примером может служить родник в с. Кудаш Татышлинского района под названием *Акбай чиимэсе*. Безусловно, таких примеров очень много, но автор хотел бы остановить свое внимание на родниках в д. Верхний Курдым и д. Кудаш. В данных населенных пунктах инициаторами по обустройству родников стали хазраты местных мечетей. В д. Верхний Курдым это Магдан хазрат, а в д. Кудаш – это Зави хазрат.

---

¹ Четкарева Р.П. Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола, 1999. С.31.

История родника в с. Верхний Курдым связана с именем Гарифуллы Киекова – религиозного деятеля, просветителя. Отучившись в медресе «Шыгай» Мензелинского уезда, а затем в медресе «Апанай» г. Казани, а также отслужив 6 лет в царской армии, 27-летний юноша возвращается в родное село. Под его руководством строится 2-х этажное медресе, где он также был муллой, а спустя 2 года стал ахундом. Помимо общественной деятельности Киеков пробовал себя и в литературном жанре. Он писал сборники стихов для малышей, а также выпускал статьи с заметками не только о своем крае, но и о событиях будоражившие Россию в конце XIX-нач. XX вв. В 1900 г. вышла первая книга Г. Киекова «Гайн-ар-риза, или Курдымский родник хазрата».

В честь Г. Киекова и был назван родник, так как он первый обустроил его и на протяжении долгих лет держал его в чистоте. Не случайно именно возле родника стали проводить сходы имамов, а в мае месяце ежегодно собирались местные жители, где Киеков выступал с религиозными проповедями.

Сам источник состоит из 7 небольших родников, каждый из которых наделен определенными свойствами. Как сообщил нам Магдан Атнабаев, если хочешь быть сильным как *батыр* нужно испить воды из первого родника. Если хочешь быть красивым, нужно испить воды из второго родника. Если хочешь быть умным, нужно испить из третьего колодца. Желая быть счастливым, человек должен испить из четвертого родника. Пятый родник от болей в суставах, шестой родник избавляет от горя и напастей в жизни, а седьмой родник – любовь. Подытоживая свою речь, Магдан хазрат заключает, что если не хочешь забыть это место до конца жизни нужно испить воду из центрального озерца, куда впадают все семь родников¹.

Также в селе рядом с мечетью есть Иман чишмэсе, который не имеет такой богатой истории как Хазрат чишмэсе, но зато также красиво обустроен благодаря стараниям Магдан Атнабаева.

Еще одним «святым» местом татышлинцы называют родник Акбай чишмэсе, который находится в д. Кудаш и поддерживается стараниями хазрата местной мечети Зави Нуриева. Зави хазрат рассказал нам, что ежегодно 20 июня возле родника собираются односельчане, где мулла читает молитву, а затем закалывают барана². Всего в источнике 3 огороженных родника и к каждому выложен деревянный настил из досок.

Основная проблема или же вопрос состоит в том, что мы наблюдаем некую подмену понятий того что называть святым местом. Безусловно, что родники с давних времен являлись символами чистоты, здоровья, отсюда и вера в их магическую силу, которая передается из поколения в поколение. Все же родники для мусульманских народов не являются святыми местами, а по сути это места сборов, проведения каких-либо мероприятий.

---

¹ ПМА. Сообщение Магдана Атнабаева 1931 г.р. хазрата с. Верхний Курдым. Татышлинский р-н, РБ 2011 г.

² ПМА. Сообщение Зави Нуриева 1939 г.р. хазрата с. Кудаш. Татышлинский р-н, РБ 2011 г.

По мнению автора, проживая в тесных контактах с финно - угорскими народами, татары и башкиры северной части РБ стремятся обрести свои места , где бы они могли собраться провести какое-либо мероприятие, в том числе и религиозное, по аналогии со Святыми рощами у марийцев и удмуртов.

О марийских святых местах нам известно, что «располагаются священные рощи преимущественно на возвышенном месте, где враждебные силы утрачивают свое могущество в виду близкого присутствия сил верхнего мира, в частности, духа-защитника Великого горного человека, покровителя и хозяина гор и возвышенностей. Если в ближайших окрестностях нет высокого места, значит, в роще должен быть источник, родник, ручей. Таким образом, можно предположить, что место для священной рощи интуитивно выбиралось аномальное, с учетом его биоэнергетики и геофизических особенностей (магнитные аномалии, средоточие подземных водных потоков, роза ветров и т.д.). То есть каждая роща обладает положительным набором природных биологических и общественных психологических факторов, имеет свою до конца не разгаданную тайну»¹.

Также разнообразные коллективные моления в святых местах проводились у удмуртов: «Праздник с общественным молением така вöсян проходил в прошлом и после восхода яровых. Однако более значительным был быдзым вöсь, т.е. большое моление, совершавшееся совместно несколькими деревнями перед сенокосом»². Проявления верований в специально отведенных местах отмечено и у мордвы: «чтобы умилостивить божества и получить помощь, в их честь устраивали специальные моления (моляны) на полях, в лесах, у воды, совершали жертвоприношения»³.

Обращая внимание на приведенный выше материал, мы наблюдаем сходство в общественном, духовном, семантическом предназначении таких мест как у финно-угорских, так и у тюркоязычных народов северной части Башкортостана. С той лишь разницей, что для финно-угорских народов «священная роща во время моления является как бы центром мира, сосредоточением причин и следствий, своеобразным штабом управления процессами, происходящими во всех трех мирах: верхнем, среднем и нижнем. Но понимать этот центр следует не столько как топографическую точку, а скорее как семантическую позицию, воспринимаемую через функцию»⁴. Тогда как для татар и башкир на севере РБ указанные источники и родники служат традиционными местами сбора, и, выражаясь языком Четкаревой, являются той самой топографической точкой, где из года в год собираются местные жители.

С другой стороны, и финно-угорские народы в святых рощах и тюркоязычные народы близ известных «святых» источников совершают религиозные и моленные действия, после которых приносят

---

¹ Четкарева Р.П. Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола, 1999. С. 81.

² Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. С. 402.

³ Там же. С. 341.

⁴ Четкарева Р.П. Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола, 1999. С. 80.

жертвоприношение. Таким образом, функциональное значение данных мест очень схоже, и если для финно-угров оно неоспоримо, то после беседы с Хидаей Гайсиной не все оказалось так бесспорно. Во время разговора Хидаея Гайсина сообщила, что не считает родник святым местом, и что только благодаря Магдан Атнабаеву он стал таким ухоженным и приобрел популярность¹.

Слова, сказанные Хидаей Гайсиной подтверждают общий настрой по отношению к таким «святым» местам, но автор ни в коей мере не пытается принизить социальное и духовное значение данных источников для населения местных деревень. Например, у башкир до принятия ислама было характерно «одухотворение предметов и явлений природы, наделение их сверхъестественной силой, а также свойствами, присущими человеку. Были почитаемы *реки, озера, горы и скалы, животные и птицы*»². Напротив, появление таких же обустроенных источников или исторических мест и в других деревнях не только на севере Башкортостана, но и во всем крае в целом, способствовало бы дополнительному духовному развитию, объединению людей.

Вот что сказано о практическом значении общественных молений для марийцев: «Этот ритуал сплачивал людей, нацеливал на решение общих задач, выявляя приоритетные направления деятельности. Чувство единства вселяло уверенность в своих силах, ощущение психологического комфорта от осознания своей защищенности, а значит восстанавливала и физическое самочувствие. Недаром все утверждают, что даже придя на моления больным, человек уходил из рощи в значительно лучшем состоянии. То есть магическая сила священных мест активизирует физические и духовные силы³».

Таким образом, напрашивается вывод о том, что татары и башкиры благодаря длительному проживанию, культурному взаимодействию с финно-угорскими народами стремятся обрести такие же не менее значимые для себя места общения, объединения людей. Роль Магдана Атнабаева и Зави Нуриева трудно переоценить, ведь именно благодаря их стараниям, может быть, и существуют данные родники, и кто как не священнослужители должны духовно объединять односельчан?

Основную мысль необходимо выразить словами мудрого Магдан хэзрэта, который сказал так: «Если мы не будем заботиться об источнике он может исчезнуть, поэтому охранять нужно воду. Понимая это наши предки передали нам этот источник и мы в свою очередь должны передать его будущим поколениям. Вот такой принцип»⁴.

© Камалеев Э.В., 2011.

¹ ПМА. Сообщение Хидаея Гайсиной 1932 г.р. с.Верхний Курдым, Татышлинский р-н, РБ, 2011 г.

² Башкортостан: историко-этнографические очерки. Уфа: Гилем, 2002. С. 98.

³ *Четкарева Р.П.* Природа, здоровье и табу народа мари. Йошкар-Ола, 1999. С. 80.

⁴ ПМА. Сообщение Магдана Атнабаева 1931 г.р. хазрата с. Верхний Курдым. Татышлинский р-н, РБ 2011 г

Бедняк – штурмовик коллективизации

Нам не должны казаться странными явления, происходящие с любым государством после смены власти. Будь то государственный переворот, революционная деятельность, приведшая к изменению государственного строя, захват государства другим государством или же добровольное избрание ведущей партии-партии власти. Маркс делил общественные отношения на базис и надстройку, где базис – экономическая структура общества, её материальные отношения, а надстройка - совокупность идеологических отношений и взглядов (идей), а также соответствующие им организации и учреждения (государство, партии, церковь и др.). То есть, смена надстройки, неминуемо влечет смену базиса и наоборот. Так случилось и с нашим государством¹.

После прихода к власти в России большевиков и победы нового политического строя и идеологии над монархизмом, новая политическая верхушка тут же решила заявить о себе. Однако, истощенная гражданской войной страна, была уже не в силах принимать новые экономические структуры. Так, стала необходимой передышка. Большевики дали стране передохнуть посредством новой экономической политики. Но многие должны были понять ещё тогда: новая надстройка не будет довольствоваться старым базисом, и в ближайшее же время его уничтожит...

Курс на коллективизацию сельского хозяйства был провозглашён на XV съезде ВКП (б) (декабрь 1927). В декабре же 1927 г. на этом же съезде были приняты «Директивы по составлению первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР» (индустриализация).² Именно эти события и нужно считать отправной точкой в глобальном переделе всей экономической базы страны. Власть – партия большевиков (та самая надстройка) посредством коллективизации и индустриализации берется за переустройства базиса со всем рвением.

Как ни странно, но к этому времени в уже окрепшей партии большевиков назревает раскол¹. Этому вопроса мы касаться не будем, ведь как бы то ни было и какие бы непонимания и проблемы не возникали, в верхушке советской государственности, коллективизация начинает набирать обороты. Но, для её скорейшего завершения и расширения охвата были необходимы: во-первых, материальные ресурсы, во-вторых, ресурсы человеческие: электорат, соратники, сочувствующие. То есть люди, что выполняли бы политику партии на местах, члены партии или беспартийные, которые должны были бы вместе выстроить огромную пирамиду, аппарат, своевременно выполнявший указания партии и подававший сигналы от

---

¹ К.Маркс, Ф.Энгельс, В.И.Ленин. О диалектическом и историческом материализме. М., Политиздат, 1984.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8 изд., Т. 4, М., 1970.

¹ Ноув А. О судьбах нэпа // Вопросы истории. 1989. № 8. С. 172.

руководителей на местах вверх, реагирующий резко и незамедлительно и, конечно же, обычные «вышибалы», так скажем «карающие органы». Чтобы все эти механизмы стали работать, выполнять свои функции, было необходимо топливо, горючее вещество, дававшее постоянную энергию, для скорейшего завершения коллективизации – изменения экономической структуры страны (аграрный сектор). Этим горючим стала идеология, а именно классовая борьба, раскулачивание.

30 января 1930 года Политбюро утвердило подготовленный специальной комиссией текст постановления ЦК ВКП (б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации»². С этого момента крестьянство начали делить на своих и чужих...

Своими были объявлены середняцкие и бедняцкие хозяйства, а соответственно чужими – кулацкие¹. Большевики, таким образом, встали на сторону большинства (ведь число кулацких хозяйств, даже во время НЭПа равнялось примерно 3-5%¹ по всему союзу и примерно 5% по БАССР²). Ещё тлеющие «пожары гражданской войны» были лучшим стимулом в борьбе с частной собственностью, в борьбе с зажиточными крестьянами. На примере архивных документов по Башкирской АССР видим, как активно партийцы республики берутся за работу с беднотой, предоставляют материальную и продовольственную помощь бедняку³. Кулак же, обременяется все более высокими нормами податей, зажиточных крестьян давят хлебозаготовки².

На деле, в борьбе за новую экономическую систему, за новую материальную базу, большевики используют старый, известный нам ещё с античных времен метод: «Разделяй и властвуй!». Разбираться насколько этот метод дик и коварен смысла нет (пусть кто-то посчитает, что это именно так), однако все мы согласимся с его эффективностью. Результат не заставил себя ждать долго, и уже к концу 20-ых - началу 30-ых годов открывается огромное множество локальных фронтов, где с одной стороны беднота, с другой - зажиточные. Как нам известно, бедные всегда ненавидят богатых, только лишь за то, что они богаты. Богатые же, не терпят бедных, считая их безответственными и ленивыми. Взаимная ненависть только лишь подливает масла в огонь, но это и нужно было большевикам! На их стороне: власть, материальные ресурсы и большинство населения страны (в городе пропаганда классовой борьбы также имела место, и горожан намного проще было убедить в том, что продовольствия нет из-за кулаков). Таким образом, 600-700 тысяч семей стали врагами государства, гражданами которого они и являлись.³ Нажим начинается в полной мере, теперь советское государство

---

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 8 изд., т. 4, М., 1970.

¹ ЦГАОО РБ Ф. П-122. Оп. 7. Д. 2. Л.91.

¹ <http://kdkv.narod.ru/historyB/RasKul.htm>.

² ЦГАОО РБ Ф П-122. Оп. 7. Д. Л.197.

³ ЦГАОО РБ Ф П-122. Оп 7. Д. 27а. Л.71-73, 96.

² ЦГАОО РБ П-122. Оп 7. Д. 28. Л.67-69.

³ <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=347843>.

уничтожает кулаков подчистую. Документы по БАССР говорят даже о «чистке школ от детей чуждых элементов»¹.

Советская власть, таким образом, принимает роль стороннего наблюдателя, руководителя расправы над зажиточными слоями. В деревне же полным ходом идут столкновения партийцев-бедняков с кулаками. В это время огонь раздувают директивы сверху, постоянно твердя о контрреволюционной деятельности кулаков, об их борьбе с хлебозаготовками, нагнетается враждебность в сельском обществе¹.

Между тем, бедняцкие элементы, за свою активность в деле коллективизации все более и более берутся в оборот. Теперь проводятся целые бедняцкие конференции². К примеру: бедняки клянутся в верности партии: «...и обещают поддержку в борьбе за социалистическое переустройство сельского хозяйства, в борьбе с кулаками, одобряют партийную политику»³. Этот документ, датирован 11-15 ноября 1928 г. Далее говорится о террористических актах, сопротивлении кулаков доходивших до убийств и поджогов⁴. Однако беднота уверенно заявляет, что: «...кулацкое сопротивление, будет сломлено. Социалистическое строительство будет обеспечено»⁵. Бедняк вдруг понимает, что его ужасно и беспощадно эксплуатируют, что он не получает того, что ему принадлежит по праву, что ему просто-напросто мешают жить. А кто мешает жить? Ответ прост – кулак, следовательно, его нужно уничтожить! Именно этим и начинает заниматься малообеспеченная часть сельских жителей. Постоянные стычки с кулаками, доходят до убийств. Кулаки не сдаются, дают отпор.

На противоположной кулаку стороне баррикад, оказались и их вчерашние наемные рабочие. Советская власть дает возможность выплеснуть всю накопившуюся ненависть и злобу эксплуатируемых на своих недавних эксплуататоров⁶. А в этом случае быстро вспоминались старые обиды, зависть, недополученная оплата за работу. Кулак был прижат к ногтю.

Безнаказанность, и даже поощрение в борьбе с кулаком в селе уже очень скоро начинает принимать хаотичный характер. Кроме того, что зажиточные крестьяне обираются до нитки, высылаются, теперь дело доходит и до людей среднего достатка. Набравшая обороты ударная компания по уничтожению кулака выходит из-под контроля. И вот уже жернова классовой борьбы один за другим начинают попадать и середняк, а порой и бедняк¹. Раскулачивание принимает форму анархии и беспредела. Теперь даже отдельные организации, «... и представители отдельных организаций и всеми мерами пытаются скомпрометировать одна организация

---

¹ ЦГАОО РБ Ф П-122. Оп 7. Д. 28. Л.139-140.

¹ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 101. Л.1-11, 14, 25, 32-35, 98.

² ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д.130. Л.2.

³ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 130. Л.2-3.

⁴ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 130. Л.9.

⁵ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 130. Л.8-9.

⁶ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 41. Л.20.

¹ ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 6. Д. 11. Л.179.

другую»². Маховик раскручен, и в этот момент советское правительство начинает понимать, что паникой охвачен низовой партийный состав, их излишний энтузиазм в скором времени отрицательно повлияет на авторитет большевиков. Пламя может вырваться из-под контроля, и тогда огнем будет охвачено все судно под названием «СССР». И в этот момент, чтобы охладить пыл революционной активности народа, Сталин говорит, что коренной поворот деревни к социализму можно считать уже обеспеченным³. Там же он напоминает, что от успехов у всех закружилась голова, и именно это и привело к выселению, арестам и порой физическому уничтожению части населения страны.

Данное событие - раскулачивание, стало беспрецедентным актом разжигания вражды между отдельными частями сельского общества с целью достижения политики партии большевиков. Главную роль здесь сыграла не сама партия, а подстрекаемая ею часть населения, доведенная до отчаяния. Классовая борьба, начатая властью, дала иммунитет большей части населения, оставшуюся же часть сельских жителей практически приговорила и привела приговор в исполнение, тем самым, сведя к минимуму опасность народных выступлений и недовольств, не используя при этом чрезвычайных сил и средств. Советская власть не впервые применяла этот метод и добилась необходимых результатов с минимальным количеством затрат.

© Колонских А.Г., 2011.

Куфтерин В.В.

К истории палеоантропологического изучения населения эпохи бронзы Башкирского Приуралья

Территория Южного Урала уже в эпоху бронзы не представляла собой первичного очага расообразования. Формирование антропологического состава населения происходило здесь под воздействием таких факторов как миграция и метисация¹. Имеющийся палеоантропологический материал эпохи бронзы относится, в основном, к срубному времени. При этом срубные материалы Башкирского Приуралья больше по численности и лучше по сохранности, нежели палеоантропологические материалы с других территорий ареала СКИО².

Первые данные по антропологии населения Приуралья эпохи бронзы (12 черепов, из них 7 срубных) были опубликованы М.С. Акимовой³. Черепа

---

² ЦГАОО Ф РБ П-122. Оп 7. Д. 109. Л.85.

³ Сталин И.В. Сочинения. Т. 12., М., 1949. С. 191-199.

¹ Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры: этническая история и традиционная культура. Уфа, 2002. С. 21-44.

² Шевченко А.В., Юсупов Р.М. Краниологические материалы из Старо-Ябалаклинского могильника // Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья. Уфа, 1991. С. 101-115.

³ Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.

происходили из раскопок курганных могильников Тартышево II и Ново-Балтачево (северо-западный Башкортостан). В связи с малочисленностью и плохой сохранностью материала М.С. Акимова ограничилась констатацией принадлежности этих черепов к резко выраженному европеоидному типу, не вдаваясь в подробности его происхождения и формирования на Южном Урале. 3 черепа абашевской культуры из Чуракаевского могильника, в отличие от срубников и андроновцев из Ново-Балтачево и Тартышево, характеризуются, по ее данным, смягченно-европеоидным типом со слабо выступающим носом¹.

В 1970 г. Ю.А. Дурново была показана близость мужских черепов эпохи бронзы Приуралья (Ново-Баскаковские курганы, раскопки А.В. Збруевой) к срубному населению Среднего и Нижнего Поволжья².

В дальнейшем А.В. Шевченко на гораздо большем материале выявил гетерогенность антропологического состава населения срубной культуры, причем как на территориальном, так и на локальном уровнях. Кроме того, в Башкирии был зафиксирован один из очагов широколищести, что указывает на участие в генезисе срубников Приуралья гипоморфного краниологического типа, имеющего аналогии в абашевском населении, оставившем могильники типа Олгаши и Абашево³. В результате смешения с пришлыми с запада представителями гипоморфного древнесредиземноморского типа в срубную эпоху произошла грацилизация аборигенного населения Приуралья⁴. Таким образом, выявляется генетическая связь срубников Поволжья и Приуралья как с более древним населением ямной и полтавкинской культур, так и участие в их формировании лесных абашевцев и срубного населения Украины⁵.

В 1989 г. Р.М. Юсупов на значительном материале, происходящем из раскопок могильников центральной (Старые и Новые Ябалаклы, Чишмы, Петряево), северо-западной (Ново-Баскаково, Тартышево), южной (Старо-Яппарово, Санзяпово), юго-западной (Качкиново) Башкирии (XVI – XIII вв. до н.э.), выявил различия краниологических типов срубного населения и на территории Южного Приуралья. Первый более характерен для северо-западных и центральных групп срубников Башкирии и укладывается в характеристику так называемого «протоевропейского» антропологического типа, представленного низко- и широколицыми, матуризованным и грацилизированным вариантами. Южные и юго-западные группы, выделяющиеся гипердолихокранностью, более узким и высоким лицом, по мнению Р.М. Юсупова, можно отнести к одному из вариантов древней

---

¹ Акимова М.С. Указ. соч. С. 8-14.

² Дурново Ю.А. Исследование черепов из раскопок А.В. Збруевой Ново-Баскаковских курганов в 1956 и 1960 гг. // Древности Башкирии. М., 1970. С. 128-130.

³ Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984. С. 55-73; Он же. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. Л., 1986. С. 121-219.

⁴ Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья // Материалы по эпохе бронзы и раннего железа Южного Урала и Нижнего Поволжья. Уфа, 1989. С. 127-138.

⁵ Шевченко А.В. Ук. соч.

средиземноморской расы. Следов монголоидной примеси ни в одном из вариантов не выявляется. Выделение среди срубников Южного Урала двух расовых типов позволяет говорить о самостоятельном их происхождении и указывает на связь не только с западом, с Поволжьем, но и с более южными регионами¹.

Мысль о существовании очень сильных «южных» связей населения Волго-Уралья эпохи бронзы, в т.ч. срубников, высказывалась и А.В. Шевченко². Он, в частности, писал: «...довольно частые случаи прогнатизма, запредельные или подозрительно высокие для «нормальных» европеоидов величины зигомаксиллярного угла, увеличение абсолютной и относительной ширины носа, иногда уменьшение углов его выступления – следует расценивать, по-видимому, как проявление слабой негроидной, а вовсе не уралоидной примеси»³.

Противоположная точка зрения отстаивается А.А. Хохловым. По его мнению, одним из основных компонентов населения раннего этапа срубной культуры являются постсинташтинские группы⁴. Выделенный Г.Ф. Дебецем умеренно брахикранный «монголоидный» тип⁵, А.А. Хохлов считает справедливее называть «уралоидным»⁶. Сохранение морфологической сущности «уралоидных» нео-энеолитических краниумов по данным исследователя отмечается последовательно через эпохи вплоть до РЖВ, вероятно, и дальше в ряде этнокультурных групп Поволжья и Урала⁷.

Антропологические материалы из раскопок Николаевского могильника (Стерлитамакский район Республики Башкортостан), в частности, женский череп из погр. 11 (кость 2) кургана 2, можно рассматривать как новый виток в обсуждении вопроса «негроидной» – «уралоидной» специфики отдельных черепов эпохи бронзы с территории Волго-Уральского региона. Комплексный анализ антропологических материалов Николаевского могильника из раскопок 2004 – 2006 гг. проведен усилиями автора и А.И. Нечвалоды⁸.

---

¹ Юсупов Р.М. Антропология населения срубной культуры Южного Приуралья...

² Шевченко А.В. Палеоантропология срубников Поволжья в сравнительно-антропологическом освещении // Археология России. Свод археологических источников. Вып. 1-10. Т. I. Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. С. 101-105.

³ Там же. С. 104.

⁴ Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита – бронзы. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1998.

⁵ Дебеч Г.Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия. Т. IV. М.-Л., 1948. Он же. Палеоантропологические материалы из погребений срубной культуры Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. М., 1954. С. 485-499.

⁶ Хохлов А.А. Ук. соч.

⁷ Хохлов А.А. Антропологические материалы нео-энеолита Среднего Поволжья в системе синхронных данных Восточной Европы // VI Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. СПб., 2005. С. 378-379.

⁸ Нечвалода А.И., Куфтерин В.В. Палеоантропология Николаевского курганного могильника эпохи бронзы и железа // Вестник антропологии. Вып. 14. М., 2006. С. 74-81. Они же. Опыт палеоантропологического изучения кремнированных скелетных останков (по материалам кургана 7 Николаевского могильника) // Вестник антропологии. Вып. 15. Ч. II. М., 2007. С. 260-263. Они же. Палеоантропологические материалы из раскопок у с. Николаевка Стерлитамакского района Республики Башкортостан (предварительное сообщение) // В центре Евразии. Вып. IV-V. Стерлитамак, 2007. С. 15-21.

К сожалению, вплоть до настоящего времени практически отсутствуют самостоятельные работы по посткраниальной антропологии, палеодемографии*, палеопатологии** срубной культуры Башкирского Приуралья. Это обстоятельство следует связать с тем, что в качестве приоритетного направления ранее рассматривалось именно изучение процесса формирования расового типа носителей срубной культуры.

© Куфтерин В.В., 2011.

Максимова О.Н.

Модель формирования этнополитической культуры населения в современном российском регионе (на примере Оренбургской области)

Реалии современной этнополитической действительности свидетельствуют о том, что государственная этнокультурная политика не может иметь конструктивной реализации без взаимодействия институтов государства и гражданского общества, а развитие в обществе принципов толерантности без формирования этнополитической культуры населения. Проблемы сохранения этнополитической стабильности в странах Европы долгие годы находились в процессе внедрения практики мультикультурализма.

Термин «мультикультурализм» возник в Канаде в 1960-е годы в ходе поисков путей разрешения конфликтных ситуаций и управления бикультурной в то время (англо-французской) страной. Долгое время этнокультурная политика европейских стран чётко увязывалась с политикой социальной, в связи с этим мультикультурная модель имела право на легитимности лишь в том случае, если приехавшие в страну люди будут иметь работу, свои собственные деньги, а также ощущать социальную ответственность. В противном случае мигранты воспринимались в новом европейском обществе как безработные, которые ведут пассивную и несознательную жизнь на социальное пособие.

Однако, ни социальная активность европейских миграционных служб, ни этнополитическая альтернатива уступок этническим меньшинствам не способствовали утверждению мультикультурализма как одного из элементов европейской национальной политики на современном этапе. Сегодня европейские политические лидеры один за другим отказываются от политики мультикультурализма, осознавая, тем не менее, что современная

---

* Пожалуй, единственным исключением является статья А.И. Нечвалоды «Некоторые аспекты палеодемографии срубной культурно-исторической общности» (Выходные данные: Башкирский край. Вып. 6. Уфа, 1996. С. 101-111)

** Некоторые палеопатологические данные по срубникам из Старых Ябалаклов содержатся в работе А.В. Шевченко и Р.М. Юсупова (1991).

этнополитическая реальность не может быть не ориентирована на внедрение технологий межэтнического согласия.

Для России неприемлема даже мысль о невозможности существования различных культур. Без решения вопроса мирного сосуществования разных национальностей невозможно сохранение и развитие государства, тем более, что в отличие от многих европейских стран Россия не стала многонациональным государством, а сформировалось таковым.

Развитие культурно сложных регионов непременно должно быть результатом продуманной и целенаправленной политики с просчитанными последствиями принимаемых решений. В тоже время, нельзя отрицать факта того, что в большей степени это результат стечения обстоятельств и действия сил, не имеющих отношения к организационному механизму. Поскольку незапланированные «побочные» эффекты принимаемых законов, социальных и культурных программ нередко перевешивают запланированные, порождая кардинальные сдвиги не только в жизни региона, но и в его пространственной организации¹.

Этот тезис имеет прямое отношение к освоению этнокультурного многообразия. Современная этнокультурная политика Оренбуржья строится одновременно под влиянием традиционных представлений об объективном характере этничности и вполне современных реалиях этнополитической действительности свидетельствующих о недооформленной, не сформированной должным образом этнополитической культуре населения. Поэтому принимаемые решения, имеющие далеко идущие последствия, находятся в русле удовлетворения этнических запросов меньшинств и актуализации этничности большинства в духе раздачи «всем сёстрам по серьгам». Этнокультурные традиции сильно романтизированы и рассматриваются как жизнеспособная альтернатива глобализации. Этнокультурная деятельность направлена на подчёркивание самобытности и своеобразия.

Историческая судьба предопределила Оренбуржье статус полиэтнической и поликонфессиональной территории, сделав его по-своему уникальным. Оренбургская область оказалась непосредственной «зоной контакта» двух культур – азиатской и европейской, двух мировых религий – христианства и ислама, русского и тюркских языков. Этим обстоятельством объясняются многие особенности культуры, хозяйственного уклада и традиций Оренбуржья. При многовековой общей жизни на одной территории между славянскими, тюркскими, фино-угорскими народами, сложились уникальное взаимопонимание, уважение друг к другу, веротерпимость.

В области, по данным переписи населения 2002 г., проживают представители 119-ти национальностей. Из них 6 этнических общностей имеют в своем составе свыше пятидесяти тысяч человек каждая: русские, татары, казахи, украинцы, башкиры, мордва. Представители этих

---

¹ Тишков В.А. После многонациональности //Знамя. 2003. №3. С. 179.

национальностей составляют основную массу населения области (95,6%). Еще три национальные группы – немцы, чувашаи и армяне имеют в составе своей диаспоры свыше десяти тысяч человек.

Удельный вес этих групп населения в общей численности оренбуржцев находится в пределах от 1% до 0,5%. Представители четырех национальных групп населения – белорусы, азербайджанцы, узбеки и таджики составляют от 0,5% до 0,1% в общей численности населения области. Семнадцать национальных групп, проживающих в Оренбуржье, имеют удельный вес в общей численности населения в пределах от 0,1% до 0,01% каждая. Менее 0,01% в общей численности населения области имеют представители 71 национальности. Этим обстоятельством объясняются многие особенности хозяйственного уклада, культурных и национальных традиций, бытующих в Оренбургском крае.

Учитывая эти факторы, одним из приоритетных направлений деятельности региональной власти является национальная политика, удовлетворяющая интересы и потребности всех этнических групп, проживающих в Оренбуржье. Национальные проблемы решаются на региональном уровне с учетом истории, традиций, обычаев, образа жизни и культуры народов области. В этих целях разработана концепция национальной политики, с 1994 г. действует уже пятая по счету Программа реализации модели региональной национальной политики Оренбургской области, в которой содержится комплекс основных мероприятий, направленных на удовлетворение этнокультурных запросов жителей области.

Важную конструктивную роль в сохранении стабильности в обществе, развитии межкультурного сотрудничества, укреплении межэтнических отношений и удовлетворении национально-культурных запросов жителей области играют национальные организации.

В Оренбургской области по данным 2010 г. созданы и действуют 122 национально-культурных общественных объединения и 4 научных общества, деятельность которых направлена на изучение истории культуры различных этнических общностей, проживающих в области. Свои национальные общественные центры, деятельность которых направлена на сохранение и развитие национальных культур, имеют представители 23 этнических групп населения. Кроме того, в области действуют и межнациональные объединения.

В регионе налажено тесное взаимодействие и координация деятельности властных структур и национальных организаций. В этом направлении активно действуют Совет по делам национальностей при Губернаторе области, межнациональный координационный и научно-методический советы при управлении по связям с общественными, национальными и религиозными организациями.

В последние десятилетия, наряду с общемировыми процессами глобализации и широкого распространения массовой культуры, следует отметить устойчивую тенденцию возрождения этнического сознания и традиционных духовных ценностей. Возрождение национального

самосознания идет через возрождение национальных культур. Для Оренбуржья, специфичного своей многонациональностью, характерно стремление населяющих область этнических групп к возрождению, сохранению и развитию самобытных национальных культур, уникальных национальных традиций, обычаев и обрядов. Поэтому этнокультурная политика в регионе формируется так, чтобы национальные группы имели возможность восстановить утраченные в последние десятилетия культурные ценности, свободно определять пути дальнейшего культурного развития, реальные условия для учебы и воспитания детей, для творческих занятий в присущей им культурной среде.

Проведение праздников и фестивалей национальных культур способствует сохранению и развитию национальных культур, популяризации самобытных традиций, обычаев и обрядов, музыкального искусства в его традиционных жанрах и формах. Целенаправленное проведение этнокультурной политики способствует удовлетворению запросов различных этнических групп. Сегодня в области работают 5630 русских и 354 нерусских творческих коллективов, в том числе: 173 татарских, 77 башкирских, 38 казахских, 25 украинских, 26 мордовских, 8 чувашских, 7 немецких. Общий охват участников составляет 64,3 тыс. человек.

Данные цифры характеризуют только коллективы, которые работают в рамках клубной системы департамента культуры области. Но, кроме того, существует еще и национальные творческие коллективы, которые работают на базе национальных культурных центров и в системе дополнительного образования. Это позволяет говорить о том, что культурные традиции не только бережно сохраняются, но и передаются молодому поколению.

В Оренбургской области ежегодно проводятся праздники и фестивали, дни национальных культур, этнографические фестивали. У каждого народа есть свои памятные даты, связанные с важными событиями истории и культуры. Под эгидой национально-культурных обществ проводятся торжественные мероприятия, посвященные этим датам. Широко отмечаются календарные религиозные праздники. Доброй традицией стало проведение праздников «Наурыз» и «Сабантуй». Повсеместно проходит встреча русской «Масленицы». Во многих районах проходят праздники «Дружбы народов», где представлены самобытные культуры всех этнических групп населения проживающих на этих территориях.

В Оренбуржье создана разветвленная библиотечная система обслуживания многонационального населения области, что дает возможность удовлетворения литературой на национальных языках всех этнических групп населения.

Особое место в деле сохранения исторической памяти народа, занимают музеи, имеющие экспозиции, представляющие историю, культуру и быт народов Оренбуржья. В области функционируют пять этнографических музеев: Кичкасский и Подольский музеи немецкой культуры, Кирюшинский музей мордовской культуры, Мухамедьяровский музей культуры и быта татарского народа и Первомайский музей казачьей

культуры. В их экспозициях можно проследить преемственность исторического развития, элементы культуры и быта, узнать о самобытных традициях и обычаях народов Оренбуржья.

Важнейшим институтом сохранения и развития этнических культур и межнационального согласия является этнокультурное образование. В области функционирует 174 образовательных учреждения с этнокультурным компонентом, в которых обучается 7824 учащихся. Из них в 118 общеобразовательных школах (в т.ч. 47 основных, 47 средних и 24 начальных школах) с общим контингентом 6273 учащихся родной язык изучается как предмет. Реализация этнокультурного образования требует соответствующего кадрового обеспечения. Подготовка учителей родного языка ведется в Оренбургском педуниверситете и педколледже № 3, а также педколледже г. Орска.

Важным фактором сохранения стабильности в обществе, установления межкультурного сотрудничества жителей региона являются СМИ на родных языках. Администрация Оренбургской области является соучредителем ряда национальных газет: «Яна вакыт» (татарская), «Айкап» (казахская), «Оренбургерцайтунг» (немецкая), «Караван-Сарай» (башкирская). Ежеквартально издаются информационный бюллетень «Этнокультурная мозаика Оренбуржья» и научно-публицистический журнал «Этнопанорама».

В области регулярно проводятся научные конференции, на которых рассматриваются различные вопросы этнической истории и культуры, национальной политики. В рамках функционирующего с 1996 года проекта «Многонациональный мир Оренбуржья» выпущено 20 сборников материалов научно-практических конференций, посвященных истории, культуре и современному положению различных этнографических групп населения области.

В Оренбуржье постоянно осуществляется этнологический мониторинг. Проводятся социологические исследования по состоянию этноконфессиональных отношений. Экспертами отслеживается этнополитическая ситуация в регионе, выявляются как конфликтогенные факторы, так и позитивные практики в деятельности органов власти и общественных институтов по сохранению стабильности в оренбургском социуме. Результаты исследований доводятся до руководства области, а также до руководителей муниципальных образований для принятия необходимых политических решений. Исследования, проводимые в последние годы, свидетельствуют о том, что ситуация в сфере межэтнических и этноконфессиональных отношений в регионе остается стабильной.

В Оренбуржье зарегистрированы и действуют 378 религиозных организаций, представляющих 21 конфессию. Самой крупной конфессией является Оренбургская епархия Русской Православной Церкви, в которую входят 166 местных религиозных организаций, в том числе 3 монастыря и одно духовное училище. Ислам представлен 133 мусульманскими религиозными организациями, входящими в три муфтията. Римско-

католическая церковь представлена – 6, протестантские конфессии (баптисты, адвентисты, пятидесятники, лютеране, меннониты, мормоны) – 53, свидетели Иеговы – 7, харизматические – 8 религиозными организациями. Другие конфессии представлены 1-3 местными религиозными организациями: древнеправославные христиане, армянская апостольская церковь, Русская Православная автономная церковь, иудеи и другие.

Координирует работу по реализации национальной политики в Оренбургской области управление по связям с общественными, национальными и религиозными организациями Министерства информационной политики области. Управление тесно сотрудничает с национально-культурными объединениями и организациями, так, в ходе одной из встреч с руководителями национальных объединений в октябре 2004 г. родилась идея создания в г. Оренбурге культурного комплекса «Национальная деревня».

Основной целью создания «Национальной деревни» изначально было определено осуществление дальнейшей гармонизации всего комплекса межэтнических отношений, развитие принципов толерантности и уважения к самобытным национальным культурам всех этнических групп, населяющих область, а также создание системы профилактики экстремизма и ксенофобии.

«Национальная деревня» задумывалась как единый культурный комплекс, в котором отображалось бы все многообразие, богатство и особый колорит культуры и традиций многонационального Оренбуржья. Это своеобразный музей под открытым небом, ставший символом дружбы, основанной на уважении к соседям, независимо от их национальности и конфессиональной принадлежности¹.

Исходя из доли каждой из этнических групп в общей численности населения области, было определено десять национально-культурных объединений, участвующих в строительстве комплекса: русское, татарское, казахское, украинское, башкирское, мордовское, немецкое, чувашское, армянское и белорусское.

В результате проведения совещаний с руководителями национально-культурных центров были выработаны общие подходы к осуществлению проекта строительства культурного комплекса. Было принято решение о создании десяти ООО (обществ с ограниченной ответственностью) «Национальное подворье», в состав которых на долевой основе вошли национальные общества и инвесторы строительства. Каждому из обществ был выделен участок земли – 20 соток.

С лета 2005 года началось строительство на выделенных территориях большинства национальных подворий. В июле и августе 2007 г. состоялись торжественные открытия первых трех подворий – украинского, башкирского и казахского.

---

¹ Амелин В.В. Российский народ – это гражданская нация // Этнопанорама №3-4, 2008. С.1.

Сегодня «Национальная деревня» состоялась как уникальный культурный объект, достроены все запланированные подворья. Здесь проходят массовые этнокультурные мероприятия как областного, так и всероссийского уровня. «Национальная деревня» стала основной площадкой празднования Дня России, Дня города, Дня народного Единства. В каждом подворье размещается этнографический музей, библиотека литературы на родном языке, кафе национальных блюд. На территориях подворий располагаются экспозиции и предметы этнографии, отражающие быт и культуру этнических общностей. Открытие культурного комплекса «Национальная деревня» способствует гармонизации межнациональных отношений в регионе.

Таким образом, поиск консенсуса при определении общих интересов делает особенно важным изучение взаимодействия представителей различных этнических общностей в ситуации их наиболее тесного соприкосновения – в городах, областях, республиках. Если тесные межкультурные контакты не приводят к возникновению нового культурного целого, то регион постепенно рискует превратиться в скопище людей и источник конфликтов порождаемых сегрегацией, неприязнью, отсутствием взаимопонимания¹.

Представление о культурном разнообразии как социальном капитале предполагает не только теоретическое знакомство и изучение других культур, не только их автономное и параллельное существование, но и тесное взаимодействие. Это взаимодействие не должно застревать на стадии «культурного диалога» или поиска культурных «компромиссов», поскольку всякий диалог или компромисс ассиметричен и влечёт за собой не только позитивную, но и негативную ответную реакцию.

Целью межкультурного взаимодействия должна стать выработка и совместное продвижение общих ценностей. Проблема этнокультурного разнообразия как залога стабильности и процветания общества не может быть решена только этнокультурными средствами. Чтобы желаемое стало реальным, необходим рост социальной мобильности населения. Опыт управления культурным разнообразием, накопленный в советский период развития и основанный на идеях многонациональности, становится малоприменимым, а имеющихся средств (инструментов, ресурсов) недостаточно для разрешения накопившихся противоречий. На современном этапе политика региона должна быть направлена на выстраивание единой системы социализации молодого поколения с опорой на основные социальные институты - семьи, образования, религии, государства.

© Максимова О.Н., 2011.

---

¹ Столяров М.В. Этнополитика и национальные приоритеты России // Политический журнал. № 6-7 (183-184) 21 апреля 2008. С.71.

Маннапов М.М.

Документы Государственного Архива Астраханской области как ценные источники по изучению истории башкир*

В архивных фондах АОГУ «Государственный Архив Астраханской области» отложилось большое количество документов, разнообразных по тематике и содержанию источников, которые охватывают самые различные аспекты социально-политического, экономического и культурного развития Астраханского края. Мы занимались сбором архивных материалов, отражающие историю межэтнических взаимоотношений заволжских башкир с казаками, калмыками, каракалпаками и уральскими казаками в XVII-XIX вв. в районе Волго-Уральского междуречья (бассейн рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижы, озер Баскунчак и Эльтон и др.). В этом отношении, для нас большой интерес представляют дела 18-ти фондов, а именно материалы Астраханской воеводской канцелярии, Астраханской приказной палаты (избы), Астраханской губернской канцелярии, Канцелярии Астраханского гражданского губернатора, Кавказского наместнического правления, Канцелярии Астраханского военного губернатора, Астраханского губернского правления, Астраханской татарской управы, Астраханского городского полицейского управления, Астраханского губернского жандармского управления, Астраханского губернского статистического комитета, Астраханской казенной палаты, Кавказской казенной палаты, Экспедиции астраханских соляных промыслов, Астраханского соляного правления, Астраханской губернской чертежной, Астраханской таможни, Комиссии, учрежденной в г.Астрахань о наделении кочующих народов землями и Временного Совета управления Внутренней Киргизской орды.

Фонд «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора» (Ф.1) состоит из 19 описей, в которых содержатся более 90 документов, имеющие отношение к теме нашего исследования: прошения казаков Уральского казачьего войска о выделении новых земель (в межузенском бассейне) в собственность; материалы о разрешении конфликтных ситуаций между соляными извозчиками и крестьянами дела об отправлении землемеров для осмотра спорных территорий между различными категориями населения края (башкирами, казаками, уральскими казаками, крестьянами, князьями Безбородовым и Юсуповым); донесения о незаконных перекочевках казахов; сведения о прогоне скота через скотопрогонные дороги; материалы об административных изменениях на территории Оренбургской, Астраханской и Саратовской губерний; о деятельности Комиссии, учрежденной для наделения землей кочующим народам на территории Астраханского края, в т.ч. в межузенском пространстве; о регулировании охоты и промысла в уездах указанных губерний; о размежевании земель между башкирами и

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Башкиры Степного Заволжья: история, этнография, антропология», № 10-01-84114 а/У.

казаками Уральского казачьего войска; различные материалы Оренбургского губернского комитета по улучшению быта населения; инструкции и сведения о башкирских, киргизских и татарских учебных заведениях; информация о соледобычи в Баскунчакском и Эльтонском соляных озерах и т.д.

В делах фонда «Канцелярия Астраханского военного губернатора» (Ф.2) можно ознакомиться с материалами о наделении землей башкирам 9-го башкирского кантона Оренбургской губернии на берегу рек Большой и Малый Узень, Большой и Малый Чижи; о разделении территории между казаками и уральскими казаками в межузенском пространстве; инструкции об определении границ Астраханской, Оренбургской и Саратовской губерний; переписка Министерства государственного имущества с различными учреждениями по поводу управления Букеевского ханства и обитающих на ее территории кочующих народов; сведения о числе мусульман на территории Астраханской губернии; переписка Оренбургского военного губернатора с Астраханским губернским правлением о высылке башкира, участника русско-турецкой военной кампании и вышедшего из турецкого плена и др.

В материалах фонда «Астраханское губернское правление» (Ф.13) сохранились сообщения Астраханской казенной палаты о предписании губернскому землемеру по вопросу доставления ведомостей о наличии спорных территорий в крае; сведения об устройстве почтовых отделений и станций на надзорной территории и близлежащих губерниях; инструкции и предписания Правительственного Сената о соблюдении сроков при межевании земель на спорных территориях; материалы о прекращении выделения земельных участков для заселения и кочевий на территории Астраханской губернии; предписания Сената о недочетах в судопроизводстве Пермской гражданской палаты по поводу спорной территории между баронессой Строгановой и башкирами; указы Сената о назначении в Оренбургскую межевую контору переводчиков татарского и башкирского языков, об определении башкир на проживание среди юртовских татар; дела о выделении земель для поселения кочующих народов; о выдаче билета на проезд на родину административно-ссылного башкира, отправленного на поселение в Тобольскую губернию и бежавшего из казахского плена.

Таким образом, краткий обзор только трех фондов «Канцелярия Астраханского гражданского губернатора», «Астраханское губернское правление» и «Канцелярия Астраханского военного губернатора» показал, что Государственный Архив Астраханской области содержит достаточное количество архивных источников о башкирах, отражающие историю их межэтнических взаимоотношений с казаками, калмыками, каракалпаками и уральскими казаками в XVII-XIX вв. в районе Волго-Уральского междуречья.

Строительные материалы и конструкции жилищ чувашей Башкирии (вторая половина XIX – начало XX века)

Для чувашей Башкортостана основным строительным материалом во второй половине XIX – начале XX вв. являлся лес. Для строительства жилищ использовалась древесина лиственных пород, то есть липа, дуб, береза, осина. Согласно традициям предпочтение отдавалось липе. Осина как строительный материал стала применяться довольно поздно, когда запас липы истощился¹. Возможно, нежелание использовать осину в качестве материала объясняется духовными представлениями чувашей. Подобная традиция отмечена и среди мордвы: “Кто построит сосновый дом, кто срубит сосновую избу, тот пусть скажет: у меня есть дом, тот пусть скажет: я с домом. Кто построит осиновый дом, кто срубит осиновую избу, тот пусть скажет: у меня нет дома, тот пусть скажет: я бездомный”².

Информаторы из с. Ивано-Кувалат сообщили, что при покупке земли оговаривалось, что лес, произрастающий здесь, оставался собственностью Оренбургского Лесного, Промышленного и Торгового общества и подлежал вырубке в течение последующих четырех лет³. “Для Ивано-Кувалатского товарищества в общее число запроданных 2275,00 дес. входит: а) под лесонасаждениями с господством хвойных пород, отнесенных по действующему плану к хозяйственной части “В” для рубки всех пород в первое пятилетие 1905–1909 годы (в настоящее время рубки уже пройдены), молодыми 168,64 дес., средне возрастными 8,05 дес., спелыми 169,89 дес. всего 346,58 дес. в) под лесонасаждением с господством лиственных пород тоже туда отнесенных (в настоящее время рубкой пройдены), молодыми 220, 86 дес., средне возрастными 107,10 дес., спелыми 659,49 дес., всего 987,45 дес. Итого для Ивано-Кувалатского товарищества 1334,03 дес.”⁴.

В настоящее время основным строительным материалом выступают хвойные породы (ель, пихта и сосна). Лиственные породы используются при возведении хозяйственных построек. Для них также используют дуб, идущий на нижние венцы. В современной строительной практике чувашей всё более распространенным является применение кирпича (красного и силикатного белого). Данное явление характерно для поселений чувашей, расположенных как в степной зоне, так и в зоне произрастания лесов. Подобное встречается и среди других этносов.

Использование кирпича в качестве строительного материала широко распространилось среди чувашей. Так, И.Д. Кузнецов пишет: “Изготовление кирпича в деревнях имело место во всех уездах (Чувашии – В.М.), особенно с началом ликвидации курных изб и развития каменного зодчества в городах”.

¹ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары, 2005. С. 215.

² Мокшин Н.Ф. Мордва: мокша и эрзя. Саранск, 2008. С. 94-95.

³ ПМА, 2009. (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

⁴ ГАОО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 142 об.

Также отмечается, что алатырские мастера-кирпичники нанимались артелями к местным подрядчикам, в Курмышский и Ядринский уезды. В Чебоксарском уезде в 1895 г. всего насчитывалось 28 кирпичных заведений¹. Отметим, что кирпичное производство среди чувашей распространилось как кустарный промысел, не получив централизованного развития.

Кирпич применялся не только для строительства нежилых построек, но и для возведения первых этажей в двухэтажных жилых домах. Подобный тип жилища не был характерен для чувашей, и, вероятно, его появление связано с иноэтничным окружением. Предположим, что данный тип жилища появился под влиянием русской архитектуры. В процессе полевых исследований было обнаружено такое строение в с. Бердяш Зилаирского района. Информаторы сообщили, что дом был построен в 1894 г. и принадлежал зажиточной семье. На первом этаже, сложенном из кирпича, располагался магазин и склад для товара. Подобный тип сооружения характерен для русских сёл, находящихся в округе – с. Зилаир (до 1930 г. – с. Преображенское) и с. Кананикольское².

Помимо дерева и кирпича, в качестве материала для домов применялся камень (*чул нүрт*), саман (*тăм нүрт*). “Дер. Базлык-Васильевка, дом Иванова Петра: высота – 202 см., построен из воздушного кирпича (глина+солома), сени из плетня, толщина равна 25 см.”³. Г.Б. Матвеев пишет, что указанные типы жилищ характерны для южной Башкирии и Оренбургской области. В качестве материала для возведения стен жилого дома в 1960–1980-х гг. они перестали использоваться, но оставались материалом для бытовых строений⁴.

Применение камня и сырцового кирпича (*вастуш*, *саман*) объясняется недостаточностью древесины. Нередко надворные постройки и стены оград возводились из камня-плитняка⁵. Выделим, что *саман* (от тюркского *saman* – измельченная солома) представляет собой глиняный кирпич с примесью мелко нарубленной соломы, высушенной на воздухе, и не подвергавшийся обжигу⁶. Полевые исследования зафиксировали большое число саманных строений, как жилых, так и хозяйственных. Так, в д. Пугачево сохранились жилища, построенные из данного материала⁷.

Применение самана было характерно для различных групп чувашей. Например, среди чувашей Симбирско-Саратовского Предволжья в конце XIX в. в связи с истощением лесов начали строиться избы-саманки, более всего строительство получило свое развитие в 1930-х гг. Этому поспособствовало раскулачивание, пожары и трудности колхозного строительства. В качестве

¹ Кузнецов И.Д. Крестьянство Чувашии в период капитализма. Чебоксары, 1963. С. 199-201.

² ПМА, 2008. (РБ, Зилаирский р-н, с. Бердяш).

³ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720. Л. 131.

⁴ Матвеев Г.Б. Указ. соч. С. 215.

⁵ Петров И.Г. Чуваши Башкортостана (Популярный очерк этнической истории и традиционной культуры). Уфа, 1994. С. 20.

⁶ Рыбалко А.А. Традиционная архитектура оренбургских казаков (вторая половина XIX – начало XX века): Дис... канд. ист. наук. Челябинск, 2007. С. 101.

⁷ ПМА, 2010. (РБ, Хайбуллинский р-н, д. Пугачево).

избы отделившемуся сыну могли предоставить саманную кладовую. Из-за холода и сырости подобные жилища широко не практиковались¹.

Применение самана получило развитие среди мордвы Заволжья. Здесь насчитывалось много жилых саманных домов. Распространение подобного жилья было обусловлено как природным фактором, так и влиянием выходцев из южной России. Практиковалось строительство глинобитных и глинолитых жилищ². У башкир саманные избы (*саман өй, кирбес өй, балсык өй*) также получили своё распространение. К XX в. район функционирования саманных жилищ сократился. Такие избы встречались у беднейшей части населения, не имевших возможности построить бревенчатый дом. Пободный тип жилища использовался среди кара-барын-табынцев, зауральских катайцев, усерган, юго-западных бурзян, кипчаков, минцев, канлинцев, ирехтинцев³.

В Приуралье добыча природного камня была традиционным занятием. Известно, что отдельные крестьяне имели свои карьеры, где заготавливали камень на продажу. Добытый камень тесали для получения плоских плит *чул хайма*, то есть *каменная доска*. В настоящее время обработка не производится, так как в качестве строительного материала для стен его не применяют. Между тем использование камня позволяет экономить цемент или обходиться без него⁴.

В роли строительного материала выступал плетень, использовавшийся для сооружения сеней, хозяйственных построек и заборов. Например, анкеты подворного обследования быта чувашского населения Башкирской АССР в 1929 г. зафиксировали следующее: “Пос. Петровка Бижбулякской волости Белебеевского кантона... постройки из плетня и бревен; пос. Николаевка Бижбулякской волости Белебеевского кантона ... дом построен из дуба, сени из плетня; д. Базлык-Васильевка... двор огорожен местами камнем, местами плетнями; с. Базлык, дом Романова Анисима Матвеевича... надворная постройка чиста и опрятна, огорожены плетнями и каменными заборами”⁵. “У каждого дома со стороны улицы вместо забора плетни: таким образом или здесь снята улица бедных чувашей или же они живут вдали от леса”⁶.

Заготовку строевого леса чуваша производили в зимний период. Для этого устраивались помочи – *ниме*. Архивные материалы о данной традиции свидетельствуют следующее: “Помочи разделяются на смешанные и женские и бывают нарочно установлены в праздник когда народ освобождается от своих работ... Мужские помочи бывают: сенокос, жатва озимых и яровых хлебов, уборка их... также в большинстве случаев перевозят дом, купленный на слом в другое село”⁷.

---

¹ Долгова А.П., Иванов Г.Н., Кондратьев М.Г., Матвеев Г.Б., Фокин П.П. Симбирско-Саратовские чуваша. Чебоксары, 2004. С. 205.

² Мордва Заволжья. Саранск, 1994. С. 47.

³ Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 186-187.

⁴ Матвеев Г.Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии чувашей. Чебоксары, 1997. С. 120.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720. Лл. 52, 131.

⁶ Там же. Отд. I. Ед. хр. 174. № 4997. Лл. 52-53.

⁷ Там же. Отд. I. Ед. хр. 158. № 4703. Л. 163.

Г.Б. Матвеев так описывает заготовку леса чувашами на исторической территории своего расселения: “Строевой лес рубили зимой, в частности, в Заволжье – в предвесенний период. Зимой ездят за Волгу в бор и покупают участки леса. Лес каждая семья заготавливала для себя самостоятельно, для вывоза по традиции созывали помощь. Раскряжевывали лес и доставляли в деревню конной тягой из 10–15 (в перевозках иногда, бывало, занято до 30–40) возов непосредственно на место с помощью *нине*. Если лес заготавливали в Заволжье, то свозили к притокам Волги, связывали в плоты и доставляли их в связке по “большой” весенней волжской воде сплавом до ближайшей приволжской деревни на правом берегу Волги. Со спадом воды в реке плоты оказывались на суше, откуда их доставляли на подводах”¹.

Помимо того, что бревна для сруба заготавливали, также происходила покупка готовых изб: “Дома чувашаи покупают большею частью сосновыми в соседних русских и башкирских деревнях, а потому избы у них (*чувашей д. Уралка Оренбургского уезда – В.М.*) устроены неодинаково”².

Бревна для строительства дома сушили, обтесав топором (*пуртӑ*), кору счищали стругами, складировали в невысокие штабеля, затем сортировали для сруба, для распиловки на доски, брус, пластины для переводов, оконных рам, косяков, балок, стоек для перегородки и др. Сосна (*хыр*) использовалась для возведения сруба, ель (*чӑрӑш*) и сосна – на половые доски и тес, осина – на сруб и тес, дуб (*юман*) – на окладной венец и на фундамент³. Тщательная обработка строительного леса характерна для различных этносов. Например, русские переселенцы Среднего Урала срубы для изб, клетей возводили в два приёма. Срубы рубили, оставляли для просушки на два-три года. После этого они считались готовыми к постановке на фундамент⁴. Древесина, которая применялась для строительства была следующей: “С. Базлык... построен из березовых, осиновых и дубовых бревен; с. Базлык, дом Яковлева Филиппа Ивановича... построен из осиновых бревен, каменный фундамент; пос. Николаевка... дом из бревен осины; д. Базлык-Васильевка... дом построен из березовых и дубовых бревен”⁵.

Преобладающим типом являлись жилища горизонтального развития, но под русским влиянием изредка встречались и двухэтажные строения. В плане вертикального развития выделим церкви, среди строений двухэтажные амбары, предназначенные для хозяйственных нужд и проживания в летнее время. Н.В. Никольский писал, что “встречаются у чуваш дома двухэтажные и очень редко трехэтажные”⁶.

У чувашей Приуралья были распространены несколько типов жилищ,

---

¹ Матвеев Г.Б. Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е годы // Художественная культура Чувашии: 20-е годы XX века. Чебоксары, 2005. С. 143.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. № 4696. Л. 8; Никольский Н.В. Краткий курс по этнографии чуваш. Чебоксары, 1928. Вып. 1. С. 37.

³ Матвеев Г.Б. Указ. соч. С. 143.

⁴ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 187-188.

⁵ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720. Лл. 52, 134 об.

⁶ Никольский Н.В. Собрание сочинений. Труды по этнографии и фольклору чувашского народа. Чебоксары, 2004. Т. I. С. 137.

но основным являлся однокамерный – изба+сени. Вариант изба+сени+клеть по мнению Г.Б. Матвеева характерен для Бижбулякского района Башкирии. Двухкамерное жилище изба+сени+изба бытовало в незначительной степени в лесной и частично лесостепной зоне. Отдельные части дома называли *хура нүрт* (черная изба) и *шурй нүрт* (белая изба). Использование частей дома соответствовало временам года: *хура нүрт* – зимняя половина, *шурй нүрт* – летняя (спальня и горница). В 1950–1980-е гг. строилась изба с прирубом, пятистенки, изредка дом-крестовик, появляются кирпичные дома¹.

Строительный материал тщательно сортировался и обрабатывался. Его обработка зависела от технологии возведения: срубная, каркасно-столбовая либо столбовая.

Столбовой метод заключался в том, что в промежутке между столбами закладывали бревна, полубревна, плахи, закрепляя их в вертикальных пазах. Каркасно-столбовая конструкция представляла собой деревянный каркас из столбов, в пазах которых закреплялись ряды из жердей, хвороста, плетня, с глиняно-соломенным и земляным наполнителем. Данный метод применялся при строительстве примитивных сеней, помещений для скота, мякинниц².

Срубная техника была основным способом возведения стен для всех типов построек. Выделим следующие строительные приемы: по мнению Е.Э. Бломквист рубка “в угол”: “в простой угол”, “в чашу”, “в чашку”, “в обло”, у украинцев “у зуб”, “у цівки” являлась наиболее древним способом рубки с остатком, то есть сцепления бревен с выпуском концов, когда в одном бревне на расстоянии 20 см. от конца вырубается полуцилиндрическое углубление, соответствующее соединенному с ним под прямым углом другому бревну. Одновременно с этой техникой применяется много других способов рубки с выпуском концов: “в замок”, “в крюк”, “в иглу”, “в охряпку”, “в охлуп” и пр. Каждый из приемов имеет свои преимущества. Так, рубка “в простой угол” является наиболее быстрой и дешевой; при рубке “в крюк” углы дольше не перегнивают. Распространена также рубка на самых концах бревен – рубка без остатка “в лапу”. Техника удобна для устройства небольших внутренних срубов, например, для опечка, для срубов крыльца, хлева, поскольку при ней не остается торчащих проемов, возле сруба имеется большее пространство³.

Для чувашей была характерна рубка сруба “в угол” (*кётес картини, савринккэ карт*), при рубке из небольших бревен использовали технику “в охряпку” (*йатй карчё*), углубления вырубали сверху и снизу. В 1970–1980-х гг. стали применять рубку “в лапу” (*нимёсле*), поскольку подобный прием удобен для последующей обшивки дома тесом⁴. Первоначально прием “в лапу” использовали при строительстве хозяйственных строений, мельниц,

¹ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

² Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей. Чебоксары, 1995. С. 36.

³ Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов (поселения, жилища и хозяйственные строения) // Восточнославянский этнографический сборник. Очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – начале XX в. М., 1956. С. 68-70

⁴ Матвеев Г.Б. Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья. С. 119-120.

полубревна собирали “в крюк”¹. “Стоит дом, купленный у русского... рядом изба, купленная у башкир, с рубленным из бревен коньком, с длинными (от угла $\frac{3}{4}$ аршина) концами бревен, без наличников и ставен на окнах”².

Подобные строительные приемы были распространены и среди других этносов Поволжья. Общепринятыми были техники “в простой угол” либо “в обло”, в этом случае выемка делалась в верхнем бревне, иногда в нижнем. Близкой к данному приему была рубка “в крюк”. Рубка “в лапу” встречалась редко. По одной стороне бревна немного отесывались, чтобы придать стенам внутри избы ровную поверхность³.

Смеем предположить, что по мере возведения сруба производилась нумерация бревен. Возможно, для этого делались зарубки топором, как это было принято у удмуртов⁴. Сейчас для этого применяют римские цифры⁵.

Число венцов в срубе было различным и зависело от диаметра бревен. Для нижних венцов использовали более крупные, тогда как более мелкие бревна старались уложить в верхние ряды. Об этом свидетельствуют ширина и высота жилого дома. Например, “д. Кистенли-Богданово... высота 202 см., толщина стены 18 см.; с. Базлык... высота 225 см., толщина 15 см.; д. Базлык-Васильевка... высота 183 см., толщина 15 см.; с. Базлык... высота 278 см., толщина 20 см.”⁶. По толщине стен избы приводятся и другие показатели – 14 см., 17 см., 19 см.

Для установки сруба на землю существовало два способа. Во-первых, под углы вкапывали чурбаки – *пукан, юпа, шашка*. Г.Б. Матвеев отмечает, что фундаментом (*никёс*) служили дубовые столбы⁷. Количество столбов было различным: 4, 6 либо 8⁸. Также применяли сосновые и еловые столбы. Во втором случае, срубы ставили на массивные камни, пространство между нижним венцом и землей заполняли плоскими камнями, что характерно для южных районов. С конца XX в. повсеместно устраивался бутово-цементный фундамент⁹. У чувашей Башкирии была распространена установка сруба без фундамента на землю, видимо в наиболее бедных крестьянских хозяйствах¹⁰. Н.В. Никольский отмечает, что в большинстве случаев чувашская изба имела фундамент. Пол зависел от высоты этого фундамента. Наибольшая высота наблюдалась в Козьмодемьянском, Чебоксарском и Белебеевском уездах¹¹.

Основными формами крыши у чувашей были двускатная, трехскатная, четырехскатная¹. Для лесной зоны Башкортостана (северо-западные районы)

¹ Матвеев Г.Б. Материальная культура чувашей. С. 36.

² НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 158. № 4696. Лл. 8-9.

³ Козлова К.И. Этнография народов Поволжья. М., 1964. С. 56-57.

⁴ Верещагин Г.Е. Вояки Сарапульского уезда Вятской губернии // Записки Императорского Русского географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1889. Т. 14. Вып. 3. С. 70.

⁵ ПМА, 2008–2011. (РБ, Аургазинский р-н, Бакалинский р-н, Гафурийский р-н, Зилаирский р-н, Хайбуллинский р-н)

⁶ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720. Лл. 52, 134 об.

⁷ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

⁸ Матвеев Г.Б. Эволюция чувашского народного зодчества в 1920-е годы. С. 145.

⁹ Матвеев Г.Б. Чувашское народное зодчество: от древности до современности. С. 215.

¹⁰ НА ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 212. № 1720.

¹¹ Никольский Н.В. Указ. соч. С. 137.

была характерна двускатная крыша, повсеместно распространенная среди чувашей. Для лесостепной части (юго-западные районы) – четырехскатная крыша (*уна кучё, шатрун*), трехскатная крыша (*уна кутлă*) также встречается в Башкирии. Так, в с. Ивано-Кувалат был исследован ряд жилищ, имеющих данную форму². Также используются кровли как бы переходного типа, когда двускатная крыша делается несколько короче сруба, с боковых сторон к ней подводят скаты, но короткие, не достигающие конька. Остается участок фронтона, заделывавшийся вертикально, как на двускатной крыше³.

Для чувашей были общеприменяемы следующие материалы для кровли – дрань (*чёренче*), луб (*хуп, курăс хуппи*), солома (*улăм*), железо (*калай*), тѣс (*чус*). Дрань и луб в Чувашии являлись преобладающими видами покрытия в XVII – первой половине XIX вв. в лесной зоне, ряде местностей лесостепной зоны до XX в. Дрань получали, раскалывая топором при помощи клиньев, бревна ели. Доски длиной в два и более метров и шириною в 10–15 см. при покрытии упирали нижними концами в бревна, укрепленные на крюках. Эти бревна с выдолбленным желобом служили водостоком. Лубом настиляли сверху вниз и закрепляли жердями, которые привязывали лыком к слегам крыши. Применялось двойное покрытие – застилали камышевыми снопами, затем лубом. Луб использовался в качестве основания под дранку (*турнас, турнас си витти*). Дранка делалась из осины, дуба, ветлы, ели, сосны. Для расщепления ствол распиливали на чурки длиной в 35–50 см. Под дранку подкладывалась береста, кора или тѣс⁴.

В роли кровельного материала также применялась солома. Основным способом было покрытие несвязанной соломой “внатруску”, снопами крыли реже. Применялось еще несколько способов: комлем вверх и комлем вниз, а также когда следующий ряд соломы закрывал колосья нижнего ряда. Известен был и способ “под щетку”, когда развязанные снопы рядами расстилали по крыше и каждый ряд привязывали к обрешетке с помощью лыка, мочала⁵. В Башкирии чувашаи тѣсовые кровли устраивали в два ряда. Первый ряд настился на слуги, второй ряд – на первый. Таким образом, закрывая щели между досками, делая крышу водонепроницаемой.

Стропильные крыши функционировали наряду с самцовыми, которые к настоящему времени практически вытеснены и встречаются лишь на старых хозяйственных постройках (амбары и клети). Самцовый тип крыши (*сыснала, шитме*) являлся архаичным. Самцы – это бревна, составлявшие треугольные фронтоны, которые были продолжением передней и задней стен сруба. На концы самцов укладывались продольные слуги *кашта*, образовавшие остов крыши. Слуги крепились в пазах деревянными гвоздями, верхняя слуга *тўне кашта* лежала на верхних самцах⁶. Количество слег могло быть различным¹.

---

¹ Димитриева Н.И., Никитин В.П. Мир чувашской культуры (Древняя история и духовное наследие этноса). Чебоксары, 2007. С. 139.

² ПМА, 2009. (РБ, Зилаирский р-н, с. Ивано-Кувалат).

³ Чуваши. Этнографическое исследование. Материальная культура. Чебоксары, 1956. Ч. 1. С. 179.

⁴ Матвеев Г.Б. Указ. соч. С. 45-46.

⁵ Там же. С. 46-47.

⁶ Там же. С. 44.

Таким образом, чувашаи Башкирии в качестве основного строительного материала использовали древесину (лиственных и хвойных пород). Помимо этого применялся саман, плитняковый камень и кирпич. Сруб устраивали как с фундаментом, так и без него. Преобладали двускатные и шатровые типы крыш. Возводились самцовые, стропильные конструкции. Преобладание того, либо иного материала зависело от природно-географических условий, так на юге саман был более распространён, чем на севере.

© Медведев В.В.

Морозов А.В.

**«А попробуй полазий без родственных связей»:
феномен протекционизма при трудоустройстве безработных
в период нэпа в Татарстане**

Царизм оставил в наследство большевикам порочные нравственные нормы и ценности, присущие большинству населения. Создатели нового социалистического государства получили в свои руки весьма несовершенный «человеческий материал», моральная ценность которого была очень сомнительна и противоречива, и с огромным трудом поддающийся переделке.

У части большевиков бытовала иллюзия, что достаточно будет им изменить имеющиеся социальные условия, общественный быт, как сама собой победоносно возвысится мораль и возникнет новый «советский человек», лишенный всех «родимых пятен» и пережитков прошлого. У идеологов марксизма совершенно не было сказано о том, что когда пролетариат придет к власти, по-прежнему будут существовать воровство и прогулы, пьянство и взятки, – подразумевалось, что общество станет сознательным.

Увы – этого не произошло. Люди остались прежними – с вековым менталитетом и повседневными практиками поведения: подлыми и ненасытными, алчными и корыстолюбивыми, готовыми обмануть и предать. Все эти низменные качества советских людей, особенно ярко и в гипертрофированной форме, проявились в период нэпа, хотя, безусловно, были характерными для всей тысячелетней отечественной истории.

В рамках данного текста мы остановимся на одном из наименее изученных аспектов проблемы трудоустройства безработных, а именно на так называемом «кумовстве» и протекционизме, так как в отечественной литературе эта сторона нэповской жизни нашла еще недостаточное отражение. Протекционизм при получении работы, разлагающе действовал

---

¹ ПМА, 2008–2011. (РБ, Аургазинский р-н, Бакалинский р-н, Гафурыйский р-н, Зилаирский р-н, Хайбуллинский р-н).

на действительно нуждающихся в работе, лишенных куска хлеба для обеспечения своих семей, дискредитировал всю социальную политику советской власти, подрывал доверие к правящей партии, так как позволял получить работу не наиболее квалифицированным и компетентным специалистам и работникам, а родственникам и знакомым, а зачастую и так называемым «бывшим людям» и прямым противникам нового строя, в обход всех существующих законов и вне зависимости от их профессиональных достоинств. Кроме того, эта, так сказать система трудоустройства, имела явно коррупционный характер, подпитывалась взятками и злоупотреблениями служебным положением.

Проблема трудоустройства усугублялась значительным количеством безработных. Абсолютная численность безработных, зарегистрированных биржами труда, в период нэпа возросла с 1,2 млн. чел. в начале 1924 г. до 1,7 млн. человек в начале 1929 г. Основным источником безработицы в эти годы служили: массовый отток рабочей силы из деревень в город; возвращение фабрично-заводских рабочих в связи с ростом производства, увеличением реальной заработной платы и улучшением условий жизни в городе; массовое высвобождение избыточных низкоквалифицированных работников.

В 1922 г. органы распределения рабочей силы, действовавшие в период военного коммунизма, были переименованы в биржи труда, получившие монопольное право осуществлять все операции по найму и распределять работу в порядке общей очереди между безработными по принципу наибольшей нуждаемости. Зарегистрированные безработные получали льготы по уплате налогов и коммунальных платежей, что усилило поток лжебезработных, имевших определенные доходы, а зачастую и занятия. «Чистки» 1922-1924 гг., позволили снять с учета бирж труда от 40% до 60% таких лжебезработных.

В 1924 г. льготы зарегистрированным безработным были отменены, и де-факто был разрешен вольный найм помимо бирж труда¹. За хозорганами было закреплено право самостоятельного найма рабочих необходимой квалификации с последующей регистрацией сделок в органах труда, а безработные получили право на индивидуальный поиск рабочего места. Однако добровольное трудовое посредничество «от ворот» еще больше развило кумовство и протекционизм².

Кроме того, неорганизованность регистрации безработных, предлагавших свой труд, и возможность бирж труда направлять безработных только на общественные работы и в коллективы безработных, привели к тому, что на бирже труда были сконцентрированы, главным образом, неквалифицированные рабочие и лица, прикрывавшие свое

---

¹ Де-юре это произошло чуть позже на основании Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О порядке найма рабочей силы» от 4 мая 1925 г. (Прим. А.М.)

² Авдоница Л.А. Архивные документы как источник по изучению технологии трудоустройства безработных граждан Томской биржей труда в 1920-е гг. // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: мат. II Всерос. науч.-практ. конф. (г. Томск, 27-28 окт. 2005 г.) / под ред. проф. О.А. Харусь. Томск, 2006. С. 301-302.

социальное положение регистрацией. Поэтому, перед НКТ был поставлен вопрос о пересмотре условий регистрации безработных. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 4 марта 1927 г. был вновь введен запрет на использование услуг частных посредников при подборе рабочей силы, а в соответствии с директивой НКТ СССР от 20 марта 1927 г. право регистрации на бирже труда получали строго определенные категории лиц, проживающие в районе деятельности биржи труда.

В сатире В. Маяковского «Протекция» (1926 г.) феномен протекционизма вскрыт во всей его неприглядности. Образы протекционеров – «нужных человечков», «друзей во ВЦИКе» и других «винтиков» всемогущего госаппарата были характерными и узнаваемыми для того времени. В стихотворении отмечалось: «а попробуй – полазий без родственных связей!» – «покроют дворники словом черненьким.... Подвернется нога, перервутся нервы». Сложно советскому человеку куда-либо устроиться, не имея протекции. Поэт рисует вопиющую оторванность аппарата от народа: «а разных главных неуловимо шоферы возят и возят мимо. Не ухватишь – скользкие, – не люди, а налимь. “Без доклада воспрещается”. Куда ни глянь». Поэт призывает: «Кто бы ни были сему виновниками – сошка маленькая или крупный кит, – разорвем сплетенную чиновниками паутину кумовства, протекций, волокит»¹.

Безусловно, данный феномен имел давние традиции и глубокие корни в российском обществе. Но в период нэпа он развился до небывалых размеров. В 1928 г. НКТ СССР обследовал ряд крупнейших бирж труда. Многочисленные факты кумовства при трудоустройстве безработных были выявлены на трех сибирских биржах труда (Красноярской, Новосибирской и Иркутской)². За протекционизм и кумовство при посылке на работу были привлечены к судебной ответственности сотрудники Николаевской, Харьковской, Иваново-Вознесенской и Ленинградской бирж труда³. Во время летней чистки 1929 г. проведенной Наркомтруда РСФСР из бирж труда за эти же нарушения было уволено еще 200 работников⁴.

Нарком труда СССР В. Шмидт подчеркивал, что протекционизм – явление, развивавшееся сверху – по записочкам членов горсоветов, профсоюзов, РКП (б), парторганов: «Пишут все кому не лень», «мы имеем колоссальный нажим на биржи труда со стороны прокуратуры, исправдомов, женотделов, собесов, других организаций, которые просят принять в первую очередь вдову, или социально-исправляющийся элемент, чтобы в дальнейшем он не погиб; в первую очередь, послать на работу сирот, одиноких женщин и т.д. Нельзя допустить и этого, иначе биржи труда превратятся в органы по исправлению всяких социальных бедствий. У нас много бедствий. Понятно, что желательно помогать всем обездоленным

¹ См.: Известия ЦИК. М., 1926. 6 июня.

² Савин О.И. Участие профессиональных союзов в борьбе с безработицей на территории Красноярского края накануне индустриализации // Известия Алтайского государственного университета. 2009. №4-2(64). С. 181-182.

³ По союзу республик. Обследование бирж труда // Красная Татария. 1928. 6 мая.

⁴ Чистка аппарата Наркомтруда РСФСР // Красная Татария. 1929. 27 июня.

и угнетенным, но мы на себя взять такую роль не в состоянии. Мы призываем бороться с напором, который идет на биржу, как по линии отдельного протекционизма, так и по линии использования авторитета; он во всех видах срывает нашу работу, и дальше терпеть его мы не хотим и не можем»¹.

В Татарской республике протекционизм, кроме того, приобрел и национальную специфику, связанную с коренизацией аппарата. Так, нарком труда республики Б.Н. Нургалеев отмечал: «Есть ряд фактов, когда эти мероприятия проводятся за счет нетрудовых, торгашеских элементов, которых навязывают предприятиям и учреждениям под видом коренизации». «Такое явление вызывает справедливое недовольство в рабочей массе»². Да и позднее эти недостатки не были изжиты. Один из корреспондентов писал о том, что «коренизация аппарата проводится скверно». Состав безработных биржу труда не интересует, посылаются на работу торговец Бушуев, дочь бывшего коннозаводчика Тенишева, зарегистрированы как безработные бывший фабрикант Эккерт, торговцы Дудкин и Галиханов³.

В одной из статей конца 1920-х гг. отмечалось: «Стоит иногда одному ответственному товарищу порекомендовать неизвестного организации работника, как ему поручается большая работа. А он потом тащит за собой целый хвост»⁴. Из всех разновидностей этого феномена наиболее опасным был протекционизм и кумовство среди работников биржи труда, имевших монопольные властные полномочия для трудоустройства.

Поэтому в республике в середине 1920-х гг. была создана специальная комиссия по борьбе с протекционизмом и наймом помимо биржи труда. Протекционизм на бирже труда шел рука об руку с взяточничеством и другими преступлениями. Так, работник казанской биржи труда зав. секцией народного питания Мингалеев под видом «коренизации» аппарата трудоустроил бывших заводчиков и спекулянтов Аитова и Изатуллина, домовладельца Азимова, нэпмана Чукина, бывшего торговца мануфактурой Курбангалеева. «Все они находят у Мингалеева поддержки и сочувствия больше, нежели тысячи настоящих безработных. И это происходит, несмотря на протесты отдельных честных работников биржи труда»⁵.

Мингалеев выпивал с теми, кого посылал на работу и принимал от них подарки «за оказанные услуги». Безобразия творились и в других секциях биржи труда. В секции чернорабочих, «где сотни безработных ежедневно требуют работы, издавна практикуется так, что на работу посылаются по особому выбору». «Ежедневно зав. секцией Усманов уносит домой все требования на рабочую силу и «домашним порядком» выбирает,

---

¹ Не срывают работу бирж труда (статья народного комиссара труда СССР т. В. Шмидта) // Красная Татария. 1928. 27 июля.

² Извращения при коренизации // Красная Татария. 1928. 8 мая.

³ Трудно разобраться // Красная Татария. 1929. 3 октября.

⁴ О протекционизме и «хвостах» // Красная Татария. 1928. 1 июня.

⁵ Еселев М. Сегодня без красок, только факты // Красная Татария. 1928. 26 мая.

кого послать». «У зав. секцией гарантийного страхования, кумовство и знакомство играют решающую роль». Левкин, зав. столом спроса, посылал на работу исключительно тех, кто его угощал выпивкой, а заву секцией железнодорожников ультимативно предложил устроить на работу свою жену, пригрозив: «Если не устроишь – буду скрывать поступающие к тебе требования...»¹. Зав. секцией строителей Веселов при отправке на работу отдавал предпочтение родственникам. Зав. секцией квалифицированной рабочей силы Ю.С. Айзенберг отказался принять на учет специалистов по пушному делу, при этом зарегистрировав бывших торговцев Боброва, Басина, Ефремова и Ахметзянова. «Некоторые работники биржи, – писал корреспондент, – как видно совершенно утратили свое классовое лицо и на глазах у всех творят преступления, другая часть сумела скрыть свои «дела», третья – это честные, преданные работники, может, и знают о безобразиях, творящихся на бирже, но бояться о них говорить: скажи – уволят»².

В период демонополизации найма рабочей силы кумовство еще более выросло. В корреспонденциях вскрывались сотни фактов «кумовства» и протекционизма, приема «своих людей» на работу в Коммунальный трест мелких предприятий, заводы им. М. Вахитова, «Красный Восток», «Красный Октябрь», КЦРК, фанерный завод №7 и др.³ По фамилии техника треста мелких предприятий Протопопова подобная политика трудоустройства была даже названа «протопоповщиной». «Кумовство распустило свои корни слишком глубоко». При этом многие «кумы», «сваты», «свояки» даже не были членами профсоюзов⁴. Один из очевидцев писал по поводу завода им. М. Вахитова, что «не мешало бы заводскому обследовать, как принимаются работники, посылаемые биржей труда»⁵. Такая ситуация имела место и во многих кантонах республики, например Тетюшском и Бугульминском⁶.

Снять занявших рабочие места по протекции, было практически невозможно. В качестве иллюстрации приведем следующий случай. 15 декабря 1927 г. в Управление лесами Наркомзема устроились по протекции две машинистки: одна – сестра жены зам. начальника этого управления Украинцева, а другая – жена начальника устройства лесов госфонда Новоросова. Прием на работу этих сотрудниц с биржей труда согласован не был и 8 февраля 1928 г. один из работников лесоправления сообщил об этом председателю союза сельхозрабочих и в биржу труда.

Но ни союз, ни биржа не поспешили с расследованием, и работник обратился в Наркомюст, который 5 марта поручил Наркомтруда разобраться

---

¹ Очевидец. Страшает милицией // Красная Татария. 1930. 16 февраля.

² Еселев М. Указ. соч.

³ Забыли о советских законах // Красная Татария. 1929. 1 июня; *Член союза*. Все видят, а мер не принимают // Там же. 1928. 7 июля; Дело КЦРК // Там же. 1928. 13 июля; Кумовство и протекционизм. *Свой*. Хитроумная пертурбация. *Лесной Е.* Как не устроить знакомого // Там же. 1928. 27 июля.

⁴ Н.С. Про «тетенькин хвостик». О протекционизме и кумовстве при приеме на работу // Красная Татария. 1928. 3 июля.

⁵ Стебунов Е. В обход закона // Красная Татария. 1928. 7 июля.

⁶ Безработный. Есть знакомые – на работу попадешь // Красная Татария. 1928. 7 июля.

с этим делом. Расследование подтвердило упомянутые факты, но прошло почти полгода, а решений так и не было принято. Автор заметки в местной газете писал: «Бюрократам с протекционерами бороться нельзя, товарищи!»¹. Еще точнее это выразил один из активных сторонников кумовства: «Будем браковать пока нашего не пришлют»².

Широкое распространение получили на бирже труда и «записочки» от разного уровня руководителей³. В 1920-е гг. был принят ряд постановлений об их запрещении, но их поток так и не был остановлен. Например, зав. бюро труда в Бугульме кандидат в члены ВКП(б) по записочке направил жену Предгорсовета Глазова в детсад, а свою жену на работу в яичный склад Госторга⁴. Зав. Бугульминским отделом Татторга Галимов устроил свою жену в своей же конторе. «Ни биржа труда, ни профорганизация не знают, как это случилось»⁵.

В ходе одной из проверок Казанской биржи труда было обнаружено 26 записок – 25 от союза работников народного питания и одна от казанского судьи 7-го участка Г.Х. Байбекова, написанная на фирменном бланке суда, следующего содержания: «Тов. Мингалеев, предъявитель сего – мой брат, нельзя ли его, если возможно, назначить на паролод официантом»⁶.

Вот еще одна анекдотическая история. «В Биржу труда. Дирекция театра просит командировать на временную работу в помощь технику-строителю т. Петрову десятника по его выбору. Врид директора театра (подпись)». Петров приводит на биржу труда бывшего крупного махорочного фабриканта Эккерта. Аргумент Петрова таков: «мне даже, знаете ли, не десятник нужен, а честный человек». Когда биржей Петрову был предложен коммунист, он отказался: «Да знаем мы, будет он такой же честный, как все коммунисты»⁷.

Только в одну организацию – Казанский центральный рабочий кооператив по различным записочкам с ноября 1927 по июнь 1928 гг. было принято 25 родственников и друзей. «Рабочие протестуют против разыгравшейся вакханалии, с приемом “родных человечков”, рабочая масса возмущается бесцеремонным обходом биржи труда»⁸. Приводился случай с домовладельцем Пахомовым, имевшим собственный двухэтажный дом и посланного биржей труда на работу в Татаро-Башкирскую школу. «Не по протекции ли сынка, служащего на бирже, Пахомов получает работу?»⁹.

---

¹ Сэм. Своя своих не познама // Красная Татария. 1928. 10 апреля.

² В.М. Корни протекционизма // Красная Татария. 1928. 18 мая; Бюрократические заминки // Там же. 1928. 25 мая.

³ Разновидность подобных записок – именные требования на посылку конкретного человека. – Прим. А.М.

⁴ Шило. Чернышев протектирует // Красная Татария. 1929. 17 сентября.

⁵ Шило. Как это случилось?.. // Красная Татария. 1929. 17 сентября.

⁶ «Записочкам» надо положить конец // Красная Татария. 1928. 30 мая.

⁷ А.К. Петров выбирает честного человека // Красная Татария. 1929. 21 сентября.

⁸ Распустилось пышным цветом кумовство. Рассадник протекционизма – КЦРК // Красная Татария. 1928. 20 июня.

⁹ П-в. Обо всем понемногу (Из писем рабочих) // Красная Татария. 1928. 23 июня.

Весной 1928 г. уполномоченный ВЦСПС Карташев обследовал деятельность Казанской биржи труда. Он выявил, что «руководства профсоюзами работой биржи труда нет. Комитет биржи труда не работает. Наем рабочей силы помимо биржи труда настолько значителен, что биржа теряет свое значение». В 1928 г. завод «Красный Восток» принял через биржу труда одного человека из 26 трудоустроенных, а завод им. Вахитова принял через биржу 49 человек, а помимо – 71. За 1927 г. из 21 тыс. принятых на работу биржей было послано 21% не членов профсоюзов, при наличии их на бирже 75% и помимо биржи не членов было принято 27%. Следовательно, члены профсоюзов при посылке на работу не имели никаких преимуществ¹.

На III пленуме ОКК-РКИ республики нарком Галеев вновь отметил многочисленные факты посылки на работу «по записочкам», регистрацию на бирже труда 229 человек, не имевших на это права². Записки адресовались теми или иными ответственными работниками республики и Казани руководству биржи труда и страховой кассы. «Многоуважаемому тов. Резванову» (заведующему операционным отделом), «дорогому товарищу Щербакову» (председателю страховой кассы)³ и др.

Вот несколько примеров таких записок. «Служебная записка. Казанский городской совет рабочих и красноармейских депутатов. Тов. Резванов! Избавь от особой волокиты и формальности сию подательницу. Вообще окажи содействие в ее просьбе». Резолюция Резванова «Выдать вне очереди». «Тов. Суханов вместе со мной работал в течение 3 лет. Заверяя это, прошу оказать содействие – устроить ему пособие, как безработному или инвалиду». Проситель получил пособие по безработице. Или еще: «Будь любезен, устрой пособие. Я подателю сего дал обещание».

В столах руководителей было обнаружено более 200 записок такого содержания. Вот и создавалось впечатление от подобных фактов, что «простому смертному пробиться к столу выдачи пособий в страховой кассе необычайно трудно», лучше сразу найти содействия у мужчины «маленького роста, огромного чина». Комиссия приняла решение впредь все записочки передавать в РКИ, а работников способствующих развитию протекционизма наказать⁴.

Однако и летом 1929 г. ситуация мало изменилась. «Налетчики» сообщали о многочисленных фактах нарушений в деятельности биржи труда и Крайкомсоцстраха. Так, некто Хомяков отмечал, что он видел на бирже труда как в комнаты заведующих секциями проходят «люди с портфелями» и знакомые завовав без очереди, нарушая порядок приема и раздражая безработных. Не изменилось по сравнению с весной и положение в Крайкомсоцстрахе. Заведующая операционным отделом Замалетдинова,

¹ Представитель ВЦСПС обследовал состояние Комитета Биржи труда // Красная Татария. 1928. 16 мая.

² III Пленум ОКК-РКИ. Доклад тов. Галеева о работе ОКК-РКИ // Красная Татария. 1928. 22 мая.

³ М.З. Щербаков – председатель Комитета облстрахкасс в 1927-1929 гг. Снят с должности за злоупотребления служебным положением в 1929 г. (См.: Мювич С.П. Щербаков опровергает ... // Красная Татария. 1929. 7 февраля).

⁴ Д-ви Э. Дружеские записки // Красная Татария. 1928. 10 ноября.

давала записки своим знакомым, чтобы их без очереди пропускали в кабинеты чиновников. Налетчики делали вывод, что «комиссия по чистке аппарата биржи труда и Крайкомсоцстраха, видимо должна была обратить особое внимание на состав сотрудников и умение их иметь дело не только с бумагами, но и с людьми»¹.

В магазине «Санитария и гигиена», организованном Управлением коллективами безработных при бирже труда пристроился бывший торговец Аброй. Корреспондент восклицает: «Неужели для таких лиц создаются коллективы безработных»². В коллективе безработных портных была трудоустроена жена крупного торговца Бахтеева, «для того чтобы не платить налог за квартиру 100 руб.». Туда же были устроены «одна подруга, работающей в райкоме», жена владельца магазина готового платья Перимова, дочери торговцев, жены бандитов³.

На глазах у многих ответственных лиц прошла, например, история с женами торговцев-домовладельцев Братухиной и Парамоновой, которые фиктивно «развелись» с мужьями, а потом устроились работать на пошивочной фабрике «Им. Коминтерна» под вымышленными фамилиями Лазаревой и Козихиной⁴. Поэтому довольно издевательски выглядит следующее заявление в местной газете о том, что «тройка РКИ при бирже труда поставила свою работу так, что редкий случай протекционизма, кумовства и другие недостатки проходят мимо нее» и что «благодаря ее деятельности не один работник получил заслуженную кару, а безработные работу»⁵.

Какие меры принимались к лицам, создавшим «паутину» кумовства и протекционизма? В мае 1928 г. по решению коллегии Татнаркомтруда были сняты с работы зам. зав. биржей труда Мингалеев, зав. секцией нарпита Мингалеев, зав. секцией гарантийного страхования Малов, секретарь комитета биржи труда Бектимиров, регистраторша секции чернорабочих Утямышева, регистраторша секции квалифицированных рабочих Алексева. Левкин был не только снят с работы, но и привлечен к судебной ответственности. Айзенбергу и Усманову были объявлены выговоры⁶.

Весной 1929 г. во время вторичной чистки из 25 работников комитета биржи труда было снято «без права занятия административно-хозяйственных должностей в течение года, за бюрократическое отношение к требованиям рабочих, невнимательное отношение к посетителям» четыре сотрудника: «сын заводчика, дочь полковника и еще два работника, своим поведением вызывающих возмущение безработных», в том числе и зам. председателя биржи труда Усманов⁷.

¹ Что сделано по реорганизации аппарата? // Красная Татария. 1929. 1 сентября.

² Обо всем понемногу (из писем рабочих) // Красная Татария. 1928. 3 июля.

³ Любовь С. Коллектив из жен торговцев // Красная Татария. 1928. 7 июля.

⁴ «Бывшие люди» на советской пенсии // Красная Татария. 1928. 19 июня.

⁵ Г.Ф. Вот так надо работать // Красная Татария. 1929. 10 октября.

⁶ «Носителей зла» снять с работы // Красная Татария. 1928. 30 мая.

⁷ НАРТ Ф. Р-1015, Оп. 1. Д. 21. Л. 13; Постановление выездного заседания бюро жалоб РКИ // Красная Татария. 1929. 27 апреля.

Однако, реально аппарат биржи труда, до момента их ликвидации в 1930 г., был весьма далек от защиты интересов безработных масс¹. «Зав. биржей Егоров не принимает особых стараний к тому, чтобы аппарат работал более четко», «принимает на учет и посылает на работу по записочкам. Таким образом, попала на биржу машинистка Мичурина, ряд домовладельцев», деятельность биржи носит бесплановый характер, никакой борьбы с приемом на работу помимо биржи труда не ведется². Так за третий квартал 1929 г. в Наркомзем принято 97%, в швейную фабрику им. III Интернационала – 40%, в тубдиспансер – 100% работников помимо биржи труда. В результате по СССР во время «чистки» 1929 г. с бирж труда было снято 25,3% безработных³.

В итоге Казанская биржа труда была «засорена социально-чуждым и даже классово-враждебным элементом». Регистрация на бирже труда являлась для них отличным средством социальной маскировки, чтобы скрыть свое подлинное классовое лицо. Таким образом, при наличии почти 17 тыс. зарегистрированных безработных, предприятия не получали рабочих. Осенью 1929 г. не явились по вызовам биржи труда для посылки на работу 450 чел., 253 повестки не было доставлено из-за сообщения безработными ложных адресов, добровольно снялись с учета 200 чел., и 38 было снято с учета за отказ от работы⁴.

Среди действительных безработных зрело серьезное недовольство политикой советской власти, что нашло отражение и в ряде писем к руководству республиканских профсоюзов. В частности одно из писем было напечатано в апреле 1928 г. от имени члена союза химиков, безработного с 1924 г. И.Т. Кулешова⁵. Цитируем: советский рабочий «задавлен и загнан в подполье», честных рабочих увольняют с предприятий, выбрасывают на улицу под видом сокращений. «И вот в этом контрреволюционном заговоре ... виновато всецело правительство СССР и компартия».

Кулешов обвинял советскую власть в содействии засорению хозяйственного и советского аппарата «бывшими людьми», в создании нового правящего класса оторванного от рабочих и крестьян, в чудовищной дифференциации общества по доходам. В письме, по сути, говорилось о полном банкротстве советской социальной политики и необходимости ее изменения путем развития «сильной материальной обеспеченности рабочих».

© Морозов А.В., 2011.

---

¹ Берзин Г. Чистка аппарата проходит без широкого участия трудящихся // Красная Татария. 1929. 11 октября.

² Без руля и без ветрил // Красная Татария. 1929. 3 октября.

³ Проверка состава безработных // Красная Татария. 1929. 7 июля; Итоги проверки безработных. Кто подлежит снятию с учета биржи труда // Там же. 1929. 25 июля.

⁴ Иванов С. Очистим биржу труда от лжебезработных // Красная Татария. 1929. 7 сентября.

⁵ Товарищ Кулешов на неправильном пути. Письмо безработного химика тов. Кулешова и ответ председателя ТСПС – тов. Боярского // Красная Татария. 1928. 24 апреля.

Мухаметзянова-Дуггал Р.М.

Секуляризм в России и Индии: теоретический и практический аспекты

Конституция Российской Федерации 1993 г. в статье 14 определяет Российскую Федерацию как светское государство. Конкретизируя это понятие, российская Конституция уточняет, что в России никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом¹. Следовательно, светское государство должно быть конфессионально нейтральным, принципиально не приемлющим никакую из религий или мировоззренческих систем в качестве официальной идеологии, обеспечивающим своим гражданам возможность самим делать мировоззренческий выбор.

Основополагающая норма российского светского государства – это отделение религиозных объединений от государства. Отделение религиозных объединений от государства означает, что государство: не вмешивается в определение гражданином своего отношения к религии и религиозной принадлежности, в воспитание детей родителями или лицами, их заменяющими, в соответствии со своими убеждениями и с учетом права ребенка на свободу совести и свободу вероисповедания; не возлагает на религиозные объединения выполнение функций органов государственной власти, других государственных органов, государственных учреждений и органов местного самоуправления; не вмешивается в деятельность религиозных объединений, если она не противоречит Закону «О свободе совести и о религиозных объединениях»; обеспечивает светский характер образования в государственных и муниципальных образовательных учреждениях.

В то же время отделение религиозных объединений от государства не влечет за собой ограничения прав членов указанных объединений участвовать наравне с другими гражданами в управлении делами государства, выборах в государственные органы власти и местного самоуправления, в деятельности политических партий, политических движений и других общественных объединений. При этом принцип светскости государства не должен пониматься как радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни общества, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции церкви и государства, а также то, что церковь не должна брать на себя функции, принадлежащие государству.

---

¹ Конституция Российской Федерации. М.: Известия, 1993. С.12.

В России в ходе исторического развития сменилось несколько концепций и моделей политики в отношении религии. Так, к началу XX в. в России сложились две концепции государственной религиозной политики:

1) «концепция «христианского государства», что применительно к России означало сохранение и развитие «союзнических» отношений с православной церковью, обеспечение ее господствующего и первенствующего положения, использование религиозно-церковного аппарата в системе правящего режима; 2) концепция светского государства. В XX столетии в рамках двух этих концепций последовательно сменились три модели государственной религиозной политики, соответствовавшие формам правления (монархии, буржуазной и советской республикам). Выделяются основные элементы данных моделей: традиционной, самодержавной – опора на православную церковь; буржуазной – проведение реформ, обеспечивших религиозную свободу; советской – преимущественное обеспечение прав атеизма, как идеологии и сужение сферы действия и влияния религии и религиозных организаций в обществе¹.

В постсоветский период во взаимоотношениях российского государства и религиозных организаций выделяются три этапа. Первый этап охватывает 1986-1990 гг. В этот период начался рост количества зарегистрированных религиозных организаций. В структуре государственного аппарата был создан Совет по делам религий при Совете Министров РСФСР, который стал проводить самостоятельную политику в сфере свободы совести на территории России. Второй этап – октябрь 1990 - декабрь 1993 гг. Основным содержанием этого периода стал распад унитарного государства, коренные изменения политического строя и соответственно советской модели государственно-религиозных отношений, а также реализация Закона РСФСР «О свободе вероисповедания» в практической деятельности федеральных и региональных органов власти. Третий этап в развитии государственной политики в сфере свободы совести (с декабря 1993 г.) связан с политическими событиями, развивавшимися в стране осенью 1993 г. и принятием в декабре 1993 г. Конституции Российской Федерации².

Продолжая данную периодизацию, предложенную М.И. Одинцовым, на наш взгляд, можно выделить четвертый этап, который начался в 1997 г. и продолжается в настоящее время. С принятием в сентябре 1997 г. нового федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» координально изменилась правовая база в области свободы совести, обозначилась тенденция конфессиональных предпочтений со стороны государства. Так, в преамбуле закона делается ссылка на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и

---

¹ Овсиенко Ф.Г., Трофимчук Н.А. Государственно-церковные отношения в политической истории России // Государственно-церковные отношения в России. М., 1995. С. 53.

² Одинцов М.И. Вероисповедная политика РФ: конституционно-правовые основы, содержание и приоритеты (1985 – 1995 гг.) // Государственно-церковные отношения в России. М., 1995. Ч. 1. С. 64-65.

других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России»¹.

С принятием указанного закона государство законодательно закрепило приоритетное сотрудничество с «традиционными» для России религиозными объединениями, – православными, мусульманскими, иудаистскими и буддистскими и стало проводить протекционистскую политику по отношению к ним. На основе этого закона стало складываться тесное сотрудничество государства с религиозными объединениями во многих сферах своей деятельности: в социальной, культурной, образовательной и других областях. Стали заключаться договоры и соглашения между государственными ведомствами и религиозными объединениями (например, Совместное заявление о сотрудничестве Вооруженных Сил РФ и Русской православной церкви от 2 марта 1994 г., Договор «О сотрудничестве Министерства образования Российской Федерации и Московской Патриархии Русской православной церкви» от 2 августа 1999 г. и др.).

Таким образом, в начале 1990-х гг. политика российского государства в сфере свободы совести формально приближалась к сепарационной (отделительной) модели светского государства: были установлены плюралистические отношения между государством и религиозными организациями. Государство не отдавало предпочтение какой-либо религии и строило свои отношения с конфессиями на равных основаниях. В середине 1990-х гг. в России наметился процесс перехода от сепарационной модели государственной политики в сфере свободы совести к кооперационной. Суть последней модели состоит в том, что светское государство, гарантируя свободу совести, сотрудничает с религиозными объединениями в социально-экономической сфере, сохраняя при этом баланс между индифферентностью и идентификацией.

Можно согласиться с мнением, согласно которому в настоящее время модель государственной политики в сфере свободы совести, юридически закреплённая в принятом в 1997 году Федеральном Законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», представляет собой синтез: 1) рудиментов четырехуровневой градации вероисповеданий, существовавшей в Российской империи: с Русской православной церковью (Московский патриархат) на конфессиональной вершине и далее вниз по степени убывания «традиционности»; 2) элементов советской модели государственного регулирования духовной жизни населения страны; 3) элементов кооперационной модели, для которой характерно взаимодействие государства, сохраняющего свой светский характер, с наиболее влиятельными религиозными организациями по ряду важнейших вопросов в

---

¹ Федеральный Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 39, ст. 4465.

жизни общества (национальная безопасность, культура, образование, благотворительность, пенитенциарная система и др.)¹.

Элементы кооперационной модели содержит в себе политика в сфере свободы совести Президента РФ Д. Медведева (также как и его предшественника В. Путина), которая фактически сводится к одной формуле – поддержка традиционных для России религий и конфессий. Государство опирается на авторитет лояльных ему религиозных организаций, которые считаются традиционными, и оказывает им материальную помощь.

На наш взгляд, недостаточная научная разработанность принципов осуществления светской модели государственной политики в области свободы совести в современной России, необходимость формирования правового механизма реализации такой политики; требуют детального изучения и анализа зарубежного опыта. Разумеется, в этом процессе не стоит абсолютизировать ни общие, ни отдельные черты, поскольку каждому современному государству присущи обусловленные историко-культурной традицией специфические черты в функционировании института секуляризма.

Интересен в этом плане опыт Индии. Выбор этой страны не случаен. Индия представляет значительный интерес для нас, поскольку она достаточно близка для России в духовно-нравственном плане, а также по некоторым параметрам политического и социально-экономического развития. Индия интересна тем, что, как и Россия, она является полиэтнической и многоконфессиональной страной.

Согласно индийской Конституции 1950 г. и 42-ой поправки к ней, принятой в 1976 г. Индия – светское государство. Преамбула основного закона страны гласит «Индия – суверенное социалистическое светское демократическое государство»². Конституция устанавливает равноправие граждан перед законом, запрещает дискриминацию по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности, пола и местности рождения (ст. 14–15, часть III).

Свобода совести и свобода исповедания религии, отправления религиозных обрядов и религиозной пропаганды закреплена в статье 25 Конституции, которая гласит: «С соблюдением требований публичного порядка, морали и народного здоровья, а также других положений настоящей Части все лица имеют равное право на свободу совести и право свободно исповедовать религию, отправлять религиозные обряды и вести религиозную пропаганду». Т.е. все ритуалы, церемонии, обряды и различные формы богослужений, которые рассматриваются как неотъемлемая часть религии, разрешены и предоставляется возможность их беспрепятственного отправления, если они не нарушают предписанные ограничения.

---

¹ Зверева В.А. Российское государство и религиозные конфессии: трансформация моделей взаимодействия: (федеральный и региональный уровни): Автореферат дис. ... канд. полит. наук. Воронеж, 2006. С. 7.

² Конституция Индии // Конституции зарубежных государств. М.: Волтерс Клувер, 2007.

Но свобода совести и вероисповеданий ни в коем случае не ослабляет регулирующей функции государства, данной ему положениями Конституции. Религиозная свобода гармонично связана с другими основными правами. Конституция предусматривает: «Ничто в настоящей статье не затрагивает действия какого-либо существующего закона и не препятствует Государству в издании какого-либо закона:

а) регулирующего или запрещающего какую-либо экономическую, финансовую или политическую, а также иную светскую деятельность, которая может находиться в связи с отпращиванием религиозных обрядов;

б) имеющего в виду общественное благосостояние и реформы, а также открытие доступа в индусские религиозные учреждения, носящие публичный характер, всем классам и слоям индусов. При этом ношение кирпанов (kirpan - меч, ношение которого предписывается религией сикхов. - прим. сост.) считается входящим в отправление сикхской религии, а название "индусы" должно толковаться как включающее и лиц, исповедующих сикхскую, джайнистскую и буддийскую религию; ссылка на индусские религиозные учреждения должна толковаться соответственно»¹.

Отметим, что 42-ая поправка к Конституции Индии была проведена через парламент правительством Индиры Ганди в условиях чрезвычайного положения. В соответствии с этой поправкой в Преамбулу основного закона к определению Индии как «суверенной демократической республики» были добавлены слова «светская» и «социалистическая», однако толкований этих терминов поправка не содержала. Кроме того, слово «секулярное» было поставлено перед словами «демократическая республика». Возможно это было сделано, что бы подчеркнуть светский характер индийской республики, которая зародилась в обстановке общинной напряженности.

В Конституцию была внесена также новая часть под названием «Основные обязанности граждан». Некоторые специалисты по конституционному праву полагают, что статьи данного раздела содержат характеристику светского характера индийского государства. Уместно упомянуть следующие из них. «2. Дорожить благородными идеалами, вдохновленными нашей национально-освободительной борьбой, и следовать этим идеалам». «5. Содействовать гармонии и духу общего братства среди всех индийцев независимо от религиозных, языковых, региональных и местных различий, отвергать практику, унижающую достоинство женщин». «6. Ценить и сохранять богатое наследие нашей сложной культуры». И наконец, «8. Развивать научный подход, проявлять гуманизм, дух исканий и реформ»².

В Индии понятие «секуляризм» не нашло ни четкого определения, ни законодательного закрепления. Чаще всего оно толкуется как равное покровительственное отношение государства ко всем религиям и общинам. Выступая на международном семинаре по исламу в Дели, премьер-министр

---

¹ Конституция Индии // Конституции зарубежных государств. М.: Волтерс Клувер, 2007.

² Клюев Б.И. Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН. 2002. С. 151-153.

Индира Ганди говорила: «Мы не дискриминируем представителей какой-либо религии. Все веры заслуживают равной защиты и равного уважения. Мы назвали это «секуляризмом», который дает право каждому индийцу исповедовать свою веру и глубже изучать ее. Но это также требует, чтобы он признавал такое же право за последователями других религий». В документе, подготовленном в качестве руководства по политическому воспитанию членов Конгресса, секуляризм рассматривается как «один из важных компонентов идеологии Конгресса и важная черта индийской демократии». «Секуляризм, – говорится в документе, – означает не безбожие, не равнодушие к религии, а равное уважение ко всем религиям; не просто терпимость, но позитивное отношение». Именно так секуляризм воспринимается демократически настроенными представителями разных общин. «Индийский секуляризм, – полагает автор-мусульманин, – тесно связан с демократией, которая не знает ограничений или дискриминации по мотивам касты, религии или культуры»¹.

Индийский секуляризм не предполагает отделения религии ни от государства, ни от политики. Что же касается равного позитивного отношения ко всем общинам, то здесь возникают противоречия. Религиозные общины Индии отнюдь не являются равновеликими образованиями, поэтому на практике – это очень часто недостижимый идеал.

Таким образом, согласно конституционно-правовой базе обе страны – Российская Федерация и Республика Индия являются светскими государствами. В тоже время в этих поликонфессиональных и многонациональных государствах сложились специфические формы выражения отношений между государством и религиозными общинами. Системнообразующими элементами правового института светскости государства в Российской Федерации являются два элемента: 1) отделение религиозных объединений от государства, 2) недопустимость установления общегосударственной религии. Эти элементы, одновременно являющиеся существенными признаками светского государства, составляют ядро в системной структуре института светскости государства, являются главными, определяющими его целенаправленность, что обусловлено исторически. В Индии сложилась концепция секуляризма, отличающаяся от западной, в соответствии с которой вместо того, чтобы отлучать религию от политики, государство призвано быть одинаково объективным по отношению ко многим существующим религиям, ибо последние направляют жизнь своих прихожан. Понятие «секуляризм» не нашло ни четкого определения, ни законодательного закрепления в Индии. Оно толкуется как равное покровительственное отношение государства ко всем религиям и общинам.

© Мухаметзянова-Дуггал Р.М., 2011.

---

¹ Цит. по: *Клюев Б.И.* Религия и конфликт в Индии. М.: ИВ РАН. 2002. С. 158.

Ещё раз о проблеме «национальных республик»

Существование в составе Российской Федерации т.н. «национальных республик»¹ ослабляет государственный организм, усиливает его тенденции к распаду и полной гибели. В настоящее время «Москва» взяла курс на уравнивание статусов субъектов Федерации, что неминуемо должно привести к ликвидации «национальных» квазигосударств. На этом пути Центр встречает сопротивление местных элит, которые не торопятся расставаться с контролем над природными и экономическими богатствами «своих» регионов.

Недооценивать возможности правящих в национальных республиках кланов не стоит, т.к. «справиться» с ними в своё время не удалось даже Ю.В. Андропову. После его смерти они устроили настоящую «номенклатурную революцию», результатом которой стал распад СССР и устройство России по принципу федерации. Пользуясь наработками политической антропологии, можно с уверенностью говорить о возникновении на постсоветском пространстве сильно напоминающих восточные деспотии государств. В среднеазиатских, закавказских (за исключением Грузии), российских национальных республиках политические системы носят явно традиционалистский характер (в отечественной и зарубежной науке сложилась концепция «нового русского феодализма»²). На вершине власти находится несколько устроенных по земляческому или родственному принципам кланов (своеобразный «правлящий дом»), им подчиняется огромный бюрократический аппарат, который, в свою очередь, безраздельно господствует над остальным обществом. Отношения между верховным правителем (т.н. «президентом») и «начальниками на местах» имеют много общего с классической феодальной лестницей. В своей области чиновник (глава администрации, губернатор, аким и т.д.) волен вести себя, как хозяин (вытеснять неугодных предпринимателей, присваивать бюджетные деньги, устраивать на руководящие должности своих родственников и т.д.). Покровительством своего сеньора он защищён от уголовных преследований, обладает «феодальным иммунитетом»³.

---

¹ По состоянию на весну 2006 г. Российская Федерация объединяла 6 типов субъектов федерации, в том числе 21 республику, 9 автономных округов и 1 автономную область (Чунихна Т.Н. Этнический фактор реформ федерализма в современной России: Политологический аспект: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Краснодар, 2006. С. 113).

² Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 1. С. 176; Рябов А.В. Возрождение «феодальной» архаики в современной России: практика и идеи (http://carnegieendowment.org/files/WP_4_2008.indd.pdf); Шляпентох В. Современная Россия как феодальное общество. М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2008. 328 с.; Shlapentokh V. Early Feudalism – The Best Parallel for Contemporary Russia // Europe-Asia Studies. Formerly Soviet Studies. 1996. Vol. 48. № 3. P. 393; Fairbanks C. The Feudalization of the State // Journal of Democracy. Vol. 10. № 2. April. P. 48–49; Lester D. Feudalism's Reverage: The Inverse Dialectics of Time in Russia // Contemporary Politics. 1998. Vol. 4. № 2. June. P. 200.

³ Например, бывший пресс-секретарь Президента Татарстана, прекрасно знающий «систему», пишет: «Сегодня очевидно, что правящая номенклатура Татарстана фактически провозгласила себя

Видимо, феномен архаизации политической надстройки связан с проходившей усиленными темпами в СССР урбанизацией. Благодаря последней люди с традиционной сельской ментальностью и характерной для маргиналов энергией оказались на вершинах власти. Этот процесс «в ускоренном виде» повторяет генезис древневосточных и раннесредневековых европейских государств, в которых собственно государство часто представляло собой разросшуюся общину родственников.

Возникает вопрос: можно ли подобные государства назвать национальными? Ответ невозможен без анализа терминов. Национальные государства постепенно начинают приходить на смену империям с конца XVIII в. Если в империях государство (правлящий дом и бюрократический аппарат) управляют подданными, то в национальных государствах, наоборот, всё население принимает участие в управлении, само на демократических основах формирует часто сменяемый управленческий аппарат. Таким образом, национальное государство – это демократическое государство, а всё его население представляет собой нацию.

Можно уверенно говорить о том, что современные российские национальные республики ни «национальными», ни «республиками» называть нельзя, т.к. настоящих демократических институтов и гражданского общества там нет. Следовательно, в общепринятом международном понимании нет и наций. Перед нами мини-империи, метрополиями в которых выступают правящие кланы и бюрократический аппарат. Интересно заметить, что до Великой буржуазной революции во Франции под «нацией» понимали «аристократию и епископов», которые заседали в Генеральных Штатах и помогали королю управлять страной¹. После 1789 г. «в нацию» превратились широкие слои населения, которые получили доступ к управлению государством². В Речи Посполитой «нация» в своё время состояла из представителей шляхты³. Таким образом, в «национальных республиках» единственной и настоящей «нацией» являются представители политической элиты (последняя, что характерно для Востока, совпадает с элитой экономической⁴). В этом смысле и стоит понимать словосочетания с

наднациональной элитой, новой расой господ, живущей совершенно в другой системе координат, моральных ценностей, правовых норм и повязанной друг с другом вертикалью коррупции. Вертикалью, в рамках которой работает некая конвенция, согласно которой нижестоящий чиновник реализует свои коррупционные наклонности в границах своего поместья, не покушаясь на сферу влияния ни вышестоящего, ни сопредельного чиновника. Более того, нижестоящее чиновничество получает индульгенцию на свою коррумпированность в обмен на безграничную поддержку корыстолюбцев рангом повыше. В этой системе друг от друга зависят уже все» (Муртазин И. Минтимер Шаймиев: последний президент Татарстана (книга 1). Чебоксары [б.и.], 2007. С. 55, 56).

¹ Кедури Э. Национализм / пер. с англ. А.А. Новохатько. СПб.: Алетейя, 2010. С. 25.

² Овчинников А.В. Национализм – кто виноват и что делать? (Взгляд из Татарстана) // Власть. 2011. № 7. С. 22.

³ Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса / Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. С. 153.

⁴ «На Востоке рынок и собственник находятся в зависимости от государства и обслуживают нужды прежде всего правящего слоя. Государство же здесь твёрдо стоит над обществом и соответственно над экономикой общества» (Васильев Л.С. История Востока: в 2 т. Т. 1: Учеб. по спец. «История». М.: Высш. шк., 1994. С. 78); «В большинстве регионов ... наблюдается дальнейшая тенденция фактического слияния экономической и властной элит и формирование на основе клановых отношений финансово-политических

прилагательным «национальный» (национальная республика, национальное достояние и т.д.).

Национальные республики РФ правильнее называть «этническими мини-империями». «Этническими» не по составу населения, а по содержанию официального государственного идеологического мифа. Не стоит переоценивать роль этнического фактора и в процессе консолидации политических элит¹. Бросающаяся в глаза почти полная и явно показная «этническая» однородность, видимо, связана со стремлением наполнить реальным содержанием утверждение о некоем «государствообразующем этносе». В реальности, правящие кланы и бюрократия в современных российских «национальных республиках» «внеэтничны» и «внерелигиозны». Актуализация этничности и религиозности необходима для разделения населения на некие группы, балансирование на искусственно создаваемых религиозных, этнических, социальных барьерах между которыми обеспечивает бюрократическому аппарату выживаемость и всевластие. Как справедливо отмечал Э. Геллнер, характеризуя аграрно-письменные (доиндустриальные) общества, *«правители ... не заинтересованы в том, чтобы оно становилось культурно однородным. Напротив, разнообразие им выгодно. Культурные различия удерживают людей в их социальных и географических нишах, препятствуют появлению опасных и влиятельных течений и групп, имеющих последователей»*². Если в Российской империи население разделяли по религиозному признаку, то в атеистической советской империи религия уступила место «этносу»³.

Проблема советской и большей части современной российской этнографии и этнологии состояла и состоит в отождествлении нации и «этноса». Связано это с особенностями трансформации идеи гражданского национализма в традиционных обществах. Для последних не характерны демократические институты: выборы и разделение властей приводят к хаосу, политические партии отражают интересы отдельных кланов, а не всего общества. Создание гражданских наций в таких условиях невозможно, поэтому основания для конструирования образа нации были найдены в культурных, языковых и религиозных различиях (см. дискуссии XIX – нач.

конгломератов» (Ахмадуллин И.Р. Становление бизнес-элиты в современном Российском обществе (на материалах) Республики Татарстан: Автореф. ... дис. канд. социол. наук: 22.0.04. Казань, 2005. С. 11).

¹ Об этом в отношении татарстанской политической элиты предупреждает в своей диссертации А.Г. Луцкий (Луцкий А.Г. Эволюция политического режима Республики Татарстан: 1991-2001: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. М., 2003. С. 84).

² Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. С. 153.

³ Современный исследователь С.Н. Абашин отмечает, что *«Этнос обладает полным набором характеристик, удобных для описания конфликта: это неформальная группа, которая имеет в основе кровнородственные связи, у этноса есть общее самосознание, свои интересы, своя территория, свои психологические черты. Один этнос чётко отличается от другого, что позволяет делить людей на «своих» и «чужих». Кроме того, использование понятия «этнос» позволяет рассматривать конфликт в длительной временной перспективе и придавать ему укоренённое в истории значение...»* (Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. СПб.: Алетейя, 2007. С. 240).

XX вв. о тюркской и мусульманской «нациях»¹). «Нация» мыслится в координатах привычной для традиционной культуры общины, как большая семья, члены которой объединены кровным родством. Понятие «нации» здесь близко биологическому «раса», тогда как в Западной Европе, например, во Франции в XIX в. гражданско-политический термин «нация» был противоположен биологическому, затем историко-языковому и культурному термину «ethnie», который означал основанные на кровном родстве и расовом типе группы населения колонизируемых территорий². «Биологичен» этнос и у С.М. Широкогорова, впервые в русскоязычной литературе попытавшегося дать определение этого термина³. Благодаря работам И.В. Сталина, в советской этнографической науке нация окончательно стала мыслиться этническим феноменом⁴, а решением «национального вопроса» стала ранжированная государственность «наций-этносов». Основные положения развивавшихся в СССР маргинальной и официальной концепций этноса Л.Н. Гумилёва⁵ и Ю.В. Бромлея, так или иначе обосновывавших наличие этнической государственности, находились в рамках примордиалистского этнонационализма. Рациональный гражданский национализм трансформировался в иррациональный восточный, подтвердив высказывание Г. Кона о том, что *«история национализма – это постоянное вырождение рационального начала в некое безумие»*⁶.

Мысль о том, что все люди принадлежат к какому-либо этносу («нации») всей мощью пропагандистской машины внедрялась в сознание населения СССР. Подобные представления настолько прочно закрепились, что не только простыми гражданами, но и учёными любой соотечественник или иностранец «приписывался» к определённому «этносу». Однако с иностранцами, не подозревавшими, что они «имеют честь» принадлежать к какому-то «этносу», часто случались казусы. Например, советские этнографы кроме «французов» на территории Франции «обнаружили» ещё несколько «этнических общностей», чем вызвали гневное письмо лидера французской компартии Жоржа Марше. В письме разъяснялось, что французом является любой мужчина и любая женщина, имеющие французское гражданство, и любые попытки с использованием *«смелых критериев, граничащих с*

---

¹ Хабутдинов А.Ю. Татарское общественное движение в Российском сообществе (конец XVIII-начало XX веков). Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.02. Казань, 2002. С. 24-27.

² Филиппова Е.И. Территории коллективной идентичности в современном французском дискурсе: Автореф. дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. М., 2010. С. 23, 24.

³ Филиппов В.Р. С. Широкогородов: у истоков биосоциальной интерпретации этноса // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 86-93.

⁴ См., например: Джунусов М.С. Нация как социально-этническая общность // Вопросы истории. 1966. № 4. С. 16-30.

⁵ Наиболее основательную критику «гумилёвского учения» см.: Клейн Л. Горькие мысли «Привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилёва // Нева. 1992. № 4. С. 228-246; Шнирельман В.А. Лев Гумилёв: от «пассионарного напряжения» до «несовместимости культур» // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 8-21. Наибольший упор в критике делается именно на «биологичность» концепции этноса Л.Н. Гумилёва.

⁶ Ерохин А.В. Националистические движения и партии стран Западной Европы: историческая перспектива и актуальные политические процессы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. СПб, 2006. С. 7.

расизмом», изъять какие-то группы из состава французской нации являются «оскорблением национального самосознания»¹.

В 1990-2000-х гг. на постсоветском пространстве наблюдался продолжающийся и сейчас расцвет этнического национализма. «Этнос» воспринимался как социально-биологический организм², что очень напоминало расизм. В этой плоскости рассмотрения не случайным выглядит популяризация даже на государственном уровне учения Л.Н. Гумилёва. Этнонационализм превратился почти в государственную идеологию многих постсоветских республик. Достигло апогея отвергаемое в цивилизованном мире как расистское положение о том, что «этнос» должен иметь свою государственность. К сожалению, многие посвящённые «праву народов на самоопределение» диссертации пытаются обосновать это положение³. Даже в преамбуле Конституции Российской Федерации говорится о «многонациональном народе». Понятно, что в данном контексте это словосочетание аналогично выражению «многоэтничный народ».

Положение о тождественности нации и этноса относится к этнонационализму, который мировой наукой считается не научным направлением, а идеологией. Отсюда следует, что содержащаяся в Конституции РФ дефиниция «многонациональный народ» фактически противоречит ст. 15 п.2 той же Конституции, где записано: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»⁴.

Представление о «многонациональном народе» лежит в основе легитимизации т.н. «этнофедерализма», суть которого заключается в том, что, якобы, на территории России проживает множество народов (они же «этносы», они же «нации»), и результатом их самоопределения является современное устройство нашей Федерации. Несмотря на предупреждения

---

¹ Кожановский А.Н. Испанский случай: этнические волны и региональные утёсы // Национализм в мировой истории. М.: Наука, 2007. С. 228.

² «Этнос несёт в себе биологическую энергию, и подчиняется иным законам, нежели социальные процессы» (Хакимов Р.С. Сумерки империи (К вопросу о нации и государстве). Казань: Таткнигоиздат, 1993. С. 19).

³ «Сегодня, процесс самоопределения народов невозможно рассматривать отдельно от принимающего всё более широкие масштабы процесса усиления этнического фактора или как называют его современные исследователи «этнического ренессанса», либо «этнического возрождения»» (Султанов И.Р. Право народов на самоопределение и опыт его реализации: политико-правовой анализ: Дис. канд. ... полит. наук: 23.00.02. М., 2001. С. 16); «... субъектами права на самоопределение в общем случае являются народы; при конкретно-историческом анализе определённой формы самоопределения могут применяться термины «этносы» или «нации»... Хотя чётких различий между применяемыми терминами (этносы, нации, народы. – А.О.) нет, тем не менее, субъект национально-культурного самоопределения предпочтительнее определять в этнических категориях...» (Самтиев И.М. Самоопределение народов: Социально-философские исследования: Дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11. Ростов-на-Дону, 2000. С. 36, 37); «Из права народа на самоопределение логически следует, что народ может сделать свободный выбор как на самостоятельное развитие, так и на межнациональную интеграцию. Очевидно, что для полиэтничных государств, среди которых – Российская Федерация, принцип равноправия и самоопределения народов в этой связи приобретает особое значение» (Самтиев И.М. Институционализация самоопределения народов в политических процессах на Северном Кавказе в постсоветский период: Автореф. дис. докт. полит. наук: 23.00.02. Краснодар, 2009. С. 2).

⁴ Конституция Российской Федерации//<http://www.constitution.ru/10003000/10003000-3.htm>

специалистов-этнологов¹, эта мысль настолько укоренилась в общественных и даже научных кругах, что воспринимается как само собой разумеющееся и не требующее детальной проверки². Однако академик В.А. Тишков указывает, что в основополагающих документах ООН, в которых речь идёт о «праве народов на самоопределение», под «народами» понимаются территориальные, а не этнические сообщества³. Действительно, этнически однородных проживающих на одной территории массивов населения практически нет, поэтому в случае этнической государственности неизбежно появляются титульные и нетитульные «этноты», что неизбежно ведёт к нарушению прав человека. Из документов ООН следует, что народы (территориальные сообщества) путём получения самоуправления (собственного государства) превращаются в нацию, отсюда и название Организации Объединённых Наций (последняя состоит, кстати, именно из наций, не «этнотов»). Благодаря академику В.А. Тишкову данная позиция завоевывает в России всё больше и больше сторонников (хотя, следует признать, что разделять её учёным в т.н. «национальных республиках», по понятным причинам, очень сложно).

Поддерживая точку зрения В.А. Тишкова, я, вместе с тем, предлагаю научному сообществу задуматься над содержанием понятия «народ». Русское слово «народ» в основе своего происхождения имеет «род», «родственников», что изначально подразумевало той или иной степени кровное родство (согласно этимологическому словарю Фасмера, слово «народ» образовано от «на» и «род»). Дефиниция «народ» и сейчас на подсознательном уровне уводит нас к абстрактному и возвышающемуся над реальным человеком образованию. Фактически, это представление о некоем, наподобие организма, наделённом правами целостности, частью которой является человек, что открывает простор для различных спекуляций (типа совмещения понятий «народ» и «этнос») и соблазна поставить права народа над правами человека.

Видимо, в России в который раз неправильно трактуются положения международного права. На каком основании в отечественных научном и политическом дискурсах присутствует формула о «праве народов на самоопределение»? Самоопределение по англ. «self-determination» («само-детерминация»), а народ, якобы, в международно-правовых документах,

---

¹ Фундаментальной работой, посвящённой критике основ этнического федерализма является докторская диссертация В.Р. Филиппова (*Филиппов В.Р. Этничность в концепциях российского федерализма: Дис. ... докт. ист. наук: 07.00.07. М., 2003. 521 с.*).

² См., например, написанную в этом контексте диссертацию А.С. Саидовой: Саидова А.С. Этнический фактор в становлении и развитии российского федерализма: региональные особенности: на примере Республики Дагестан: Дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. – М. 2010. – 190 с. Даже такой уважаемый казанский политолог, как М. Фарухшин, известный своей оппозиционностью к татарстанским властям и не раз за это пострадавший, в одной из своих монографий пишет, что «...в силу общепризнанного международным сообществом права народа на самоопределение каждая нация свободна определять своё политическое устройство. По крайней мере, право всех титульных наций в пределах Российской Федерации на национальную государственность бесспорно, что кстати, закреплено и в действующей российской Конституции» (*Фарухшин М. Современный федерализм: Российский и зарубежный опыт. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1998. С. 53*)

³ *Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. М.: Наука. 2001. С. 122.*

составляемых на английском языке, звучит как «people» («люди»)¹. Однако почему английское слово «peoples» в русскоязычных документах переводится как «народы»? В английском языке слова «род» (family, kin, clan, genus, sort, kind, birth, origin, stock, gender), «родич» (relation, relative), «родня», «родственники» (relatives, kinsfolk)² никак не могут трансформироваться в «people». Может быть, в международных документах речь идёт именно о людях, а не о народах? Вроде бы, разделяя «народы» и «людей», опровергает эту точку зрения предложение из «Декларации социального прогресса и развития»: *«Все народы и все люди, независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, национальности, этнического происхождения ... имеют право жить в достойных условиях и условиях свободы и пользоваться плодами социального прогресса и должны со своей стороны способствовать ему»*³. В английском варианте документа выражение «все народы и все люди» воспроизведено как «all peoples and all human beings». Однако последнюю фразу можно перевести и как «все люди и все человеческие существа». Этот перевод мне представляется более корректным, т.к. под «человеческими существами», видимо, подразумеваются дети в группах населения, живущих на уровне первобытности. До прохождения инициации они не считаются людьми наравне со взрослыми, что может служить поводом для их дискриминации. Чтобы это предотвратить и появилось выражение «все люди и все человеческие существа». По моему мнению, такой же перевод фразы «all peoples and all human beings» должен содержаться и в «Декларации о воспитании народов в духе мира»⁴ (соответственно, правильное название документа на русском должно звучать как «Декларация о воспитании людей в духе мира»).

Можно предположить, что набившее за последние два десятилетия оскомину выражение «право народов на самоопределение» является всего лишь ошибкой перевода. Именно люди, а не абстрактные «народы», имеют право на самоопределение, т.е. создание на той территории, где проживают, своего государства (в этом случае люди превращаются в граждан, а государство с гражданами представляет собой нацию). Если людям (а люди, в первую очередь, именно люди, а потом уже граждане) не нравится созданная ими система управления (государство), они могут её изменить, а если речь идёт не о всём населении государства, то и выйти из его состава, образовать на той территории, где проживают, государство собственное или стать гражданами другого, отдав под его юрисдикцию свою территорию.

Права людей прекрасно сочетаются с правами человека, и подменить вторые первыми невозможно, т.к. это (в отличие от «прав» этносов,

---

¹ См., например: *Бориев А.В.* Государство и этничность: Дис. ... канд. юрид наук: 12.00.01. М., 2004. С. 143.

² Russian Dictionary: Russian-English. English-Russian. Oxford; NY, 2000. С. 447

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2542 (XXIV) от 11 декабря 1969 г. (Официальный сайт ООН, см. вариант документ на англ. языке).

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 33/73 от 15 декабря 1978 г. Официальный сайт ООН, см. вариант документ на англ. языке).

религиозных групп, народов) практически одно и то же. Поэтому существование этнической государственности приводит к нарушению прав человека, т.к. делит население территории на титульные и нетитульные этносы. В частности нарушается ст. 2, ч. 2, п.2 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гласит: *«Каждое участвующее в настоящем пакте Государство обязуется уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте (в том числе и право людей на самоопределение. – А.О.), без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических и иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения или нового обстоятельства»*¹.

Из вышесказанного логически следует вывод о том, что в Конституции РФ речь должна вестись не о «многонациональном народе», а о людях. Может быть, в целях модернизации российской политической системы следует отказаться от термина «народ», заменив его на «люди»? Последнее слово остаётся за российскими политическими лидерами. Здесь возникает главная проблема: Россия по своим основным характеристикам, как и «национальные республики» внутри неё, больше напоминает империю, чем национальное государство. А власть правящих групп в империях, как указывалось выше, покоится на разделении подданных по каким-либо основаниям. Поэтому наивно будет полагать, что кто-то откажется от такой удобной идеологемы как «многонациональный народ» или просто «народ» (им управлять гораздо проще, чем конкретными людьми).

Можно донести эту проблему до международного сообщества, но и это не может гарантировать изменений. Иностранным государствам проще «работать» с рядом лиц, объявивших себя представителями некоего «многонационального народа». Последней надеждой являются всё более и более усиливающие своё влияние международные неправительственные организации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Возможный вариант перевода ряда международно-правовых документов, посвящённых праву людей на самоопределение;²
основные положения Конституции РФ с возможными изменениями
(исправленные места документов выделены курсивом)

УСТАВ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Глава I: Цели и Принципы

Статья 1

Организация Объединённых Наций преследует Цели:

---

¹ См. официальный сайт ООН.

² Воспроизведены по материалам официального сайта ООН (<http://www.un.org/ru>)

...2. Развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения *людей*, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира¹

Глава XI: Декларация в отношении самоуправляющихся территорий

Статья 73

Члены Организации Объединенных Наций, которые несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, *люди* которых не достигли еще полного самоуправления, признают тот принцип, что интересы населения этих территорий являются первостепенными, и, как священный долг, принимают обязательство максимально способствовать благополучию населения этих территорий в рамках системы международного мира и безопасности, установленной настоящим Уставом, и с этой целью:

а. Обеспечивать, соблюдая должное уважение к культуре указанных *людей*, их политический, экономический и социальный прогресс, прогресс в области образования, справедливое обращение с ними и защиту их от злоупотреблений;

б. Развивать самоуправление, учитывать должным образом политические стремления этих *людей* и помогать им в прогрессивном развитии их свободных политических институтов в соответствии со специфическими обстоятельствами, присущими каждой территории и ее *людям*, и с их разными степенями развития;

ВСЕОБЩАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Преамбула

... принимая во внимание, что необходимо содействовать развитию дружественных отношений между *людьми*; и

принимая во внимание, что *люди* Объединенных Наций подтвердили в Уставе свою веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности и в равноправие мужчин и женщин и решили содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе;

Генеральная Ассамблея,

провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все *люди* и государства с тем, чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их как среди *людей* государств-членов Организации, так и среди *людей* территорий, находящихся под их юрисдикцией.

---

¹ <http://www.un.org/ru/documents/charter/chapter1.shtml>

Статья 7

Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации.

Статья 21

3. Воля *людей* должна быть основой власти правительства; эта воля должна находить себе выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования.

ДЕКЛАРАЦИЯ О ПРИНЦИПАХ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, КАСАЮЩИХСЯ ДРУЖЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ В СООТВЕТСТВИИ С УСТАВОМ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН
от 24 октября 1970 года

Принцип равноправия и самоопределения *людей*

В силу принципа равноправия и самоопределения *людей*, закрепленного в Уставе Организации Объединенных Наций, все *люди* имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава.

Каждое государство обязано содействовать с помощью совместных и индивидуальных действий осуществлению принципа равноправия и самоопределения народов в соответствии с положениями Устава и оказывать помощь Организации Объединенных Наций в выполнении обязанностей, возложенных на нее Уставом, в отношении осуществления данного принципа, с тем чтобы:

а) способствовать дружественным отношениям и сотрудничеству между государствами и

б) незамедлительно положить конец колониализму, проявляя должное уважение к свободно выраженной воле заинтересованных *людей*, а также имея в виду, что подчинение народов иностранному игу, господству и эксплуатации является нарушением настоящего принципа, равно как и отрицанием основных прав человека, и противоречит Уставу Организации Объединенных Наций.

Каждое государство обязано содействовать путем совместных и самостоятельных действий всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом.

Создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса, свободно определенного *людьми*, являются формами осуществления *этими людьми* права на самоопределение.

Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих *людей*, о которых говорится выше, в изложении настоящего принципа, их права на самоопределение, свободу и независимость. В своих мерах против таких насильственных действий и в оказании им сопротивления эти *люди*, в порядке осуществления своего права на самоопределение, вправе добиваться поддержки и получать ее в соответствии с целями и принципами Устава.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПАКТ О ГРАЖДАНСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАВАХ

Часть I

Статья 1

1. Все *люди* имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие.

2. Все *люди* для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами без ущерба для каких-либо обязательств, вытекающих из международного экономического сотрудничества, основанного на принципе взаимной выгоды, и из международного права. *Люди ни в коем случае не могут быть лишены принадлежащих им средств существования.*

3. Все участвующие в настоящем Пакте Государства, в том числе те, которые несут ответственность за управление самоуправляющимися и подопечными территориями, должны, в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций, поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право.

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(возможные изменения)

Мы, *люди* Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения *людей*... принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Раздел первый. Основные положения

Глава 1. Основы конституционного строя

... Статья 3

1. Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее *люди*.

2. *Люди* осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления.

3. Высшим непосредственным выражением власти *людей* являются референдум и свободные выборы.

... **Статья 9**

1. Земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности *людей*, проживающих на соответствующей территории.

© Овчинников А.В., 2011.

Полянина О.А.

**По делам службы: Рабочие командировки
земских служащих уфимской губернии**

Значимая общественная роль органов местного самоуправления пореформенной России обусловила наличие особых требований не только к качеству, но и к справедливости распределения муниципальных услуг между различными группами населения. Стремление охватить медицинской, ветеринарной, агрономической и другими видами помощи максимальное количество плательщиков земских налогов заставляло органы местной власти и самих служащих (так называемый «третий элемент») использовать рабочие командировки в качестве важнейшей формы осуществления профессиональной деятельности.

В 1870-1880-е годы в поездки по делам службы наиболее часто отправлялся медицинский персонал. Первые земские врачи проводили в разъездах «почти все время»: «то по приглашению труднобольных из дальних деревень, то по донесениям волостных правлений о какой-нибудь эпидемической болезни, то, наконец, по требованиям приставов и судебных следователей для производства освидетельствования и выдачи судебно-медицинских актов». По признанию самих медиков, оказание амбулаторной помощи во время таких разъездов приводило к излечению больных «лишь в исключительно редких случаях». Кроме того, отправляясь в отдаленную деревню, врачам «приходилось оставлять дома серьезно больных, требующих надзора и ухода»¹.

Неудобство разъездного способа организации медицинской помощи стало одной из центральных тем, обсуждавшихся на съезде врачей Уфимской губернии в 1889 году. К тому времени преимущества стационарной системы, когда врач принимал большинство пациентов в больнице, уже успели оценить в Уфимском уезде, но на окраинах губернии ситуация оставалась

---

¹ *Веретенникова А.И.* Записки земского врача / Предисл., коммент., подготовка документов В.А. Скачилова. Уфа, 1981. С. 68-69, 72-77, 97-100.

сложной. В Златоустовском уезде, где радиус врачебных участков достигал 60 верст, медики – помимо текущих вызовов – раз в месяц выезжали во все большие селения. Фельдшера Бирского уезда были вынуждены дважды в месяц приезжать в город за лекарствами, что «означало 150 верст в один конец». По итогам дискуссии съезд высказался за постепенный отказ от разъездной системы путем увеличения числа участков и устройства больниц в каждом из них¹.

Пожелания врачей совпали с общеземским курсом на массовое строительство больничных зданий, и постепенно «стационарное лечение приобрело полные права гражданства». Уже к 1906-1907 годам все нуждающиеся в медицинской помощи должны были обращаться напрямую в амбулатории; за врачами сохранялась обязанность выезжать на роды, эпидемии и «в случае угрожающих кровотечений». «Пережиток старины» в виде «выездов фельдшеров на пункты в известные дни» оставался только в Златоустовском уезде. Вместе с тем, врачи Уфимской губернии по-прежнему работали в более сложных условиях, чем их коллеги в Центральной России. В то время как в среднем по империи площадь медицинского земского участка составляла около 700 кв. верст, в Уфимской губернии этот показатель превышал 1500 кв. верст².

На ранних этапах земской истории регулярные разъезды ждали не только участковых врачей, но и всех остальных сельских служащих, которым приходилось раз в месяц добираться до уездного центра, чтобы получить жалование. К рубежу XIX-XX веков управы постарались избавиться от таких вынужденных путешественников: земским учителям жалование стало пересылаться по почте, относительно большие коллективы передавали право на получение денег какому-либо доверенному лицу. Но, последовательно сокращая длительность разъездов одних категорий сотрудников, гласные одновременно расширяли штаты ветеринарных и санитарных врачей, для которых рабочие командировки являлись необходимым условием службы. К обязанностям санитарных врачей, в частности, относились надзор за всеми больничными и школьными зданиями, обследование источников водоснабжения, борьба с эпидемиями, просветительские беседы с жителями разных селений. Среди представителей других профессий самыми легкими на подъем были агенты по взаимному от огня страхованию, работавшие в губернии с момента учреждения земства, и статистики, первые из которых были приняты на службу в середине 1880-х годов. В начале XX века Уфимское земство учредило целый ряд разъездных инструкторских должностей (по кооперации, пчеловодству и т.п.); технический прогресс способствовал появлению специальности монтера телефонных сетей. Реализация столыпинской аграрной реформы не давала осесть на одном

---

¹ Труды 2-го съезда земских врачей Уфимской губернии. Выпуск 1-й. Протоколы заседаний и доклады. Уфа, 1889. С. 40-57.

² Обзор состояния медицины в Златоустовском уезде за 1914 год. Составлен санитарным врачом Т.М. Броном. Уфа, 1916. С. 1-6; Гиккель Э.И. Краткий обзор состояния земской медицины и заразных заболеваний в Уфимской губернии. Б.м., б.г. С. 1-2.

месте землемерам, а интенсификация школьного строительства – инженерам и десятникам.

Система оплаты командировочных расходов также подвергалась трансформации. В первые годы своей деятельности земские управы просто назначали «кочующим» сотрудникам повышенное жалование без уточнения суммы дорожных расходов¹. В 1880 году земский врач Бирского уезда В.Д. Ревякин одним из первых попросил управу выдавать фельдшерам на время разъездов суточные в размере не менее 30 копеек, однако гласные решили, что разъезды – это «прямая обязанность фельдшеров». Вторая инициатива Ревякина, предлагавшего разрешить медикам в чрезвычайных ситуациях ездить на пароконных подводах, также не нашла поддержки цензового элемента². Более того, губернское собрание, состоявшееся в том же году, предприняло попытку пересадить на одноконные подводы и десятников управы.

Вопрос о выборе способа передвижения был поднят неслучайно. Не желая возмещать суммы, затрачиваемые служащими на вольный наем лошадей, органы местной власти ограничивались выдачей так называемых «открытых листов» для бесплатного взимания подвод на земских станциях. Позволяя экономить бюджетные деньги, такая система была довольно неудобной для служащих: им приходилось часами ждать свободных подвод, пропускать судебных чиновников, доказывать свое право на проезд и т.п. В 1910 году казанский ветеринарный врач А.А. Беневский, приглашенный в Уфимское губернское земство, открыто заявил, что отказывается от места, считая предлагаемые условия «невозможными». По мнению Беневского, «помимо жалования следует при разъездах иметь суточные деньги; разъезды покрываются из поверстных денег при сообщениях по линии пароходной или железной дороги, бесплатными же билетами при поездках по губернии обойтись нельзя»³.

Переговоры с Беневским были прекращены, однако периодическая нехватка квалифицированных кадров не позволяла гласным полностью игнорировать такие заявления. К 1913 году «разъездные» в денежной форме стали получать ветеринарные врачи. Делегатам различных земских съездов и советов оплачивался проезд по железной дороге, а губернскому технику по гражданским сооружениям были даже ассигнованы 300 рублей на разъезды по городу⁴. В то же время, другие категории служащих продолжали пользоваться «бесплатным проездом по делам службы», то есть «открытыми листами». Помимо «разъездных» (в той или иной форме) служащие получали суточные, размер которых зависел от должности и места командировки. Для заведующих отделами, статистиков и других специалистов день работы на выезде оценивался в два рубля; при поездках в губернский центр сумма

¹ Вестник Уфимского земства 1879 г. Год 1-й, выпуск 2-й. Уфа, 1879. С. 109-111.

² Вестник Уфимского земства 1881 г. Год 3-й, выпуск 3-й. Уфа, 1881. С. 3-8.

³ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-132. Оп. 1. Д. 345. С. 3-8.

⁴ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIX очередной сессии 1913 года (1-20 декабря 1913 года). Уфа, 1914. С. 81-143.

увеличивалась до трех рублей. Писцы, счетоводы, библиотекари могли рассчитывать на один и два рубля соответственно (члены управ получали по три рубля за день, проведенный в уезде и по четыре – при поездках в Уфу)¹.

Оценить интенсивность рабочих командировок «третьего элемента» позволяют такие группы источников, как ведомости земских станций и годовые отчеты служащих. Так, за 8 месяцев 1880 года три врача и 15 фельдшеров Уфимского уезда проехали на лошадях 23567 верст, то есть в среднем по 164 версты в месяц каждый². Победа стационарной системы подачи медицинской помощи позволила существенно уменьшить данные показатели, сделав лидерами этого своеобразного соревнования санитарных и ветеринарных врачей. По подсчетам санитарного врача Мензелинского уезда В.В. Калашникова, с 15 октября 1913 года по 1 ноября 1914 года он провел в разъездах более 100 дней, «проехав около 5000 верст, не считая поездок на лодке в наводнение». Стерлитамакский санитарный врач Е.А. Манджос за тот же период провел на выездах 102 дня, 52 из которых были посвящены лекционной деятельности³. Один из основателей ветеринарной службы края А. М. Ксенжопольский, описывая свое первое лето в Уфимской губернии, отмечал, что, проживая в Уфе, он почти ежедневно ездил за Белую, а также на пароходную пристань и станцию железной дороги для осмотра скота, освидетельствования кож и шерсти. При этом за Ксенжопольским сохранялись обязанности земского ветеринарного врача в уезде⁴. Приблизительно по 50 дней в году проводили в дороге монтеры телефонных сетей⁵; время от времени свои кабинеты покидали даже канцелярские служащие.

Для некоторых категорий служащих существовали своеобразные нормативы разъездов, отражавшие представления гласных о специфике работы той или иной профессиональной группы. В частности, каждому из 6 уездных статистиков в год полагалось по 200 рублей суточных, что означало 100 дней, проведенных в дороге. В январе 1911 года ряд гласных поставил вопрос об увеличении этой суммы, поскольку статистиков надлежало «обставить так, чтобы у них не являлось желания избегать пробыть лишний день в разъездах»⁶. Два года ранее земское собрание учредило должность помощника губернского агронома, который должен был освободить своего непосредственного начальника от текущей бумажной

---

¹ ЦГИА РБ. Ф. И-132. Оп. 1. Д. 20. Л. 73-77; Сборник постановлений 39, 40 и 41 чрезвычайных и 40 очередного Белебеевского уездного земского собрания за 1914 год. Белебей, 1914.

² Вестник Уфимского земства 1881 г. Год 3-й. Уфа, 1881, С. 110, 189.

³ Гиккель Э.И. Отчет о деятельности Санитарного бюро с 15 ноября 1913 г. по 15 ноября 1914 г. Уфа, 1914. С. 17-54.

⁴ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 521. Л. 16-17.

⁵ Журналы Уфимского уездного земского собрания 42-й очередной сессии 1916 года. Уфа, 1917. С. 34-35.

⁶ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXVI очередной сессии 1910 года. Уфа, 1911. С. 39-40.

работы. Самому агроному при этом предстояло активизировать разъезды по вверенной территории¹.

Разъезды «третьего элемента», видимо, могли бы встречать еще более благосклонное отношение со стороны гласных, если бы служащие не использовали рабочие командировки в своих собственных – а точнее, в революционных – целях. Как свидетельствуют документы жандармского управления, страховые агенты Мензелинской земской управы успевали не только оценивать убытки погорельцев, но и выступать на крестьянских сходах, петь в деревнях революционные песни и вывешивать красные флаги². Счетчик статистического отдела губернской управы В.В. Архангельский, являвшийся по совместительству активным членом Уфимской организации РСДРП, отправлялся «по делам службы» вместе с очередной связкой нелегальной литературы³. Другой большевик С. Н. Салтыков, работавший в Уфе в 1900-1902 годах, использовал служебные командировки для выполнения поручений Союза социал-демократов и социалистов-революционеров⁴.

Становясь известными, подобные инциденты, разумеется, осложняли деятельность органов местного самоуправления (уже упоминавшийся Архангельский в итоге был лишен права на разъезды по решению губернатора), хотя наиболее ценные сотрудники могли рассчитывать на заступничество управы. В феврале 1897 года в Уфимское губернское земство был принят поднадзорный статистик А.Д. Цюрупа, определенный, по решению департамента полиции, на «должность канцелярского характера, не сопряженную с разъездами по губернии для собирания статистических и иных материалов». Однако через несколько месяцев губернская управа высказала желание «воспользоваться г. Цюрупой как опытным статистиком». Ходатайство земцев, утверждавших, что Александр Дмитриевич за время работы «заявил о себе с лучшей стороны», было направлено губернатору, «хозяин губернии» обратился в департамент полиции, и 8 апреля 1898 года Цюрупа получил разрешение на разъезды⁵.

В заключение необходимо отметить, что широкое использование земцами разъездных форм работы было обусловлено, прежде всего, преобладанием в губернии сельского населения, относительно низкой плотностью последнего, а также недостаточно быстрым увеличением числа квалифицированных специалистов. Регулярно посещая все, даже самые отдаленные, селения своего уезда, земские служащие (врачи, инженеры, агрономы, инструкторы) выполняли не только социокультурную, но и интегрирующую функцию. В свою очередь, органы земского самоуправления за четыре десятилетия существования, выработали достаточно взвешенные

---

¹ Журналы Уфимского губернского земского собрания XXXIV очередной и XLI чрезвычайной сессий 1908 и 1909 годов. Уфа, 1909. С. 332.

² Центральный государственный архив общественных объединений Республики Башкортостан (ЦГАОО РБ). Ф. 1832. Оп. 4. Д. 59. С. 5-6, 19-20, 27.

³ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 1. С. 1-5.

⁴ ЦГАОО РБ. Ф. 1832. Оп. 3. Д. 126. С. 10.

⁵ Научный архив УНЦ РАН. Ф. 49. Оп. 1. Д. 96. Л. 1-32.

подходы к регулированию данной сферы, поощряя разъезды только тех категорий сотрудников, для которых командировки являлись необходимым условием профессиональной деятельности. Единственным крупным недостатком сложившейся системы являлась практика выдачи «открытых листов», что существенно снижало скорость и уровень комфорта передвижений служащих.

© Полянина О.А., 2011.

Салимьянов Р. Ф.

Развитие рудоискательства башкир Сибирской дороги в XVIII в.

Ведущей отраслью хозяйства башкир Сибирской дороги в первой половине XVIII в. было полукочевое скотоводство, которое носило у них экстенсивный характер: скот круглый год содержался на подножном корму. О развитии земледелия Сибирской дороги, следует сказать, что в рассматриваемое время оно находилось в зачаточном состоянии¹. Для ведения подобного скотоводческого хозяйства необходимо было наличие обширных пастбищных угодий, которые по мере развития промышленности все больше и больше отводились под нужды горных заводов.

Поэтому на начальной стадии строительства горных заводов башкиры Сибирской дороги оказывали активное сопротивление: скрывали известные месторождения железных и медных руд, не допускали на свою землю геодезистов, разгоняли работников рудников, разрушали и сжигали сооружения.

Так, главный начальник уральских и сибирских заводов В. И. Геннин, подробно описывая события, связанные с освоением Гумешевского месторождения медной руды и строительства Полевского медеплавильного завода, пишет: «А в 1718-м году, июня 10-ого дня, Гельжеутской волости башкирцы Чюбар Балагушев с товарищи, собрався многолюдством, и на том руднике то все строение выжгли и работных людей согнали»². Об этом случае В. И. Геннину, по-видимому, сообщил В. Н. Татищев, так как именно последнему была вручена именная грамота Петра I от 10 декабря 1720 г. В этой грамоте власти запрещали башкирам чинить «помешательства» строительству заводов и разработке рудников и просили оказывать всяческую помощь в поисках руды.

Копию данной грамоты, а также указы из Правительствующего Сената и Берг-коллегии В. Н. Татищев отправил местным властям, в частности к уфимскому воеводе и стольнику И. Е. Бахметеву. В письме от 23 мая 1721 г., адресованного В. Н. Татищеву, уфимский воевода доносил, что

---

¹ Янгузин Р. З. Хисамитдинова Ф. Г. Коренные народы России. Башкиры. Уфа, 2007. С. 116–117.

² Геннин В. И. Описание уральских и сибирских заводов. 1735 г. М., 1937. С. 507.

на все четыре «дороги» отправил уфимских дворян с наказами с призывом к «башкирам и другим иноверцам во всем быть послушным», а также «кто оные рудокопные места ведает, чтоб они объявляли Вашему благородию, и прочим при том деле обретающимся и никакого воспрещения отнюдь бы не чинили»¹. Кроме того, на все четыре дороги были разосланы переведенные тексты Берг-привилегии.

Мероприятия и призывы горных властей не прошли бесследно: 7 июня 1721 г. в Уфу явились сотник Сальютской волости башкир Чубар-батыр Балагушев с «товарыщи» и заявили местным властям, что они в постройке заводов и поиске руд препятствовать не будут. Обещание башкиры заверили своими подписями. Кроме того, сальютские башкиры сообщили о наличии в их вотчине медных руд². После этого Балагушев еще раз разогнал горных работников, за что был вызван в Уфу и некоторое время находился там под арестом. В этом же году Чубар Балагушев привез в Уфу образец руды, обысканный им в верховьях р. Чусовой. По пробе выявилось наличие в руде серебра и меди³.

Однако, и после обращения властей с просьбой не чинить сопротивление горным властям башкиры Сибирской дороги продолжали выражать свое недовольство. Вскоре после приезда на Урал, В. И. Геннин столкнулся с этой проблемой. Отряд геодезистов, отправленный для поиска руд в бассейн речки Полевой, подвергся нападению башкир. Этот случай особенно запомнился начальнику горных заводов: оставленный чуть ли не один, убежавшими солдатами и рабочими, на месте постройки нового завода, он серьезно испугался за свою жизнь⁴. Незадолго до этого происшествия Геннину, находившемуся на Уктусском заводе, рудный промышленник Федор Молодов сообщил, что башкиры, живущие по реке Чусовой, сожгли строения строящегося комиссаром Бурцевым завода⁵.

Для освоения месторождений этого района были возведены фортификационные сооружения, куда был дислоцирован сибирский полк. Эта оборонительная линия, состоящая из земляного вала и надолбов, получила название Горный Щит. Только после постройки Горного Щита башкиры «пришли в страх» и поставили свои тамги с обещанием больше не оказывать сопротивления⁶.

До начала 30-х гг. XVIII в. башкиры Сибирской дороги воздерживались от какого-либо участия в промышленном освоении природных ресурсов региона. Горные власти знали, что башкиры как коренные жители края, были хорошо осведомлены о богатствах уральских недр, в том числе о месторождениях железной и медной руды. Так, в 1725 г. башкир Сибирской дороги Измаил Тиранбаев показал бывшему в бегах

¹ «Горная власть» и башкиры в XVIII веке. Уфа: «Гилем», 2005. С.114–115.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 236–236 об.

³ Асфандияров А. З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 229.

⁴ Геннин В. И. Указ. соч. С. 75.

⁵ Там же. С. 508.

⁶ Там же. С. 509–510.

подьячему Каменской заводской конторы Максиму Некрасову камень и уверял его, что «из оногo камня родится золото». Образец данного камня он взял в старинных коях в степи за рекой Уй в Катлы-Карагайских борах. Однако башкир-рудознатец заявил М. Некрасову, что не желает ставить в известность никого о находке, и просил найти мастера, умеющего плавить руду¹. Об этом же руднике, по-видимому, говорил во время допроса находящийся под следствием за уголовные дела в Екатеринбургской канторе судных и земских дел, колодник Семен Шангин. По его показаниям следует, что в период строительства Екатеринбургского завода занимался он кладоискательством («бугровал») в степях Башкирии. В верховьях реки Яик в междуречье с рекой Ай бугровщик обнаружил три старых рудника и неподалеку от них плавильные печи и красный каменный стул. По предположению подследственного в этих рудниках когда-то велась добыча медной руды². Через 8 лет после вышеописанной находки колодник Семен Шангин во время сыска беглых работных людей Константина Гордеева побывал у своего старого знакомого башкира деревни Ашалбаево Айлинской волости Ашалбая. Указанный башкир просил у Семена Шангина привести плавильного мастера для плавки предполагаемой золотой руды. Однако Ашалбай, как и Измаил Тиранбаев, не раскрыл перед Шангиным местонахождения копи. Вместо этого он лично съездил за рудой, после чего они вместе её обожгли. Ашалбай, уверенный в золотоносности привезенной им руды, крепко стоял на своем: «как-де с мастером будешь, а башкирцы уедут кочевать, то-де в то время в бору наплавим»³.

Самое раннее обращение башкир Сибирской дороги в местную горнозаводскую администрацию с доношением о находке месторождений металлических руд относится к 1732 г. Пионером рудоискательной деятельности здесь выступил башкир д. Иртышской вблизи оз. Иртыш Мякотинской волости Янгельда Бигишев. 20 января 1732 г. он в Сибирском Обер-бергамте объявил о том, что он вместе с Кинзекеем Кырлановым (Терсятская волость) и Собаком Кучеевым (Кынырская волость), будучи в степи для ловли зверя, обыскали месторождение медной руды в Ногайской дороге в Тамьянской волости в вершинах реки Белой по речке Мелеуш. В своем доношении рудоискатель также просил направить вместе с ним горного специалиста и толмача. Представленный Бигишевым образец руды содержал 19 фунтов черной меди. За старание и «радение» в поиске руды 21 января 1732 г. он был первым из башкир Сибирской дороги удостоен статуса рудознатца и награжден «прочетным указом». В апреле рудоискатель принес еще образец руды с этого же места: по пробе из центнера вышло 13 фунтов черной меди. 27 апреля 1732 г. в Сибирском Обер-бергамте было решено направить в указанное Я. Бигишевым место разведочную экспедицию в составе берг-гауэра Павла Бривцына, школьника Семена Шилова и толмача Василия Казанцева. В этой геологической экспедиции, работавшей с 1 мая по

---

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 256. Л. 212–212 об.

² «Горная власть» и башкиры ... С. 151.

³ Там же. С. 151–152.

12 июня, проводниками были сами рудоискатели – Янгильда Бигишев и Кинзекей Кырланов¹.

15 июня 1732 г. руководитель экспедиции П. Бривцын в Сибирском Обер-бергамте доносил, что «около одного рудника в близости удобных рек и мест к строению заводскому не имеется»². Из трех образцов руды, привезенных из месторождения разведочной группой, вышло соответственно 16, 12, и 3¹/₂ фунтов черной меди³.

После возвращения из экспедиции Я. Бигишеву стало известно о намерении отдельных вотчинников Мякотинской и Катайской волостей наказать его за оказание помощи горным специалистам. По словам Кутлемета Бигишева, заговорщики грозились Янгельду убить, а «посланных из Екатеринбургга плетьми выстегать»⁴.

Следует отметить, что многие рудоискатели поиском руды подвергали себя и своих близких смертельной опасности. Однако, несмотря на риск, они продолжали заниматься данной деятельностью. 19 июня 1732 г. Янгельда Бигишев доношением просил в Екатеринбурге о защите своей семьи от недовольных соплеменников, а также о выдаче ему вознаграждения за прииск. 24 июня того же года Сибирский Обер-бергамт определил для защиты Я. Бигишева послать в Уфимскую канцелярию промеморию, а за прииск выдать ему 4 рубля⁵.

22 мая 1734 г. башкир Упейской волости д. Араслантау Араслан Баймаратов доношением в Полевскую заводскую контору объявил о находке железной руды по речке Нязе в горе в 50 верстах от Полевского завода. По прошению он получил «прочетный указ». Из центнера руды вышло 50 фунтов чугуна. Однако по причине неявки рудоискателя в заводскую контору освидетельствования месторождения не состоялось. Позже на базе этого рудника функционировал Нязе-Петровский завод П. И. Осокина⁶.

Представляется интересной история освидетельствования магнитного железняка горы Атач (знаменитая гора Магнитная). Так, в августе 1738 г. башкиры Сибирской дороги Каратабынской волости деревни Максимовой Алиш Максимов, Сеит Чекасов и Исян Багарин объявили в Исетскую провинциальную канцелярию о находке камней и магнитной руды, образцы которых они предоставили воеводе Ивану Татищеву. Кроме того, они сообщили о том, что из привезенной магнитной руды с г. Атач башкиры издавна изготовляли уклад. Эти образцы были отправлены в Екатеринбург в Канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов. Воевода Исетской провинции наградил рудоискателей 5-ю парами сапог общей стоимостью 4 руб.

---

¹ «Горная власть» и башкиры ... С. 118–123, 209, 210.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 167. Л. 180.

³ Там же. Л. 193.

⁴ «Горная власть» и башкиры ... С. 122.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 167. Л. 205.

⁶ «Горная власть» и башкиры ... С. 127, 211.

Весной 1739 г. при описании имущества в доме абыза Махмута Мамеделина был найден образец руды. Во время допроса подсудимый признался, что взял руду в г. Атач.

В 1739 г. старшина Кубелякской волости тархан Баим Кидряев и башкиры его волости показали штейгеру Маркову и переводчику Роману Уразлину месторождение железной руды на левом берегу р. Яик, на горе Атач. Проба по доставленным образцам дала 75% железа¹.

Указанные выше свидетельства о наличии в г. Атач железной руды инициировали организацию в 1741 г. очередной геолого-разведочной экспедиции в район верховьев рек Ай, Уфа, Миасс и Уй. Эта экспедиция, руководимая шихтмейстером Ф. И. Санниковым, привезла в Екатеринбург 12 образцов различных руд и минералов. По пробе в Екатеринбургской лаборатории из образца под № 7, взятого в г. Атач, вышло из центнера 65 фунтов чугуна². Интересно отметить, что в 1741 г. Ф. Санников говорил о невозможности применения магнитного железняка г. Атач в металлургии, кроме использования его «к правлению компасов в мореплавании, понеже во оной магниты весьма изрядные находятся». Однако история говорит об обратном: в 1767 г. на магнитном железняке заработал Белорецкий железоделательный завод. В год пуска предприятия было выплавлено всего 3900 пудов чугуна – на заводе долгое время не могли освоить редко встречающейся в металлургической практике магнитный железняк. Вскоре этот технологический барьер был преодолен. В конце столетия на заводе выплавлялось от 100 до 175 тыс. пудов чугуна в год³.

Наряду с сообщениями о месторождениях железной и медной руды в Екатеринбург и близлежащие заводские конторы башкиры Сибирской дороги доносили о находках различных поделочных камней и минералов. Поиском и объявлением таких образцов занимались все те же рудоискатели. Энергичную деятельность в этом направлении развернул вышеуказанный башкир Янгильда Бигишев и его «товарыщи». Янгильда Бигишев выступил проводником и организатором рудоискательной деятельности в Сибирской дороге. Так, 20 июля 1750 г. он в должности старшины Мякотинской волости представил в Канцелярии главного заводов правления 2 фунта рудных камешков и белый кварц, которые обыскал в мае того же года вместе с башкиром Катайской волости Мустаем Усякаевым в 30 верстах от Нязе-Петровского завода в горе Корге.

Следует отметить, что интерес Екатеринбургской горнозаводской администрации к различным поделочным камням был вызван, прежде всего, с приездом командированного из Санкт-Петербурга специалиста Александра Жераховского с целью раздобыть сырье для Петергофской шлифовальной фабрики. Этот же визит спровоцировал появление в 1751 г.

---

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 143. Л. 191 об.

² *Корепанов Н. С.* Геологическая экспедиция Федора Санникова и Афанасия Кичигина 1741 г. и открытие горы Магнитной // Уральский геологический журнал. Екатеринбург, 1998. № 3. С. 83–98.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1960. Т. V. С. 668.

Екатеринбургской камнерезной фабрики. Кроме того, значительную роль в появлении и развитии данной отрасли промышленности сыграли многочисленные объявленные рудоискателями находки цветных поделочных камней. Так, 11 апреля 1751 г. Янгельда Бигишев, его племянник Диян Кучюков и башкир Катайской волости Умер Ямашев в Канцелярии главного заводов правления доношением предоставили минералы, найденные ими в пределах Табынской волости. Всего они предоставили 4 образца минералов.

Многие рудоискатели стремились получить прочетные указы, которые подтверждали статус рудознатцев и гарантировали свободу передвижения, а также освобождали от подушного и ясачного платежа. 15 апреля 1751 г. Янгельда Бигишев, уже имевший прочетный указ, обратился в Канцелярию Главного заводов правления с просьбой дать новый указ с добавлением трех рудоискателей: его племянника Диана Кучюкова, Умера Ямашева и башкира Сызгинской волости Кушкая Казнаева. Кроме того, в этом доношении они просили, «чтоб по означенным от партикулярных людей челобитьям (кроме важных дел) от того прииску весною, летом, и осенью не отлучать, а брать бы к тем делам зимнею порою, в которую того прииску не бывает»¹. Вскоре просьба просителей было удовлетворена: определением Канцелярии Главного заводов правления они получили новый прочетный указ, а в Оренбургску губернскую и Исетскую провинциальную канцелярии было предложено в теплое время года рудоискателей по «своим делам» не волочить².

27 сентября 1751 г. в Канцелярию главного заводов правления с просьбой предоставления прочетного указа обратились башкиры Мякотинской волости Алташ Калмакшурин с детьми Муртазой и Мухаметом Алташевыми. В своем доношении они указывали на то, что совместно со старшиной Янгельдой Бигишевым обыскали рудные места и белый хрусталь, которые были объявлены в Канцелярию 23 июля и 27 сентября того же года. Проба в Екатеринбургской лаборатории выявила содержание серебра и меди. О получении рудоискателей прочетного указа по источникам неизвестно³.

Особо следует упомянуть случай с просьбой Умера Ямашева о предоставлении ему и девяти жителям Куваканской волости прочетного указа. В октябре 1751 г. Умер Ямашев написал челобитную, где сетовал на невозможность производить разведочные работы по разным волостям по причине того, что прочетный указ находился у Янгельды Бигишева, который «означенный же Янгельда со мною не одной волости и чрез немалое расстояние живет». К этому челобитью присоединились еще девять рудоискателей этой волости: Алембай Косоев, Султан Кильдиев, Есупкул Касуев, Урузай Юмашев, Инюкай Мяушев, Асен Тугдаков, Кусюк Тайдаков, Ачитер Татмасов, Якшимет Кулушев. 7 октября того же года в Канцелярии вынесли решение о выдаче Умеру Ямашеву заверенной копии старого

¹ «Горная власть» и башкиры... С. 157–158.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1311. Л. 405–406 об.

³ «Горная власть» и башкиры... С. 171.

прочетного указа, а остальным просителям было отказано, так как «объявленные от них камене о довольстве и доброте их еще не разведаны»¹.

В начале 60-х гг. XVIII в. среди рудоискателей Сибирской дороги появляется еще одна значительная фигура: башкир Барынтабынской волости Сулейман Султанаев. 20 января 1763 г. он совместно с другим башкиром этой же волости Дусуном Бускаковым сказкою объявили в Канцелярии о находке камней в полуверсте от д. Божиновой по реке Аю вблизи озера Сасыкуль, а также в вершинах речки Кандыбулака в горе в 15 верстах от Уклы-Карагайской крепости и 4 верстах от озера Табанлыкуль. По предположению рудоискателей, найденные ими образцы являлись серебряной рудой. В случае «благонадежности» образцов они претендовали на вознаграждение. Однако по пробе в Екатеринбургской лаборатории образцы оказались пустыми².

В марте 1763 г. Сулейман Султанаев обратился в Канцелярию с просьбой выдать ему и группе рудоискателей, куда помимо башкир входили 4 крестьянина Арамильской слободы, прочетный указ. Всего просителей было 22 человека, включая Сулеймана Султанаева. Месяцем позже он вместе с Умером Ямашевым вновь обратились в Канцелярию сказкою, где указывали, что 7 башкир просили не вносить их имена в прочетный указ. Таким образом, рудоискателей, желающих получить прочетный указ, осталось 15 человек. В октябре того же года по решению Канцелярии главного заводов правления прочетный указ был выдан 11 просителям-башкирам³.

В это же время в качестве рудоискателя выдвинулся сотник Сальютской волости Салей Бускунов. По его заявлению в Канцелярии главного заводов правления он и еще 20 башкир Сальютской волости получили прочетный указ, разрешивший им производить разведку за реками Уем, Тоболом и Ишимом. В Екатеринбурге его группы снабдили необходимыми для поисковых работ инструментами⁴.

Многочисленные объявления как русских крестьян, так и коренных народов Урала, в частности башкир, о находке якобы месторождения золота, и предоставленные ими образцы золотой руды в подавляющем своем большинстве оказывались если не вымыслами, то пустой породой или месторождениями других металлов. Однако 9 марта 1764 г. в Канцелярии сказкою объявили Сулейман Султанаев и Умер Ямашев, что они еще в 1762 г. обыскали «мелкую землю с небольшими камешками» вблизи озера Кундравы. За найденный прииск рудоискатели просили вознаграждение. В рапорте унтер-шихтмейстера Ивана Никонова было указано, что образец содержал золото. Указанный башкирами золотосодержащий прииск, насколько можно судить по источникам, был освидетельствован три раза тремя разными горными специалистами. Первым освидетельствовал место

¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1311. Л. 413–413 об.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1744. Л. 27–27 об.

³ «Горная власть» и башкиры ... С. 180–182, 223–224.

⁴ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1956. Т. IV. Ч. 2. С. 597.

унтер-шихтмейстер Иван Колокольников, затем последовательно унтер-штейгеры Федор Ворман (март 1764 г.) и Яков Шкулев (август 1764 г.). Группы Вормана и Шкулева накопили по 100 пудов руды. Несмотря на действительное наличие золота Кундравинский прииск, по причине низкого содержания этого драгоценного металла, не разрабатывался и был заброшен¹. По мнению уральского историка Н. С. Корепанова, открытие Сулеймана Султанаева и Умера Ямашева явилось одной из первых достоверных золотоносных приисков, указанных башкирами-рудоискателями. Он так же отмечает, что «это одно из первых известий о золотоносном районе бассейна р. Миасс»². В 1764 г. башкиры Курабатыр Балсаров и Кичкиней Курманаев в междуречье Уфалея и Илашлы нашли месторождение золота. Помимо этого они обыскали еще несколько золотоносных мест в 12 верстах от Уфалейского завода вблизи оз. Иткуль³.

Важно заметить, что горнозаводская администрация, несмотря на выдачу прочетных указов и определений губернским и провинциальным властям с требованием защиты определенных интересов рудоискателей, в целом относилась к ним пренебрежительно. Ярким примером подобного отношения горных властей к рудоискателям-башкирам является история деятельности Умера Ямашева. В феврале 1765 г. он доношением обратился в Канцелярию о вознаграждении за обысканные им в 1752 г. залежи поделочных камней⁴. По справке из Канцелярии стало известно, что доношением от 24 февраля 1752 г. он вместе с Кашкаем Казнаевым представили 3 вида яшмы, 2 вида красного агата с зелеными, желтыми и белыми прожилками и предположительно порфир. После освидетельствования и пробы эти образцы были утверждены как годные для промышленной обработки. По причине того, что определенный от Оренбургской губернской канцелярии мастер-каменотес не указывал места добычи и первичной обработки поделочных камней за объявленные образцы награждения не производилось. 28 февраля 1764 г. Сулейман Султанаев и Умер Ямашев предоставили в Канцелярию вновь отысканные образцы полудрагоценных камней. Канцелярия вынесла решение отложить выдачу награждения до промышленной разработки приисков, а за пробную резку и шлифовку предоставленных образцов у рудоискателей было взыскано 43 копейки⁵. В последующие годы интерес башкир Сибирской дороги к поискам поделочных камней пропал.

Конфликтные ситуации у рудоискателей возникали и с частными горнозаводчиками. Например, обысканный в вершине р. Миасс Сулейманом Султанаевым и его братом Муратбакием рудник в 1767 г. был захвачен работниками Саткинского завода во главе с его приказчиком Андреем Филипповым, которые развернули на руднике подрывную разработку.

¹ «Горная власть» и башкиры ... С. 182, 224.

² Там же. С. 224–225.

³ *Асфандияров А. З.* Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI–первая половина XIX в.). Уфа, 2006. С. 229.

⁴ «Горная власть» и башкиры ... С. 183.

⁵ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1744. Л. 35–40.

В июле месяце они, нагрузив 25 телег медной рудой, добытой как своими силами, так и оставшимися от башкирских рудоискателей 100 пудами, увезли в Саткинский завод. Рудоискателям приказчик пообещал 100 рублей за прииск месторождения, а те требовали не менее 1000 рублей. Однако поверенный графа Александра Сергеевича Строганова ни копейки им не выдал, уверяя башкир в том, что рудник отведен Оренбургским горным начальством Саткинскому заводу¹. 16 января 1768 г. Канцелярия главного заводов правления вынесла решение поручить разбирательство данного инцидента Оренбургскому горному начальству, так как Саткинский завод состоял в ведомстве этого начальства². В горном начальстве дело было положено под сукно.

В конце 60-х гг. XVIII в. попытались заняться рудоискательством башкиры Чирлинской волости Сибирской дороги. В декабре 1768 г. Кушумбай и Кужебай Итбуковы, Тиимбай Бусаков, Кутлы Якшиметев и татарин Арской дороги Казанской губернии деревни Тюмершек Шамгул Аширов доношением представили 4 образца руды, где они говорили, что раскроют местонахождение приисков только после пробы руды. Следует признать находчивость и прозорливость башкир Чирлинской волости, так как многие рудоискатели, раскрывая место прииска, нередко оказывались обманутыми.

© Салимьянов Р. Ф., 2011.

Самситдинов И.З.

Деятельность Белорецкого городского Совета накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)

В настоящее время в Российской Федерации продолжают осуществляться политические преобразования, целью которых является укрепление вертикали государственной власти. В этом процессе важное место отводится реформе местного самоуправления, начатой в 2006 году в небольшой группе регионов, наиболее подготовленных к ней, в том числе и в Республике Башкортостан, в соответствии с Федеральным Законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Для определения основных направлений реформирования муниципальной деятельности важно учитывать наследие прошлого. Одной из организационных форм местного управления в советский период были городские Советы, которые стали в дальнейшем основой для трансформации традиционной системы российского управления³.

¹ «Горная власть» и башкиры ... С. 184–185.

² ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1881. Л. 89 об.–90.

³ *Шаяхметова И.З.* Городские Советы Башкирской АССР в 1919-1991 годах. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. С. 3.

По действовавшим конституционным принципам в СССР городские Советы обладали значительными полномочиями, в том числе законодательными. Однако уже с середины 1920-х годов их демократизм был сведен к формальным процедурам, а исполнительный аппарат выходил из-под контроля Советов. Окончательно эта черта оформляется в 1940-1970-е годы. Управление в Советах перешло сначала к их исполнительным комитетам, затем к президиумам исполнительных комитетов, наконец, сами президиумы исполнительных комитетов оказались в полном подчинении партийных органов. Власть сохранялась в руках номенклатуры, хотя формально издавалось огромное количество законов с формулировкой «О дальнейшем усилении роли Советов»¹.

Последние выборы перед войной в городские Советы Башкирии были проведены в 1939 году, первые послевоенные в 1947 году. На протяжении восьми лет все функции управления городами были сосредоточены в руках городских комитетов партии и исполнительных комитетов городских Советов. В годы Великой Отечественной войны оформилось правило, согласно которому исполнительный комитет городского Совета в лице председателя, заместителя председателя совместно с отделом кадров, обязательно в присутствии первого секретаря городского комитета партии, утверждал кандидатуры потенциальных кадровых работников и выдвиженцев при существовавшей одномандатной избирательной системе. О народном представительстве в этом случае можно говорить лишь условно².

Постановлением президиума Белорецкого городского Совета от 27 октября 1939 года был утверждён 96 избирательных округов. 24 декабря 1939 г. прошли выборы в Белорецкий городской Совет³. Выборы по всем избирательным округам города показали исключительную активность и единодушие трудящихся. Из 21045 избирателей, имевших право голоса, голосовало 20648 человек (98,1% к общему числу избирателей). Во всех избирательных округах в городской Совет за кандидатов блока коммунистов и беспартийных голосовало 19962 человек (96,6% всего избирателей участвовавших в голосовании)⁴.

Заседание первой сессии Белорецкого городского Совета прошло 2 января 1940 года, в котором присутствовало 96 новоизбранных депутатов. Открытие первой сессии было поручено старейшему депутату (врачу хирургу) Григорию Федоровичу Суровцеву. В этой же сессии городского Совета был избран исполнительный комитет в составе: председателя, заместителя председателя, секретаря и 15 членов. Председателем горисполкома единогласно был избран - Иван Григорьевич Бритов, заместителем председателя - Евгений Михайлович Сиваков и секретарем - Семен Михайлович Знаменсков⁵. Особый интерес представляет то, что в те

---

¹ Там же. С. 16-17.

² Шаяхметова И.З. Городские Советы Башкирской АССР в 1919-1991 годах. Автореф. дис ... канд. ист. наук. Оренбург, 2007. С. 18-19.

³ ЦГИА РБ. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 34. Л. 111, 145.

⁴ Там же. Д. 35. Л. 1.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 34. Л. 2-3.

годы секретарь Совета избирался из числа депутатов. На сегодняшний день чтобы стать секретарем Совета, даже не обязательно быть депутатом Совета муниципального района, городского округа или даже городского поселения.

Из всех депутатов – 52 члена состояли во Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) и 44 были беспартийными. По национальному признаку русских было большинство – 84 депутата, башкир – 4, татар – 4, украинцев – 2, латышей – 1, мордвин – 1¹. Относительно по национальному составу населения г. Белорецка по переписи 1939 г. можно сделать такую констатацию: русские составляли – 34142 чел., башкиры – 2009 чел., татары – 2975 чел., прочее население – 1440 человек. Всего в городе проживало – 40566 человек². То есть, национальный состав населения города был неоднородным. Таким образом, анализ архивных источников убедительно показывает о том, что в те годы ещё сохранился национальный паритет.

Образовательное состояние депутатов горсовета показывает следующее: высшее образование имели – 9 депутатов, среднее образование – 15 депутатов и без образования было – 72 депутата³. Таким образом, только 24 депутата имели высшее и среднее образование.

Если же судить по возрасту, то получается такая диспропорция: до 20 лет – 1 депутат, от 21 до 25 лет – 12 депутатов, от 25 до 30 лет – 10 депутатов, от 36 до 40 лет – 41 депутат, и старше 40 лет – 32 депутата. То есть, большинство депутатов составляло от 36 до 40 лет. Интересно то, что в 1939 году из 96 депутатов 38 из них составляли женщины⁴.

По роду занятий депутатов можно сказать следующее: рабочих производства составили – 41 депутат, учителей – 6, врачей – 2, инженеров – 5, общественных работников – 15, начальников цехов – 4, хозяйственных работников – 4, работников советских и профсоюзных организаций – 16, домохозяек – 3 депутата⁵.

На повестке дня городского Совета также было рассмотрено утверждение отделов и заведующих отделов, постоянных комиссий. Так, были образованы следующие отделы с заведующими: финансового – В. П. Рагулин, коммунального-хозяйства – М. И. Витушкин, торгового – Д. С. Агафонцев, здравоохранения – А. В. Нужин, народного образования – Б. Н. Дембицкий, социального обеспечения – Е. Ф. Мусатова, общего – М. Д. Зимица, местной промышленности – Н. Ю. Абдулфаттахов, земельного – Ш. М. Сайфутдинов, сектора кадров при председателе – Л. И. Холин, плановой комиссии – А. А. Малахов. Так же при исполкоме горсовета было образовано 6 постоянных комиссий - по бюджету, торговле, здравоохранению, промышленности, обороне и культурно-массовой работе⁶.

---

¹ Там же. Д. 35. Л. 5-7.

² Там же. Ф. Р-933. Оп. 1. Д. 2593. Л. 15-18 об.

³ Там же. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 35. Л. 9-11.

⁴ Там же. Л. 12-17.

⁵ ЦГИА РБ. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 35. Л. 18-23.

⁶ Там же. Л. 24-32.

С началом Великой Отечественной войны деятельность правительства республики, городских Советов стала более разнообразной. На первый план выдвинулись теперь функции укрепления обороны страны, мобилизации всех сил на отпор врагу. В работе Советов возникали большие трудности. Они обуславливались прежде всего тем, что не хватало опытных советских работников. Из 26880 депутатов, избранных в 1939 году в местные Советы Башкирии, к концу 1941 года имелось 10392. Наблюдалась частая сменяемость председателей и секретарей Советов. Во многих районах и городах республики довольно легкомысленно относились к подбору руководящих кадров исполкомов Советов. Такое отношение приводило к большей текучести низовых работников и к низкому качеству их работы¹.

Жилищная проблема в годы Великой Отечественной войны была самой острой и в Белорецке. Поскольку в городе оседало эвакуированное население. Анализ архивных источников убедительно показывает о том, что удельная норма жилья в расчете на одного человека в городе составляла всего 3,95 квадратных метра при существовавшей санитарной норме в 8 квадратных метров². В период военного времени решение жилищно-бытовых вопросов оставалось повседневной задачей городского Совета.

Белорецкий городской Совет руководил жилищно-коммунальным хозяйством, в сфере которого находились строительство и эксплуатация жилищного фонда, коммунальных предприятий и сооружений (водопровод, канализация, электростанция, внутригородской транспорт), учреждения бытового обслуживания. Однако, санитарное состояние города, особенно в первый период войны, находилось в неудовлетворительном состоянии. Об этом даже отмечалось на 19 сессии городского Совета, состоявшейся в марте 1943 года. Во многих местах отсутствовали помойные ямы, в общежитиях не было питьевой воды, что привело к распространению заболеваемости брюшным тифом. Горкомхоз не правильно эксплуатировал водопровод и не обеспечил хлорной известью. Однако 6 тонн хлорной извести не доставлялась из-за отсутствия транспортных средств. Из 32 мостов имевшихся в городе, было отремонтировано только – 27. В Белорецке имелось 167 жилых домов, в том числе занятых под учреждениями 85 домов, что составляло 6080 квадратных метров жилой площади. Из них только 27 домов было капитально отремонтировано на сумму 62400 рублей. Следует отметить, что Белорецкий металлургический завод, сталепроволочно-канатный и завод «Автотрактородеталь» всегда оказывали финансовую помощь при ремонте жилых домов в городе³.

Из-за плохой обеспеченности продуктами питания, Совет города Белорецка изыскивал дополнительные ресурсы для снабжения населения. Для увеличения местных источников производства продовольственных и

---

¹ Касимов С.Ф. Государственное строительство в Башкирской АССР в период Великой Отечественной войны // Башкортостан в стратегии Великой Отечественной войны: взгляд через 60 лет: Материалы республиканской научно-практической конференции посвященной 60-летию Победы. Уфа, 2004. С. 25-26.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 40. Л. 32-33.

³ Там же. 33-36.

промышленных товаров и повышения доступности населению товаров широкого потребления, большое значение имело образование на предприятиях города рабочего снабжения (ОРСов). В их распоряжении были переданы магазины, столовые, сельскохозяйственные подсобные предприятия. Городской Совет отводил ОРСам земельные участки для посадки картофеля и других овощей, обеспечивал население продовольствием путем развития коллективного и индивидуального огородничества. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 апреля 1942 г. «О выделении земель для подсобных хозяйств и огородов рабочим и служащим», он обязал выделить под огороды пустующие земельные участки в городе, свободные земли государственного фонда вокруг города Белорецка¹.

В неудовлетворительном состоянии находились школы г. Белорецка. В заседании исполнительного комитета Белорецкого городского Совета депутатов трудящихся от 9 февраля 1942 года отмечалось, что из-за нехватки транспорта многие школы не были обеспечены дровами на зимний сезон 1941-1942 года. За исключением школ № 9, 10 и 15 учащимся не были организованы горячие завтраки. Большую материальную помощь оказывали в основном предприятия города. Успеваемость в школах за первую четверть 1942 г. была недопустимо низкой².

Во многих больницах города не хватало белья, мыла и продуктов питания. Были случаи, когда хирургическая больница города иногда не отапливалась несколько суток, хотя имела при своем хозяйстве пять лошадей. Подвозка дров осуществлялась очень слабо. Население в основном болело желудочно-кишечными заболеваниями, паразитарным и брюшным тифом. Остро стояла и проблема с кадрами, поскольку в городе имелось всего четыре терапевта и три педиатра³. Об этих недостатках говорилось практически во всех сессиях городского Совета на протяжении всего периода военного времени.

В 1943 г. по стране быстрыми темпами росла детская беспризорность. По Башкирии сеть детских комнат при органах милиции НКВД СССР функционировала только в г. Уфе. Этого явно было недостаточно, поскольку детская беспризорность в городах Башкирии возросла в несколько раз, но особенно широкий размах получила в Белорецке. Учитывая напряженную обстановку, в 1943 г. в городе была открыта детская комната при органах милиции НКВД СССР. Большую роль при открытии сыграл городской Совет⁴.

Белорецкий городской Совет был составной частью всей системы государственной власти предвоенного и военного времени. Благодаря Совету

---

¹ Шаяхметова И.З. Мероприятия городских советов БАССР по снабжению населения и торговле в предвоенные десятилетия и в годы Великой Отечественной войны // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 2009. С. 307.

² ЦГИА РБ. Ф. Р-1019. Оп. 2. Д. 39. Л. 54.

³ Там же. Д. 40. Л. 6-11 об.

⁴ ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 3004. Л. 3 об.

уже в начале войны вся общественно-политическая и хозяйственная жизнь города была перестроена в соответствии с новой обстановкой. Были сосредоточены лучшие силы на важнейших участках работы, им удалось вдохновить трудящихся на борьбу с коварным и сильным врагом, на самоотверженный труд во имя Победы. Для решения новых задач совершенствовалась работа городского Совета и общественных организаций. Вместе с тем, несмотря на недостаток финансирования, Совет реально заботился о материальном и социальном обеспечении населения.

Если сравнить с сегодняшним днём, то многие функции городских Советов остались практически без изменений. Только из под контроля Советов вышел полностью силовой блок. На сегодняшний день органы суда, прокуратуры и полиции не подчиняются ни к местному Совету, ни к местной администрации. К сожалению, во многих городских и муниципальных районных Советах многие жилищно-коммунальные и социальные вопросы остаются не решёнными, или даже формально решёнными.

© Самситдинов И.З., 2011.

Тамимдарова Р.Р.

К вопросу о семантике бус средневекового населения Южного Приуралья

Многим вещам далекой древности обыватели, а зачастую некоторые исследователи присваивают, наряду с практической, утилитарной функцией непреходящий сакральный смысл. Не остались в стороне и бусы. В современном мире им, ставшим уже в большей степени предметами украшения, так же продолжают приписывать охранительные и лечебные свойства. По представлениям, не только сам материал, форма или декор изделия несут защитную функцию, но и месторасположение бусины или же целого ожерелья также наделяется магическим смыслом.

В данной статье затрагивается вопрос о семантике бус из средневековых могильников бассейна рр. Уфа и Белая.

Бусы являются массовым находками в могильниках Приуралья III-VIII вв. н.э. Исследовано 33 757 экземпляров бус, пронизей и подвесок из различных материалов, происходящих из Ангасякского, Бирского, Старокабановского и Югомашевского некрополей. Все найденные бусы (за исключением, возможно, металлических) – изделия мастеров Востока, Кавказа и Причерноморья, откуда и могла быть заимствована вера в чудодейственные свойства украшений. Вероятно, критерием ценности бус наряду с их редкостью и красотой, были и их сверхъестественные качества, о которых рассказывали купцы, обменивая каменные и стеклянные бусы на меха.

В процентном соотношении 99 % найденных бус – изделия из стекла. Остальную часть составляют изделия из металла (22 экз.), поделочного камня (29 экз.), янтаря (84 экз.), коралла (171 экз.), створок раковины моллюсков *Turbo marmaratus* (1187 экз.) и подвески из раковин каури (114 экз.).

Наибольшим сакральным смыслом наделялись бусы из поделочных камней. Они служили оберегами от несчастий, болезней, «дурного» глаза. Причем, как отмечает Леммлейн, различные камни исцеляли разные болезни, предохраняли различные части тела, действительны были в различное время года и т. д.¹ Стремление наделять камни магическими свойствами проявляется особенно ярко, когда в обществе возрастает склонность к мистицизму. Скептицизм по поводу чудесных свойств камней проявляли ученые еще две тысячи лет назад. В этом отношении очень интересно высказывание Плиния Старшего: «Когда вырежут на них (камнях из аметиста) название луны или солнца и в таком виде повесят их на шею на волосах павиана или на перьях ласточки, то якобы противодействуют они сговору и пр. Я думаю, что это они написали не без презрения к роду человеческому и посмеяние над нами».

Не менее решительно против веры в магию камней выступил Бируни, который даже ставил специальные опыты, опровергая суеверия. Так, повествуя о книге Утарида «Полезьа от камней», Бируни замечает: «Он включил в нее заклинания и заговоры и тем ее обесценил». Но все же часть подобных сведений Бируни также включил в свою «Минералогию», обычно с оговорками. А. Семенов, собиравший в Средней Азии различные сведения о цветных камнях, заметил, что вера в силу и значение драгоценных камней почти не распространена в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Семиреченской областях. По объяснению мулл, здесь живет степной народ, плохо разбирающийся в камнях, а далее на юг - в Персии, Афганистане и Индии благородным камням придается большое значение: они влияют на организм и судьбу человека, на атмосферные явления, на потусторонний мир. В христианских странах цветным камням, кроме лечебных и охранительных свойств, придавалось значение символов христианских добродетелей.

Так, например, **сердолику**, наиболее распространенному камню средневековья, всегда приписывались различные лечебные свойства – считалось, что он облегчает роды, помогает излечивать опухоли. Для этого грузинский источник X в., содержащий перевод трактата Епифания Кипрского, советует растирать сердолик в воде и этой водой натирать больного. Вера в целительные способности этого камня, видимо, была так велика, что ее объясняли уже в наше время физическими свойствами сердолика – повышенной радиоактивностью. Однако было замечено, что радиоактивность сердолика не превышает радиоактивности целебных грязей и некоторых минеральных вод. Сердолику, как и другим камням придавались и магические свойства. По легенде Мухаммед произнес слова: «Кто носит в

---

¹ Леммлейн Г.Г. Минералогические сведения, сообщаемые в трактате Бируни // Абу Райхан Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (минералогия). М., 1963. С. 318.

перстне сердолик, тот постоянно пребывает в благоденствии» и «Носите перстень с сердоликом, ибо, поистине, он изгоняет бедность». Считалось, что сердолик спасает во время землетрясения¹.

Говоря о сердолике, Бируни определяет более темные экземпляры как мужские, а более светлые как женские². В исследованной нами выборке найдены сердоликовые бусы различных расцветок, но недостаточный анализ антропологического материала не позволяет нам подтвердить либо опровергнуть данное утверждение. Однако на материалах Самтаврского могильника данная тенденция нашла подтверждение³.

В христианских странах сердолик обозначал пламень веры и кровь мучеников и т.п.⁴

Горный хрусталь, встреченный в нашей коллекции в единственном экземпляре, почитался с древности. «Ценность его заключается в прозрачности и сходстве с двумя основами жизни – водой и воздухом» - характеризует хрусталь Бируни⁵. Помимо украшений, сосудов, печатей, хрусталь в виде шлифованных линз использовался как лупа уже во времена Бируни⁶.

Вера в целебную силу **янтаря** пережила века. О лечебных свойствах его писал еще Ибн Сина в 1019 г. Он называл янтарь лекарством от многих болезней и недугов: от перебоев сердца, от кровохаркания, от болей в желудке и животе, от обморока и лихорадки. Янтарь связывает кровь из ран, прекращает рвоту. Способствует заживлению трещин на ноге и помогает устранить неудобу. По древнейшим славянским поверьям янтарь – камень здоровья, силы и красоты⁷.

Кораллы также охотно использовался средневековым населением. Как о нем писал Бируни «... если бы они не ценился так высоко, цари не преподносили бы их друг другу...»⁸.

Охранную функцию деторождения несли, по всей видимости, **раковины каури**, входившие в состав украшений, являясь непременной частью женского ожерелья. Считалось, что они обладают свойством отпугивать злых духов. Как предполагают исследователи, существовавшее у всех тюркоязычных народов Средней Азии и Казахстана название раковины каури – «змеиная голова» (*йылан баши* – туркм.; *илон баши* – узб.; *жиландыш баши* – кирг.; *жылан басы* – каз.) и определенное ее сходство с головой змеи, открывшей пасть, позволяет предположить, что представление населения о магической силе каури было связано с бытовавшим в прошлом

---

¹ Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991. С. 12-13.

² Леммлейн Г.Г. Указ. соч. С. 304.

³ Ковалевская В.Б. Хронология восточно-европейских древностей V-IX вв. Вып.1. Каменные бусы Кавказа и Крыма. М., 1998. С. 15.

⁴ Полубояринова М.Д. Указ. соч. С. 18

⁵ Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). М., 1963. С. 170.

⁶ Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Указ. соч. С. 60.

⁷ Сребродольский Б.И. Мир янтаря. Киев, 1988. С. 69-71.

⁸ Абу-р Райхан Мухаммед Ибн Ахмед ал-Бируни. Указ. соч. С. 179.

культе змеи¹. Применение раковин каури в качестве наконечников привесок зафиксировано в этнографических материалах обских угров. У теленгитов девушки с достижением брачного возраста вплетали в косы новые украшения, сделанные из бус и раковин каури (символов богини матери Умай)².

Оберегами выступали глазчатые **стеклянные бусы**. В древнем Египте покойного покрывали сеткой из нанизанных бусин, совершая погребальный ритуал, место захоронения осыпали бисером, надевали ожерелья на шею мумий священных крокодилов. Магическую, охранительную силу имели бусы и в античное время³.

Специальный декоративный мотив, который прослеживается на бусах с IV-III тыс. до н.э., это глаз. Изначально, еще до изобретения стеклodelия, человек подыскивал поделочные камни, которые при обработке и особой полировке могли проявить на поверхности узор, напоминающий глаз. Бусины агата, слоистость которого при круговой шлифовке производит впечатление глаза, занимали центральное место в ожерелье (например ожерелье из погр. 45 из Ура XIII-XIV вв. до н.э.).

Вопрос, когда сакральный смысл впервые стал приписываться глазам людей, остается спорным. «Дурной» взгляд впервые упоминается в документах I тыс. до н.э., которые, однако, в свою очередь могут быть копиями более старых текстов⁴.

Изображение глаза в египетском искусстве, стеклянные головки с выпученными глазами и глазчатые бусины, впервые появившиеся также в Египте и на Ближнем Востоке, по мнению многих исследователей, находятся в определенной преемственности⁵. Вера в дурной глаз также была широко распространена в исламском мире. К примеру, глазчатые бусины в Турции использовались не только в ожерельях, но и закреплялись на предметах или животных. Глазчатые бусы из самых различных материалов распространяются с исламом по всей Передней Азии, Индии и даже до Китая⁶.

Изучая глазчатые бусы сармат Нижнего Поволжья, О.Н. Мошева приводит интересные данные. Так, она указывает на следующие версии происхождения глазчатых бус: 1. бусы стали глазами, которые могут видеть во всех направлениях и, таким образом, могут служить защитными амулетами против сглаза; 2. глаза на бусах – это символ материнских глаз, охраняющие младенца в моменты, когда взор матери временно отведен; 3. идея глазчатых бус сформировалась как подражание «очкам» кобры-нага.

---

¹ Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. – М., 1986. С. 190.

² Крыласова Н.Б. История прикамского костюма. Костюм средневекового населения Пермского Предуралья. Пермь, 2001. С. 74, 140.

³ Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. Вып. Г1-12. М., 1975. С. 11.

⁴ Uta von Freeden. Perlen – Kulturbegleiter der Menschheit // Perlen Archäologie, Techniken, Analysen. Akten des Internationalen Perlensymposiums in Mannheim. Bonn, 1997. P.4-5.

⁵ Алексеева Е.М. Указ. соч. С. 11.

⁶ Uta von Freeden. Указ. соч. P.4-5.

Защитница-змея ела крыс, распространявших болезни, которые угрожали человечеству истреблением. Узор на капюшоне змеи напоминает глаза, они сливаются с символическими представлениями о змеях (круги, спирали, линии и пр.) – лучшей защиты от Зла¹

По наблюдениям, сделанными этнографами на Кавказе в 30-х годах видна интересная деталь: старые женщины хранили в своей шкатулке 9-10 крупных бус, напоминающих археологические, и помнили значение каждой – с волнистой полоской вдоль центра – «от змей», желтая с мелкими глазками – «от оспы», синяя глазчатая – «от сглаза» и т.д. Голубые, черные с белыми крапинками или черные бусы с белыми опоясывающими полосками в Средней Азии должны были отвращать, отражать влияние дурного глаза². Очень часто глазчатые бусы нашивались на одежду ребенка для того, чтобы также уберечь его от «дурного глаза» и болезней. Большие глазчатые бусы древнее население Нижнего Поволжья навешивало в тех же целях на животных, но наибольшим спросом, по-видимому, у них пользовались монохромные бусы, и больше всего бирюзовые.

Известно, что бирюза и цвет бирюзы был одним из излюбленных цветов на Ближнем Востоке и тоже защищал от «сглаза»³. Жители Прикамья также использовали нитки голубых бус, надеваемых на ручку ребенка, как «охранителей от страха», «оберегателей от демонов»⁴. Такой же обычай прослеживается у манси – после рождения ребенка мать надевала ему на руку бисерный браслетик, который служил оберегом и часто носился до тех пор, пока ребенок не вырос⁵. У адыго-аланов, кроме «наружной» низки, носилась еще одна – «внутренняя», которая оборачивалась вокруг основания шеи, состояла из мелких одноцветных стеклянных бус и пронизок и не была видна: находилась под платьем. Как предполагает А.А. Иерусалимская, это тоже своего рода оберег от враждебных сил⁶.

В коллекции украшений рассматриваемых могильников есть проволочное височное кольцо с напускными бусинами (Бирский могильник, п. 565). Застежка кольца спеклась и бусины остались нетронутыми. Так древняя модница нанизала наряду с монохромными стеклянными и раковинными бусинами одну глазчатую. Глазчатых бусин в выборке – 36 экз. Из них синий цвет в качестве основы либо контура было выбрано для 22 экз., зеленый – 7 экз., черный – 3 экз. Среди монохромных бус большинство составляют бусы синего, голубого и бирюзового цветов.

---

¹ Мошева О.Н. Глазчатые бусы // Российская археология, 2008. №4. С. 24-25.

² Иерусалимская А.А. Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII-IX вв.) // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма): Том 1. Материалы III Международной археологической конференции. Самара, 2001. С.95.

³ Галкин Л.Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное // Советская археология. 1984 № 2. С. 217.

⁴ Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Взаимодействие леса и степи Урало-Поволжья в эпоху средневековья (по материалам костюма). Пермь, 2006. С. 81.

⁵ Крыласова Н.Б. Указ. соч. С. 53.

⁶ Иерусалимская А.А. Указ. соч. С.97.

Жук-скарабей почитался у народов Средней Азии как оберег от сглаза, но и как талисман, способствующий деторождению. Возможно, поэтому подрастающей девочке и приобретали это украшение, чтобы в будущем, когда она станет невестой, а затем и женой обеспечить ей большое потомство¹. В Бирском могильнике найдены 2 бусины в виде скарабея и обе они найдены в погребениях подростков.

В различные периоды бусы украшали разные части тела, но всегда это были голова (вышивка или подвески на головном уборе), шея, грудь, руки (кисти) или ноги, т.е. открытые участки тела. Так и в материалах исследуемых нами могильников бусы чаще всего входили в состав ожерелий, располагаясь в районе шеи и груди, также они выступали дополнительными элементами головных украшений: височных проволочных колец, височных подвесок так называемого бахмутинского типа, представляющих собой обвитый бронзовой проволокой стержень с кольцом и крючком на концах. Разноцветный бисер в некоторых случаях спаян с железными предметами кольчужного плетения (вероятно, наконик либо нагрудное украшение), цепочками, браслетом.

В.А. Иванов и Н.Б. Крыласова, рассматривая мировоззренческие основы формирования элементов декора костюма жителей Прикамья и Предуралья в эпоху средневековья отмечают, что у угорских женщин украшения были сосредоточены в четырех местах, соответствующих местам обитания женских душ. Они подразделяются: душа-голова и ее продолжение волосы оформлялись всевозможными налобными повязками, наконными украшениями, ложными косами или покрывались платком; душа-сердце – плечи закрывались бисерным воротником, различными нагрудными украшениями; душе-животу соответствовали пояса, душе-ногам – бисерная или орнаментированная обувь. Украшения членили тело женщины, отделяя одну душу от другой, и вместе с тем служили оберегами этих душ, выполняя очистительную функцию².

Н.Б. Крыласова, изучая материалы Каневского могильника, считает, что в это время у многих народов бытовали не просто ожерелья, а воротники-ожерелья. Основой для таких воротников обычно служил шелк, который к тому же мог покрываться полихромной вышивкой, бусы на основу нашивались ровными рядами, не сбивались и не перепутывались. И, во-вторых, в древности воротникам-ожерельям придавалось магическое значение – они защищали разрез рубахи от проникновения нечистой силы³. От сглаза и порчи призван был оберегать и расшитый бусами нагрудник, распространенный у женщин Верхнего Прикамья VII – XI вв. У мордвы вышивкой и низанием бисером украшались головные уборы, плечевая и поясная одежда, из бисера изготавливались нагрудные, шейные, головные,

---

¹ Васильева Г.П. Магические функции детских украшений у туркмен // Древние обряды, верования и культуры народов Средней Азии. М., 1986. С. 192.

² Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Указ. соч. С. 57.

³ Крыласова Н.Б. Указ. соч. С. 231.

поясные украшения; марийцы расшивали бисером головки свадебных лаптей¹.

Материалы Бирского и Югомашевского могильников ярко иллюстрируют данное утверждение. Так в Бирском могильнике найдены достаточно многочисленные ожерелья: в погребении 78 множество бусин из раковин каури, янтаря и пасты со стеклянной инкрустацией было рассыпано в области груди; в погребениях 128, 125, 148 и др. металлические подвески компактно лежали в области пояса захороненных². В погребении 555 также были зафиксированы крупные и тяжелые бусы зеленого прозрачного стекла. В некоторых погребениях Югомашевского могильника насчитывается до 2000 бус и бисера, которые не могли бы составлять отдельные низки ожерелий, а вероятней всего были нашиты на ткань.

Бахмутинское население, получая бусы из далеких стран, вероятно, приносило в свои сакральные представления веру далеких народов в защитные и лечебные свойства украшений.

© Тамимдарова Р.Р., 2011.

Тюняев А.А.

Связи Урало-Поволжского этапа Северного шёлкового пути периода раннего железного века и раннего средневековья

В докладе «Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии», сделанном на предыдущей Конференции, показано, что коренное население Урало-Поволжского региона сформировано европеоидными носителями гаплогруппы R1a1, местом образования которых является центр Русской равнины. Кроме того, в древности через регион проходило несколько торговых путей. Первым из них был «лазуритовый» путь (4 тыс. до н.э.), последующие – «янтарный», «нефритовый», «северный шёлковый» и «дирхемный» пути, функционировавшие последовательно вплоть до раннего средневековья³. По соседним регионам судьба указанных торговых путей прослежена ещё в нескольких докладах⁴.

¹ Богодарева А.А. К проблеме происхождения бисера и бисерных украшений у обских угров // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Вып. 3. Тюмень, 2002. С. 49.

² Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Уфа, 1968. С. 35-36.

³ Тюняев А.А. Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии // Этнос и культура Урало-Поволжья: история и современность: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции молодых учёных. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2010. С. 194-200.

⁴ Тюняев А.А. Древние торговые пути Урало-Поволжья по комплексным данным археологии, антропологии, генетики и мифологии // Традиционное хозяйство в системе культуры этноса: Материалы IX Санкт-Петербургских чтений, СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2010. С. 267; Он же. Византино-древнерусские торговые связи // Российское византиноведение: традиции и перспективы. Тезисы докладов XIX Всероссийской научной сессии византинистов. М.: Издательство Московского университета, 2011. С. 213-215; Он же. Археологические маркеры северных торговых путей Евразии времени неолита – бронзы //

На основании существования столь мощных связей была выдвинута гипотеза о возможном существовании в неолите – бронзе в указанном районе древнего государства. Остаётся неизвестной степень развития этого государства, но бесспорны его связи как с западным, так и восточными регионами. В этой связи особенного внимания заслуживают периоды раннего железного века и раннего средневековья. Именно в это время происходило становление государственности исследуемого региона. Платформой служила налаженная сеть торговых путей, например, того, по которому в это время распространялся шёлк, «китайские» зеркала и др. предметы (см. рис. 1).

Считается, что изготовление шёлка возникло в Китае, в провинции Шаньдунь (2750±100 гг. до н. э.)¹, но только в VI-V вв. до н.э. шёлк стал известен в Китае повсеместно. Им платили налоги и дань, он выступает как эквивалент денег при расчётах в торговых операциях.

Судя по последним археологическим находкам, появление шёлковых тканей в Европе и на Русской равнине опередило представления древних греков о китайцах. В западных землях скифов шёлковые ткани появляются с середины 1-го тыс. до н. э.: в Баварии (VI-V вв. до н.э.); в Македонии (первая половина IV в. до н.э.); Кёльн (IV в. до н.э.). И в районе расселения семитов-греков – районе Афин (V в. до н.э.)². На востоке – «в скифских курганах Алтая VI-V вв. до н.э. встречаются китайские и индийские шелка»³.

Специалисты относят к этому времени *Северный Шёлковый путь*. Он начинался в западных землях скифов-русов и в Северном Причерноморье. Далее шёл через Дон, достигал Воронежских земель, далее через Нижнее и Среднее Поволжье, огибал Каспий с северной стороны, через Южное Приуралье и Среднюю Азию заканчивался в восточных землях скифов⁴ (рис. 1).

Рис. 1. Находки шёлковых тканей (VI-I вв. до н.э.) и зеркал (II в. до н.э. – III в. н.э.).

Древние греки до II века до н.э. не знали Древнего Китая: на карте Геродота Китая нет. Но о Китае знали скифы. Согласно карте Геродота (5 в.

Материалы III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Старая Русса – Новгород. 24 – 29 октября 2011 г.

¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на шелковом пути (шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. Автореф. дис. д. и. н. Л., 1989. С. 10.

² Там же.

³ Глушкова Т.Н. Археологический текстиль как источник по реконструкции древнего ткачества Западной Сибири, Автореферат. 2004.

⁴ Скрипкин А.С. Великий шёлковый путь в истории Юга России (Ч. 1). 1994.

до н.э.), их владения располагались в бассейнах Дона и Волги, простираясь от Волго-Окского междуречья на западе и до Уральских гор на востоке (рис. 2), то есть в исследуемом районе. Русские летописи пишут: «Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Обладаша же и северными странами,... по велицей реце Обве, и до устья Беловодныя реки, ея же вода бела, яко млеко. ...Хождаху ж и на Египетския страны воеваху»¹. Здесь, по нашему мнению под «Египтом» понимается страна Хама, то есть Центральная Азия: так указано на древних картах.

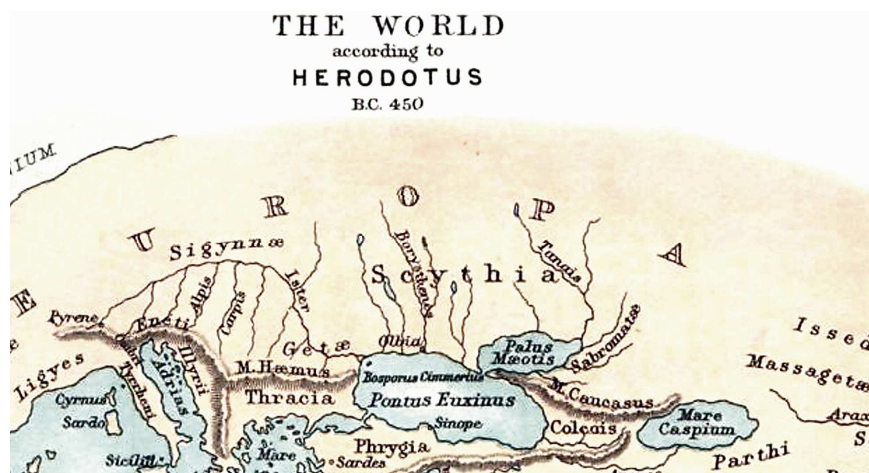

Рис. 2. Карта Геродота (фрагмент), 440 год до н.э.

Часть археологических находок, отражённых на рис. 1, относится к III-I вв. до н.э. – I-II вв. н.э. К началу этого периода Эратосфен (276 г. до н.э. – 194 г. до н.э.) составил свою карту. Скифов он переместил на восточный берег Волги. Такие расхождения в данных в совокупности с низкой точностью прорисовки Урало-Поволжских земель свидетельствует о том, что греки были не знакомы с этими территориями, а карты составляли со слов третьих лиц.

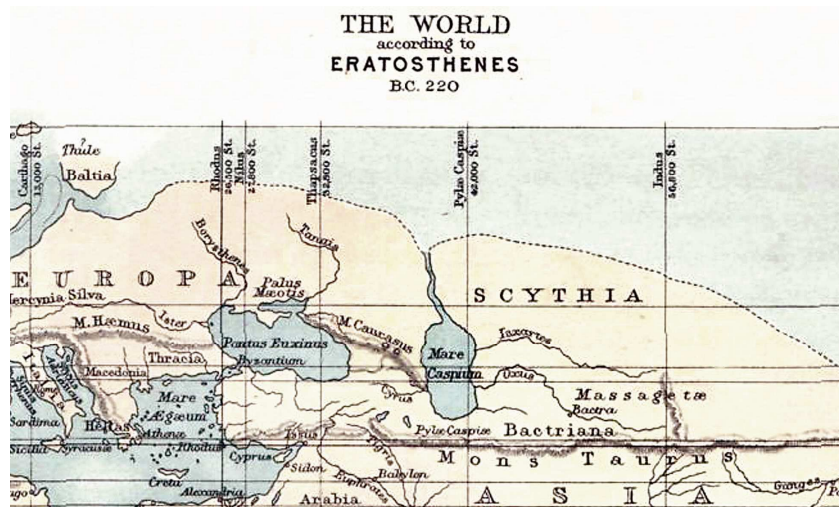

Рис. 3. Карта Эратосфена (фрагмент), 220 год до н.э.

¹ Сказание о Словене и Русе и городе Словенске из Хронографа 1679 года // по Полному собранию русских летописей. Т. 31. Л., 1977.

Но карте Эратосфена Китая нет – когда, вроде бы, Великий Шёлковый путь приобрёл стабильность. Греческое руководство, покупая шёлк у посредников, пыталось всеми силами отыскать путь к китайским производителям. Например, Птолемей III Эвергет издал указ, по которому все прибывавшие в Александрию корабли обыскивались, найденные рукописи немедленно доставлялись переписчикам, а хозяева рукописи получали взамен копию. Изъятые рукописи в библиотеке помечали «εκ πλοίων», т.е. «с пловов (плавсредств)».

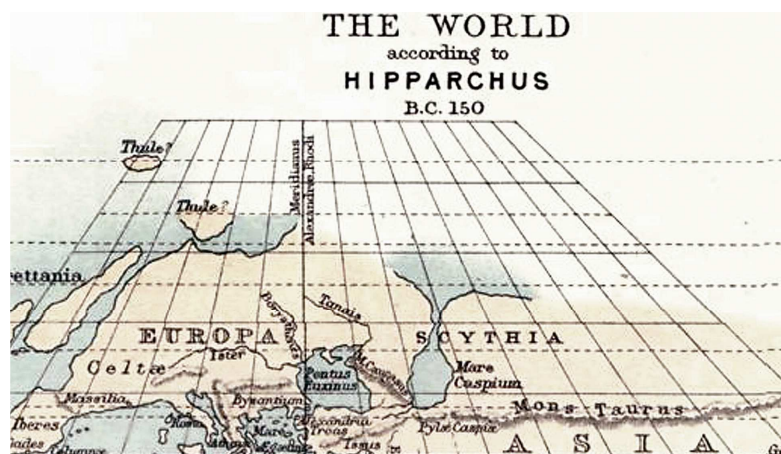

Рис. 4. Карта Гиппарха (фрагмент), 150 год до н.э.

На карте Гиппарха (150 г. до н.э.) Китая нет, а скифы расселены по обоим берегам Волги. Скифы этого времени стали называться сарматами, сохранив всю свою прежнюю культуру. Долгое и плодотворное существование того – северного шёлкового пути, – который мы описали выше, в сарматское время подтверждается находками из их курганов. В них сочетаются находки, изготовленные зачастую на расстоянии многих тысяч километров друг от друга. В сарматских погребениях (село Чугуно-Крепинка Донецкой области; посёлок Кобяково, хутор Виноградный Ростовской области; село Третьяки Воронежской области) найдены китайские металлические зеркала и античная посуда. В погребении у села Косика в Астраханской области ряд вещей находят себе прототипы в древностях Средней Азии, Алтая и Ордоса и в то же время там найдены печати из Месопотамии, сосуд с именем армянского царя. С начала н.э. в сарматских погребениях относительно часто встречаются вещи римского производства и восточные импортные изделия: ханьские зеркала, шёлковые ткани, предметы, выполненные в так называемом «полихромно-бирюзовом зверином стиле».

И на карте Страбона (ок. 64/63 до н.э. – ок. 23/24 н.э.) Китая нет, а Скифия «вернулась» в верховья Дона. К этому времени в античной литературе относятся первые упоминания о Китае и китайцах. Они становятся известными под именем «серы» и «серики» (Страбон, Помпоний Мела, Плиний Старший, Дионисий, Птолемей). В Рим шёлк начинает ввозиться со второй половины I в. до н.э., но попадал он туда, опять же, не

непосредственно из Китая (SERICA, см. рис. 5), а через посредство целого ряда купеческих операций¹.

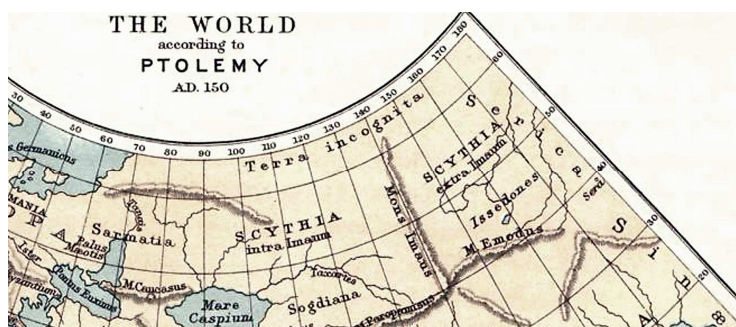

Рис. 5. Карта Птолемея (фрагмент), 150 г. н.э.

Птолемей поместил страну «Серика» между 40-м и 60-м градусами северной широты. Сейчас по этим координатам находятся следующие территории. В южной части – Северо-Западный Китай, Таримская котловина. Здесь располагалось место входа Шёлкового пути собственно в Китай. В этих местах до прихода монголоидных китайцев жили потомки древних русов. К северу территории Серов включали сегодняшние города Горно-Алтайск, Барнаул, Новосибирск, Абакан, Томск, Красноярск и тянулись выше по Оби и Енисею. Именно здесь обнаружены находки шёлка и «китайских» зеркал (см. рис. 1). То есть Серы не располагались в Китае в современном его понимании.

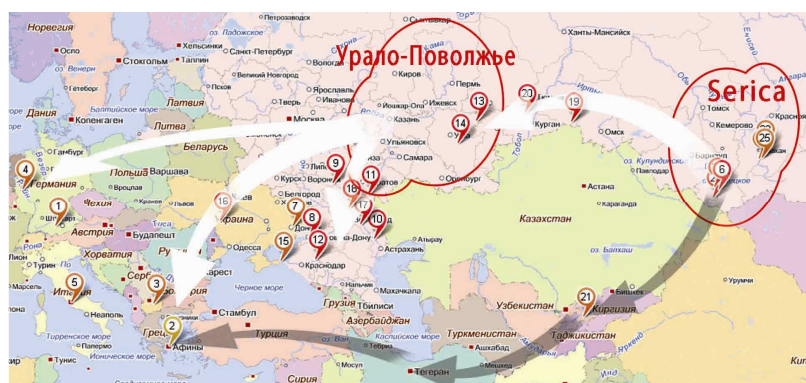

Рис. 6. «Шёлковые» пути 1-го тыс. до н.э. – рубежа н.э.

Из карты Геродота (рис. 2) мы видим, что в 5-м веке до н.э. Скифией называли территории современной Центральной России, включая земли Германии, Польши, Литвы, Латвии, Беларуси и др. Известный археолог Л.Л. Академик Б.А. Рыбаков считал скифов предками русского народа. Это зарубинецкая, черняховская, дяковская, городецкая, ананьинская, пьяноборская культуры, расположившиеся от Причерноморских степей через Центральную Россию в Прикамье, захватывая весь Урало-Поволжский регион.

В раннем железном веке скифы-русы были распространены и в Южной Сибири, и на Алтае, то есть в районе, названном Птолемеем «Серика». Сюда скифы принесли культуру железа – это: тагарская культура

¹ Скрипкин А.С. Указ. соч.

на Енисее, Пазырыкские курганы на Алтае и другие культуры железного века в других частях Сибири и на Дальнем Востоке; на территории Средней Азии и Казахстана (Бактрия, Согд, Хорезм) – саки. На территории Западной Европы – гальштатская, латенская, лужицкая культуры.

Все поименованные археологические культуры были созданы европеоидами, носителями генетической гаплогруппы R1a1, которая в научной литературе именуется русской (в Центральной России среди русского населения её носителей насчитывается от 60 до 80 процентов).

В 1991 году вышла коллективная работа по «ханьским» зеркалам, обнаруженным на территории центра Русской равнины¹. О северном Шёлковом пути писал известный специалист по древней истории Китая Е.И. Лубо-Лесниченко в своей работе «Великий шёлковый путь», опубликованной в составе монографии². Основным аргументом ему служат наиболее ранние находки китайских зеркал в памятниках на юго-востоке Европы.

Таковыми являются зеркала типа «итицзы» с надписями, которые в Китае изготавливались в эпоху ранней Хань со второй половины 2-го в. до н.э., производились они и в 1-м в. до н.э. Аналогичные зеркала были найдены у хутора Виноградный (на Нижнем Дону), у села Старая Полтавка (в Нижнем Поволжье) и на Кубани (у станицы Казанской). Схожие зеркала: село Кондинское Шатровского района Курганской области, на левом берегу р. Исеть; курган 27 могильника Кайрагач (Западная Фергана, конец I – начало II вв. н.э.³).

Проникновение подобных зеркал на территорию Зауралья отмечается исследователями, начиная с III-II вв. до н.э., то есть по времени совпадают с открытием Шёлкового пути (саргатская культур, с середины I в. до н.э. по II-III вв. н.э.).

«Ханьские» зеркала являются наиболее массовыми ранними находками китайских вещей в степях Восточной Европы и на Северном Кавказе. Известно несколько десятков зеркал. Казанское зеркало является полной аналогией зеркалу из Чугуно-Крепинки (курган 2; II в. н.э.)⁴. Зеркало из хутора Виноградный (I в. до н.э. – I в. н.э.⁵ практически идентично зеркалам из погребений у села Третьяки (конец I – начало II вв. н.э.⁶) и села Старая Полтавка (I – начало II вв. н.э.⁷).

---

¹ Гугуев В. Ханьские зеркала и их реплики на территории Юго-Восточной Европы // Бюллетень музея металла. Вып. 16 (на английском языке). Япония. 1991.

² Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М.: Наука, 1988. С. 351-391.

³ Литвинский Б.А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы. М.: Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 102-104.

⁴ Санжаров С.Н. Раскопки курганов в Донбассе // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 305-306.

⁵ Косяненко В.М. Комплекс вещей из сарматского погребения у хутора Виноградный на Нижнем Дону // Советская археология. 1989. № 1. С. 264-267.

⁶ Медведев А.П. Сарматский курган с римским и китайским импортом на Среднем Дону // Раев Б.А. Римский импорт на Нижнем Дону. БАР. Интернациональная серия 278. Оксфорд, 1986 (на английском языке). С. 83-84.

⁷ Синицын И.В. К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья // Советская археология. 1946. № 8. С. 92.

Другие известные находки китайских зеркал в урало-волго-донском регионе также датируются временем начала н.э.: сарматское погребение из кобяковского кургана 10 с зеркалом (вторая половина I – первая половина III вв. н.э.¹); фрагмент аналогичного зеркала из танаиского некрополя (II в. н.э.²); фрагмент зеркала из кобяковского погребения I (первая половина II в. н.э.); зеркало из кургана 33 Второго Бережновского могильника в Волгоградской области в сарматском погребении I – начала II вв. н.э.³; зеркала из курганов у села Лебедевка Уральской области и Темясовских курганов Башкортостана (позднесарматская культура, II-III вв. н.э.⁴).

Находки остатков шёлковых тканей в археологических памятниках юга Русской равнины синхронны: погребение в Керчи (I в. н.э.⁵); Соколова могила на Южном Буге (I в. н.э.⁶); сарматское погребение у села Мариенталь в Нижнем Поволжье (II-III вв. н.э.⁷); сарматское погребение у села Бердия на Иловле (I – начало II вв. н.э.). Археологические находки II-III вв. н.э. шёлковых тканей из Кампыртепа, городища при переправе через Амударью. Это могли быть привозные ткани либо местные, но сотканые из привозного сырья.

Одновременно с собственно китайскими изделиями в сарматских курганах археологи обнаруживают вещи, местом изготовления которых в одних случаях могли быть культурные центры Средней Азии, в других – более восточные районы, вплоть до Алтая и Ордоса. Это и изделия звериного стиля, украшенные бирюзой, например, бляхи от пояса или конской сбруи в Зубовском кургане I на Кубани; фибул; панцирь; фалары; чернолощёный кувшин; короткий меч и много другое. Исследователи их появление также связывают с деятельностью Северного шёлкового пути.

Подытожим: в раннем железном веке и в раннем средневековье через Урало-Поволжский регион проходил Северный шёлковый путь, по которому осуществлялась торговля между странами Средней Азии и Северо-Западного Китая с одной стороны и странами Центральной России, Центральной и Южной Европы – с другой. Население, сформировавшее этот торговый путь, генетически относилось к гаплогруппе R1a1 (русской). Северный путь начал функционировать задолго до того, как греки наладили с Китаем свою торговлю шёлком.

© Тюняев А.А., 2011

---

¹ Прохорова Т. Богатое сарматское погребение в кургане на восточной окраине г. Ростова-на-Дону // Известия Ростовского областного музея краеведения. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1988. С. 47.

² Гугуев В. Указ. соч.

³ Симицын И.В. Указ. соч. С. 92.

⁴ Пшеничнюк А.Х. Темясовские курганы позднесарматского времени на юго-востоке Башкирии // Древности Южного Урала. Уфа, 1976. С. 136, 140; Мошкова М.Г. Позднесарматские погребения Лебедевского могильника в Западном Казахстане // КС И А, 1982. Вып. 180. С. 80-87.

⁵ Восточный Туркестан в древности..., 1988. С. 351 – 391.

⁶ Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. Киев: Наукова думка, 1986. С. 126 – 139.

⁷ Рау П. Доисторические раскопки в степной стороне Немецкого Поволжья в 1926 году. Покровск, 1927. С. 68.

Речевая деятельность населения Башкортостана в бытовой и производственной сферах (по материалам этносоциологического исследования)

Данная статья посвящена анализу функционирования языков в семейно-бытовой и производственной сферах, основу которой, составили результаты этносоциологического опроса по исследовательскому проекту «Электрокардиограмма (ЭКГ) толерантности и солидарности», проведенного в Башкортостане в мае 2002 г. (объем выборки составил 1229 чел.).

Характерной особенностью сегодняшнего дня является рост числа межэтнических браков, которые будучи частным социальным институтом, концентрируют в себе особенности и проблемы социально-этнической среды. В свою очередь, семья, как однонациональная, так и национально-смешанная, отражает этноязыковые, этнокультурные процессы, и в этих условиях особое внимание и общественный резонанс приобретает проблема двуязычия и ее реализация в бытовой сфере.

Результаты вышеуказанного этносоциологического исследования показали, что языком общения даже в однонациональных семьях родной язык супругов не становится преобладающим. Так, например, на вопрос: «На каком (каких) языке(ах) Вы обычно разговариваете с супругом?» 55,9 % респондентов, башкир по национальности, отметили башкирский язык, 12,4 % – русский, 11,4 % – татарский (рис. 1)

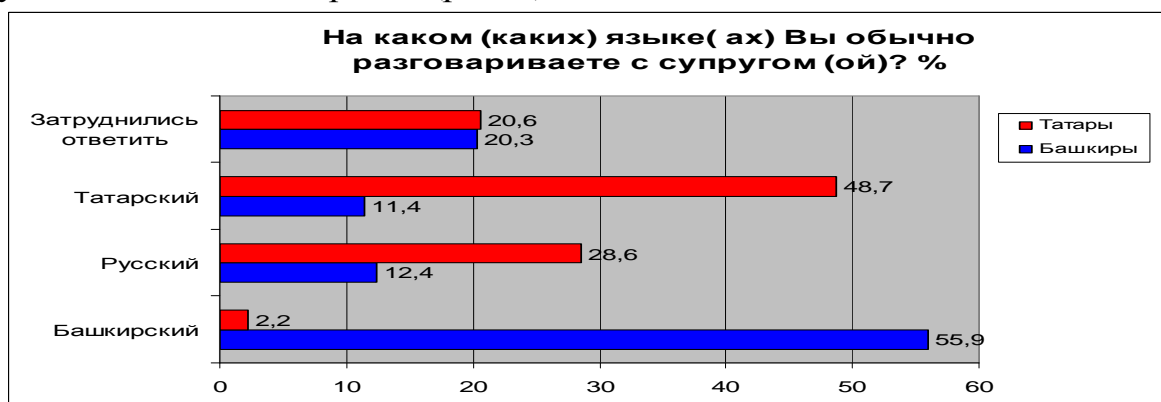

Рис. 1. На каком (каких) языке(ах) Вы обычно разговариваете с супругом? %

В однонациональных татарских семьях татарский язык также не стал языком постоянного общения между супругами: 48,7 % опрошенных предпочитают общаться на татарском, почти одна треть – на русском (28,6 %) и лишь 2,2 % – на башкирском языках. Почти каждый пятый татарин и башкир затруднился ответить (рис. 1).

Использование русского языка наряду с родными национальными языками или вместо них наблюдается в семейно-бытовом общении горожан автохтонных национальностей, принадлежащих к социальным группам рабочих, служащих и интеллигенции, в семьях, образованных от смешанных браков и среди городской молодежи. В соответствии с национальным речевым

этикетом в семейно-бытовом общении, где используются родные национальные и русский языки, между младшими по возрасту коммуникантами могут использоваться как родной, так и русский языки, а при обращении младших к старшим следует использовать родной язык¹. Как выяснилось в ходе этносоциологического опроса, две трети (65,1%) респондентов башкир обычно разговаривают (или разговаривали) с отцом (или отчимом) на башкирском языке, почти четверть на русском и немногим менее – на татарском. Среди респондентов татар почти столько же (две трети) подтвердили свое общение на языке своей национальности, но при этом 20,3% татар отдали предпочтение при общении с отцом русскому языку (табл. 1).

Таблица 1

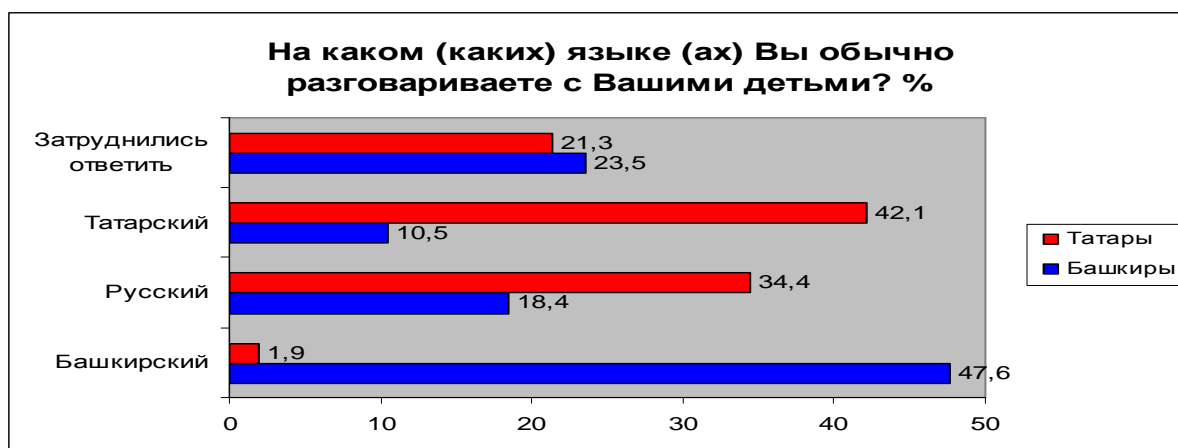
На каком (каких) языке (ах) Вы обычно разговариваете (разговаривали) с отцом (или отчимом) и матерью (или мачехой)? %

Язык	Общение с отцом (или отчимом)		Общение с матерью (или мачехой)	
	Башкиры	Татары	Башкиры	Татары
Башкирский	65,1	1,7	66,7	1,7
Русский	14,0	20,3	12,7	19,4
Татарский	12,7	66,1	14,0	70,7

Источник: *Этносоциологический опрос 2002 г.*

Почти аналогичные показатели общения детей с матерью (с мачехой). Единственный высокий показатель общения с матерью среди татар, который составил 70,7% (табл. 1). Таким образом, выяснилось, что большая часть опрошенных (башкиры, татары, русские) предпочитают общаться в семье на языке своего материнского этноса. В любом случае семья, независимо от того, «смешанная» она или «однородная», закладывает фундамент для развития языковой личности. Именно семейный микроклимат на ранних этапах становления личности вообще вырабатывает в ребенке отношение к родному и к другим, неродным языкам.

В этом отношении результаты опроса показали неоднозначность языкового поведения, т.к. 42,1 % татар разговаривают со своими детьми на татарском, 34,4 % – на русском. У башкир ситуация такова: 47,6 % общаются с детьми на башкирском, 18,4 % – на русском (рис. 2).

¹ Копыленко М.М., Саина С.Т. Функционирование русского языка в различных слоях казахского населения. Алма-Ата, 1982. С. 34-41.

Кроме того, именно семья часто направляет интерес ребенка к истории, культуре, традициям родного народа. Речевое поведение опрошенных респондентов в семейно-бытовой сфере изменяется в зависимости от возраста. Употребление родного языка в домашней обстановке прямо пропорционально возрасту человека: чем старше люди, тем шире общение на родном языке. На речевую компетентность ребенка сильное влияние оказывает общение с детского возраста в семье с близкими родственниками. Так, например, при общении с бабушками, которые активно принимают непосредственное участие в формировании языковой социализации, по результатам этносоциологического исследования, используются преимущественно родные языки: на башкирском языке разговаривают 64,4% башкир, на татарском – 66,3% татар (табл. 2).

Таблица 2

На каком (каких) языке (ах) Вы обычно разговариваете (разговаривали) с бабушкой по линии отца и матери? %

Варианты ответов	Общение с бабушкой по линии отца		Общение с бабушкой по линии матери	
	Башкиры	Татары	Башкиры	Татары
Башкирский	66,3	0,7	64,4	1,2
Русский	4,8	9,2	3,5	9,4
Татарский	12,4	64,2	13,3	66,3
Затруднились ответить	16,5	25,9	18,7	22,8

Источник: *Этносоциологический опрос 2002 г.*

Общение дома с родителями и более взрослой частью (т.е. бабушками по линии отца или матери) показывает, что все же определенная часть башкирского населения республики, независимо от разных факторов и конъюнктуры, предпочитает в семейно-бытовой сфере общаться на татарском языке. Доля таковых в ходе опроса достигала 14 %, тогда как среди татар, предпочитавших в качестве общения дома с родителями башкирской язык, составляла немногим лишь более 1% (табл. 2). С каждым разом увеличивается доля тех, кто все больше тяготеет при разговоре дома к русскому языку. Если для башкир доля таковых составляла 12,7 %, то почти каждый пятый татарин при общении с близкими родственниками использовал русскую речь (табл. 1).

Аналогичная тенденция наблюдается и при общении с близкими друзьями. Например, если каждый второй из пяти татар, разговаривающих со своим близким другом, отдали предпочтение общению на русском языке, то среди башкир таковых оказалось лишь немногим менее одной трети.

Таблица 3

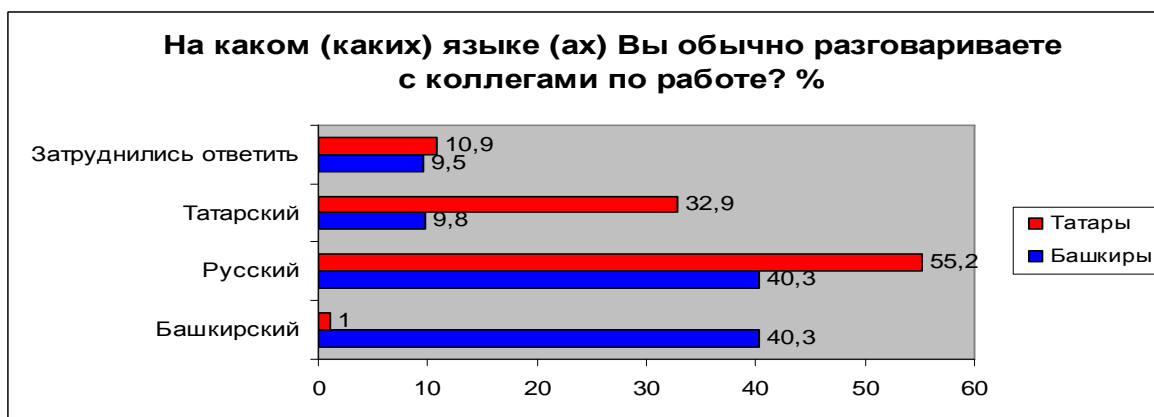
На каком (каких) языке (ах) Вы обычно разговариваете с самым близким другом? %

Варианты ответов	Башкиры	Татары
Башкирский	54,0	1,9
Русский	27,6	41,9
Татарский	11,7	46,0
Затруднились ответить	6,7	9,9

Источник: *Этносоциологический опрос 2002 г.*

Менее половины (табл. 3) татар и чуть более половины башкир все же использовали при разговоре с близким другом родной для них татарский или башкирский язык. При этом следует заметить, что для каждого двенадцатого башкира из ста опрошенных языком общения с близким другом стал татарский язык, что наглядно демонстрирует сложившуюся этноязыковую ситуацию в республике. Следовательно, язык как этноинтегрирующий инструмент не в полной мере реализуется на практике.

Рассматривая особенности употребления языков в производственно-бытовой сфере, следует подчеркнуть, что оно, прежде всего, связано с этническим составом того или иного коллектива. В многонациональных регионах и республиках, особенно в тех, где титульный этнос составляет значительную часть, применение национальных нерусских языков проникает в разные сферы. Отсюда и разный уровень употребления языков в разных трудовых коллективах.

пяти опрошенных башкир языком общения с коллегами на работе становится русский язык. Все же одна треть татар и каждый второй из пяти опрошенных башкир с коллегами на работе предпочитают разговаривать на своих родных языках. Почти каждый десятый респондент башкирской национальности при общении на работе употребляет татарский язык (рис. 3).

Таким образом, анализ функционирования языков в семейно-бытовой и производственной сфере, привел автора к следующим выводам:

1. при изучении основных тенденций и закономерностей функционального развития и взаимодействия языков большое значение имеет степень владения языками населением республики, а также роль родного языка и двуязычия в социализации личности;
2. русское население республики дома общается на своем родном языке – русском. Башкирский, татарский и другие языки в данной сфере никакой существенной роли для них не играют;
3. для национальных нерусских семей характерна дифференциация речевого поведения, обусловленная одним из наиболее важных демографических факторов – возрастом;
4. в ситуации «общение с детьми» заметно больше лиц, которые активно используют русский язык или оба языка наряду с национальным. Подобного рода речевое поведение ряд исследователей объясняют тем, что

«родители идут на поводу у юного поколения»¹. Выбор языка общения осуществляется именно детьми, которые, как правило, воспитываются в дошкольных учреждениях и школах, где языком воспитания и обучения чаще всего выступает русский язык;

5. если старшее поколение в процессе коммуникации в семейно-бытовой и производственной сферах отдает предпочтение родному башкирскому, татарскому языку, то молодежь использует в большинстве своем русский язык, что свидетельствует о проявлении тенденции перехода от национально-русского двуязычия к русскому одноязычию.

© Фатхутдинова А.И., 2011.

Фомин Э.В.

Чувашское книгоиздание старописьменного периода: характеристика книжного потока*

Период старочувашской книги укладывается в хронологические рамки с XVIII в. по 1871 г. Нижняя граница, отмеченная целым столетием, условна. Ее можно уточнить 1769 г. – временем издания первой книги чувашской тематики.

Период представлен образцами всех пластов: собственно чувашским, русским и иностранным. Более того, к этому времени относится по крайней мере одна рукописная книга – «Описание города Чебоксара под литерою “А”»².

Старочувашская книга не обусловлена собственными традициями предыдущих эпох и интерферентна по сути, иначе говоря, ее становление происходило под значительным влиянием книжной культуры других народов.

Коллекция старочувашской книги представлена интереснейшими изданиями, обращенными к глубинным основам чувашского бытия (книги А. Фукс, В.А. Сбоева, С.М. Михайлова). Все издания этого периода квалифицируются в качестве редких и ценных, имеют статус книжных памятников регионального уровня.

В отношении старочувашского периода сложно говорить о книжном потоке как таковом. Общее количество книг за его более чем столетний срок

---

¹ Исхакова З.А. Двуязычие в городах Татарстана (80-90-е годы). Казань: Фикер, 2001. С. 45.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Чувашская книга в конце XIX – начале XX вв.», проект № 11-14-21002а/В

² Книга хранится в фондах Чувашского национального музея под инвентарным номером РК-243. Датируется 1793 – 1769 гг. Техника выполнения – бумага, картон. Размер 43 x 35 см. Передана Чувашскому краеведческому музею в 1928 г. Народным комиссариатом просвещения Чувашской АССР через К.В. Элле от Чувашского ЦИКа. На форзаце имеется надпись «Заметка. Настоящая книга взята из архива г. Казани. В этой книге приложена генеральная карта (ген. план)». Объем книги – 121 лист.

(1769–1871), – 53 названия с предельным интервалом между изданиями до 31 года.

Старочувашская книга существовала изолированно от чувашей. Значительная часть ее адресована русскому читателю, а книги на чувашском языке несостоятельны – они слово в слово дублируют русские оригиналы. Поверьте, замечает чувашевед Н.И. Золотницкий (1829–1880), что именно от несоблюдения порядка в расстановке слов, согласно требованию чувашского синтаксиса, т. е. от подстрочного перевода с русского, для чуваш совершенно непонятны поучения, говоримые в церквах по-чувашски, и переводы таких книг, как «*Кон святой борнызин, али хорав идю сине: епле ман святой борнас?*» Даже заглавие это до сих пор еще ни один чувашин не мог перевести мне по-русски или объяснить перифразом по-чувашски¹.

Система обучения нерусских народов России вплоть до 1870-х гг. не имела особого успеха: «в тогдашнее время чувашаи грамотность считали за великую науку, совершенно недоступную их детям, так как тогда между чувашами грамотных почти никого не было, а если были кое-какие, то волостные писари и родственники отдавали их в солдаты для искоренения грамотности между чувашами»².

Поскольку чувашские книги появлялись от случая к случаю и не существовало ответственного коллекционирующего центра, заинтересованный читатель мог и не знать о существовании таких книг. Показательно признание просветителя И.Я. Яковлева (1848–1930): «Пребывание мое у Косинских имело для меня большое значение в смысле укрепления во мне мысли о необходимости для чувашей письменности. Я любопытствовал, есть ли книги на польском языке. Мне был известен только русский язык. Я видел до того книги только на русском и татарском языках. А тут вдруг узнал, что у поляков, как и у других образованных народов, существуют книги на своем родном языке. Почему же, думалось мне, нет таких книг на чувашском языке у чувашей? Мне было досадно и обидно»³. Описанный эпизод датируется 1864 г.

Книжный поток так или иначе становится последовательным с 1851 г., но имеет пропуски в 1854–1855, 1859–1864 гг., когда не было издано ни одной чувашской книги.

Первый всплеск в старочувашском книжном деле отмечается уже в 1852 г. Тогда было выпущено шесть книг. На фоне редкого книгоиздания – в среднем одно название в каждые пять лет⁴ – событие невероятное, но ставшее реальным благодаря трудам чувашского писателя С.М. Михайлова (1821–1861). Его публицистические материалы перепечатывались из «Казанских губернских ведомостей» в виде четырех отдельных книг без

---

¹ Золотницкий Н. И. Заметки для ознакомления с чувашским наречием : вып. 1 : отд. звуковой. Казань : Университет. тип., 1871. С. V.

² Михайлов С. М. [Автобиография] // Собрание сочинений. Чебоксары, 2004. С. 25.

³ Яковлев И. Я. Воспоминания. 2-е издание, дополненное. Чебоксары, 1983. С. 57.

⁴ За 82 года с 1769 по 1851 г. было издано 16 чувашских книг.

титульного листа и обложки с указанием имени автора в конце текста¹. Данные книги стали своего рода предисловием двух фундаментальных трудов писателя «Чувашские разговоры и сказки» и «Чувашские свадьбы», состоявшихся в 1853 г.²

Бесперывный книжный поток складывается с 1865 г. и продолжается по настоящее время. Параллельно наблюдается тенденция к увеличению количества названий, и на исходе периода старочувашской книги в 1871 г. уже было выпущено семь книг. Эти книги полностью связаны с именем выдающегося чувашеоведа Н.И. Золотницкого. Среди них революционное, с точки зрения нормализации чувашского языка, издание «Заметки для ознакомления с чувашским наречием» и наработки первого в тюркологии этимологического словаря «Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен» (1875). Наработки незначительны в объемах (6–16 с.) и имеют общее название «Отрывки из чувашско-русского словаря», но в каждом случае уточняются конкретным микробиблионимом, как, например, «Крещенные из татар чувашаи»³, «Происхождение названий городов Буинска и Цивильска и некоторых селений»⁴ и т. п. Незначительные страничные объемы книг можно не принимать во внимание. Эти книги ценны уже самим своим существованием.

Другие книги, напрямую неотмеченные авторством ученого, тем не менее обусловлены его же участием. Издание «Тора килькйлэмэлли сумахсэм» составлено Н.И. Золотницким, а книга «Тора корны праздник синьчэнь сумах» написано его учеником и последователем В. Васильевым.

В 1867 г. в Казани появляется первая организация, системно подошедшая к чувашскому книгоизданию, – Братство святителя Гурия. Братство среди прочих ставило целью «содействие утверждению в вере православной крещеных инородцев, воспитание детей их в духе православия <...> чрез заведение инородческих школ и распространение книг на их народных языках»⁵ и последовательно издавало литературу христианского содержания. Только за первую четверть века существования братства (1867–1892) на чувашском языке было издано 42 названия 73 изданиями, для ср.: время на татарском языке выпущено 51 название 83 изданиями, на черемисском – 41 название 47 изданиями⁶.

---

¹ Михайлов С. М. Балдран-базар в Козьмодемьянском уезде. [Казань, 1852]. 6 с.; Михайлов С. М. О музыке чуваш. [Казань, 1852]. 6 с.; Михайлов С. М. Предания чуваш. [Казань, 1852]. 10 с.; Михайлов С. М. Сундырская гора. [Казань : б. и., 1852]. 11 с.

² Михайлов С. М. Чувашские разговоры и сказки. Казань, 1853. – 40, 60 с.; Михайлов С. М. Чувашские свадьбы. Казань, 1853 38 с.

³ Золотницкий, Н. И. Отрывки из чувашско-русского словаря : 1. Крещенные из татар чувашаи. Казань : [Губерн. тип.], 1871. 6 с.

⁴ Золотницкий, Н. И. Отрывки из чувашско-русского словаря : 3. Происхождение названий городов Буинска и Цивильска и некоторых селений. Казань, 1871. 6 с.

⁵ Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892 / сост. М. Машанов. Казань, 1872. С. 19.

⁶ Подсчеты проводились по книге: Обзор деятельности Братства св. Гурия за двадцать пять лет его существования. 1867–1892 / сост. М. Машанов. Казань, 1872. С. 129–146.

Стык периодов старо- и новочувашской книги – уникальное время в чувашской истории. Благодаря издательской деятельности Братства святителя Гурия два периода накладываются один на другой, и тем самым обеспечивается диалог чувашской книжной культуры на всем протяжении ее функционирования.

© Фомин Э.В., 2011.

Хабибуллин А.Н.

«Кочевая» фортификация тюрко-татар (к вопросу о мобильной фортификации кочевников)

До недавнего времени в отечественной истории при слове «кочевники» изображались раскосые всадники в звериных шкурах и со звериным оскалом на лице. Мы имели представление, что наши предки жили в степи, спали на снегу и занимались исключительно грабежом соседних русских княжеств. Однако летописные данные, археология, иконография и др. источники говорят нам об обратном. Тюрки имели свою мощную культуру, государственную структуру, выраженную в каганатах, армию и фортификацию. Сегодня есть научные понятия как «кочевая культура», «кочевнический город» или «кочевой город». А как можно назвать фортификацию кочевников раннего средневековья? Скорее всего, ее, возможно, назвать «кочевой» фортификацией.

Причем говоря о фортификации надо заметить, что она была как классическая, так и своеобразная, или «кочевая». В истории оборонительного искусства известно, что есть два типа фортификации: долговременная и полевая. Долговременная фортификация это крепости, замки, форты и другие наземные капитальные сооружения. А полевая фортификация это временные средства обороны или вспомогательные второстепенные сооружения для долговременной фортификации, а также мобильные средства при осаде крепостей. Так вот говоря о «кочевой» фортификации нельзя однозначно ее присвоить к одной из классических форм фортификации, она достаточно своеобразна. Можно сказать, что кочевая фортификация явилась предпосылками формирования долговременной фортификации в тюркских каганатах, монгольской империи, а затем и в постзолотоордынских юртов (ханств). Причем говоря о татарских юртах можно сказать, что до XVI века образ «кочевой» фортификации сохранили Сибирские и Астраханские ханства. И рассматривая предпосылки возникновения и период становления военной инженерии у татар, прежде всего, стоит обращать внимание именно на эти два постзолотоордынских юрта.

А какие виды временных оборонительных сооружений имели тюрко-татары в период становления у них фортификационного искусства?

Сохранилось небольшое количество миниатюр с изображением фортификационных сооружений тюрко-татар. Это Ремезовская летопись, претендующая на копию более ранней татарской Кунгурской летописи. Румянцевская летопись описывает применение татарами куреней. Одной из известных летописей об устройстве монгольской империи является сборник летописей Рашид-Ад-Дина. Интересные факты о юрте Гуюк-хана сообщаются в воспоминаниях христианского миссионера Плано Карпини. В XVIII в. В Сибирь отправляются несколько профессиональных ученых экспедиций, оставивших после себя множество открытий¹. Достаточно упомянуть имена Н. Витсена, Д.Г. Миссершмидта, Г.Ф. Миллера, Гмелина И.Г., Палласа П.С. и др. Некоторые из работ этих ученых до сих пор не переведены и не опубликованы. К счастью данные о культуре татарского периода продолжают выявляться и позволяют делать определенные выводы в различных отраслях науки. Из известных советских тюркологов, которые занимались исследованиями этнографии и фортификации кочевников, необходимо упомянуть Владимирцова Б.Я., Гумилева Л.Н., Плетневу С.А., Федорова-Давыдова Г.А., Егорова В.Л., Худякова М.Г., Смирнова А.П., Халикова А.Х., Хованскую О.С. и др. Из современных исследователей стоит выделить Хузина Ф.Ш., Исхакова Д.М., Фаизрахманова Г.Л. Губайдуллина А.М., Шарифуллина Р.Ф., Измайлова И.Л., Горелика М.В. и др.

Архитектурное искусство оборонительных сооружений тюрко-татар зарождалась и развивалась по другим законам, нежели гражданская, производственная или культовая архитектура. Искусство фортификации развивалось в зависимости от политических и династических связей, географических и климатических факторов. Развитие «кочевое» строительство получило с XI до XV вв. благодаря постоянному противостоянию кочевых племен, влиянию местной аборигенной, гуннской, китайской, болгарской, среднеазиатской и золотоордынской архитектуре оборонительных сооружений. Надо заметить, что типология временных сооружений у тюрко-татар достаточно разнообразна.

Укрепленные ставки предводителей. Одной из таких ставок можно назвать ставку Гуюк-хана, которую упоминает Плано Карпини. В своем путешествии монах-миссионер упоминает о нескольких ставках монгольских ханов, которые не были укреплены. Только шатер Гуюк-хана был огорожен забором с вывешенными на нем коврами². Ограждение шло по периметру ставки и имело двое ворот, которые, однако, никогда не запирались. Возможно, этот забор служил всего лишь преградой от домашнего скота. Скорее всего, это ограждение служило так называемой «визитной карточкой» Гуюк-хана.

---

¹ См. например: Путешествие по указу Петра I. Из дневника Д.Г. Миссершмидта исследователя народов Сибири. 1721-1725 гг. // Исторический архив. № 2. 2003, Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-ое дополненное. Т 1-3. М.: Восточная литература РАН, 2000.

² Плано-Карпини, Историческое сочинение Иоанна де Плано-Карпини, которого папа Иннокентий IV посылал к татарам в 1246 году // Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV, XV столетиях. СПб, 1825. С. 33-37.

Курень. Одним из известных мобильных поселений монголов по сообщению Рашид Ад-Дина был курень (монг. курийэт)¹. Поселение представляло собой временный стан состоящий, как правило, из 1000 кибиток установленных по кругу. В центре становища располагалась юрта предводителя. Подобный вид поселения использовали также гунны, галлы, германцы и др. Из истории известно также, что такой вид кочевого лагеря использовали чешские табориты. В истории мировой фортификации подобный вид становища получил название «вагенбург», а в истории русской фортификации этот тип получил название «Гуляй-город». Тюрко-монгольское слово «курья» в свою очередь означает ограждение стана² или кишлака (зимовья) из камыша³. Подобный тип поселения использовали и кочевые тюрко-татары. Это подтверждает одна из миниатюр С.Ремезова, где изображено как Карача окружил город Сибирь обозами в 1584 г.⁴. В этом случае курень был выстроен в качестве наступательной полевой фортификации.

Тура. Довольно интересным элементом в полевой фортификации является тура – корзина около 2-х метров заполненная камнями и землей. Из истории фортификации известно, что их устанавливали в ряд, образуя амбразуры между ними, и чаще всего установив орудия между ними вели артиллерийский обстрел. Интересен факт того что в русской фортификационной терминологии большое количество татарских слов. Слово «тура» одно из них. Сам же термин «тура» у тюрко-татар означал город или укрепленную крепость⁵. Известны, например такие города Сибирских юртов как Кызыл-Тура и Чинги-Тура. Сохранилось изображение Кызыл-Туры из Ремезовской летописи⁶. На них мы видим татарскую крепость (с конца XI в., резиденция тайбугидов) в стадии перехода оседлого стана к стационарному городу. Четко проглядывается укрепленный арк в виде караван-сарая⁷ и шахристан поселения в виде земляного города или крыма⁸. Город имеет многоступенчатую систему обороны и проезды, устроенные в идее ловушек или известных нам из истории русской фортификации - захабов.

---

¹ Рашид-Ад-Дин. Сборник летописей. Том 1, Кн.2. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1952. С. 18.

² Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из персидских сочинений собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М.-Л.: Издательство АН СССР. 1941. С. 302.

³ Хабибуллин А.Н. Средневековая тюрко-татарская фортификационная терминология // Вопросы истории фортификации. М.: Остров, №2, 2011. С. 105.

⁴ Летописи сибирские / Сост. И общая редакция Е.И.Дергачевой-Скон. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. С. 20.

⁵ Хабибуллин А.Н. Средневековая тюрко-татарская фортификационная терминология.... С. 106.

⁶ Хабибуллин А.Н. К вопросу о архитектуре оборонительных сооружений сибирских ханств XI-XVI вв. // Истоки и эволюция художественной культуры тюркских народов: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения педагога-просветителя, художника Ш.А. Тагирова (Казань, 17-18 апреля 200г г.). Казань, 2009. С. 321.

⁷ Вообще версию о том что караван-сарай, располагаясь на торговых путях формировали вокруг себя город довольно традиционна. Вполне возможно, что и татарская Кызыл-Тура образовалась от караван-сарая.

⁸ Хабибуллин А.Н. Средневековая тюрко-татарская фортификационная терминология.... С. 105.

Кишлак (зимняя стоянка). Не лишним заметить, что у татар были снежные или ледяные городки. Применение льда и снега особо заметно в сибирских ханствах. Из поваленных деревьев и льда устраивали укрепленные линии и наращивали высоту валов. На миниатюре Семена Ремезова видно, что крепость Тобольск была укреплена дополнительной линией обороны состоящей из ледяных тур. Между ними было оставлено пространство для стрельбы. Данный вид мобильной обороны видимо применялся в междоусобной войне. Наличие искусства строительства из льда подтверждается фактом строительства Улуг-Мухаммедом ледяного города у крепости Тула в XV веке. Также в военной терминологии сохранился термин «кишлак», который означает зимний стан кочевого племени. Эти факты подтверждают о существовании у тюрко-татар такого типа поселения в мобильной кочевой фортификации.

В поздней средневековой фортификации татар наблюдается подчинение законам военной архитектуры. Это, прежде всего, касается расположения их крепостей на мысах и излучинах рек, т.е. так называемый «мысовой» тип крепости.

Характеризуя приведенные выше виды кочевой фортификации тюрко-татар мы можем сказать что:

1. Кочевая фортификация тюрко-татар зарождалась на основе более ранних кочевых культур, как например, культуре гуннов.

2. Большое влияние на нее оказали культура существующих аборигенных племен. Стоит также отметить влияния арабские, персидские, финно-угорские, китайские, монгольские, сельджукские и др.

3. Развитие тюрко-татарской фортификации происходило до XVIII века. В пике своего развития следует отметить следующие татарские крепости: Казан, Искер, Азак, Ор-Капусы, Джуфт-Кале, Ак-Керман, Арча, Гезлев и др. На всем протяжении генезиса тюрко-татарской военной архитектуры активно использовалась полевая или «кочевая» фортификация. Многие идеи ведения осадной войны кочевников после монгольских войн были приняты на вооружение многими средневековыми государствами.

© Хабибуллин А.Н., 2011.

Хабибуллина З.Р.

Становление современного исламского духовенства в Республике Башкортостан

Республика Башкортостан является вторым, по численности мусульман, субъектом Российской Федерации, где этнические мусульмане составляют большинство населения – 54,5 % согласно Всероссийской переписи населения 2002 года, в основном они представлены не мигрантами, а коренными жителями. Ислам ведет здесь свой отсчет с X века, более 200

лет в столице республики находится главное духовное управление мусульман России под руководством Т. Таджутдина, учрежденное в 1789 году как Оренбургское магометанское духовное собрание (правопреемник ЦДУМ России). Уфа - один из исламских центров России, в которой сосредоточены его основные интеллектуальные силы. Кроме того, ислам был и остается фактором сохранения этнического самосознания тюркских народов Башкортостана.

На протяжении исторического периода отмечается неоднократная трансформация исламского духовенства в регионе. До 1917 года оно представляло важнейшую группу элиты в Башкирии, обладало культурными и символическими функциями. Политика советских властей, направленная на прекращение основной деятельности духовенства, привела к снижению догматического и общекультурного уровня священнослужителей, превратив их в отправителей культов, не обладающих достаточными знаниями и образованием. С 1930-х годов духовенство в России не рассматривается как группа элиты. Жертвами эпохи атеизма стали все вероисповедания, ислам пострадал вдвойне, так как были ликвидированы арабская графика - основа письменности мусульманских народов и традиционная мусульманская система передачи знаний - мектебы и медресе.

Постепенное вымирание улемов и выпускников медресе к концу XX века привело мусульманское духовенство к роли маргинальной группы общества. Традиция мусульманского образования также исчезала. Период политических перемен, вызванных распадом СССР и крушением атеистической идеологии, существенно повлиял на активность мусульман различных регионов страны. За короткое время возросло количество мечетей, исламских учебных заведений, появились многочисленные мусульманские средства массовой информации. Мусульмане получили возможность свободно исповедовать свою веру, обучаться за рубежом, выезжать в хадж. Процесс становления и развития современного мусульманского духовенства был обусловлен государственной политикой, религиозным ренессансом в масштабе всей страны. В целом, история исламского сообщества России конца XX века стала историей возрождения и раскола¹. Данный тезис относится и мусульманскому духовенству Башкортостана.

В процессе становления мусульманского духовенства Башкортостана конца XX столетия можно выделить три этапа:

Первый этап 1985-1992 годы - характеризуется повсеместным восстановлением и созданием приходов в связи с ростом религиозности населения, в значительной степени, переходом «неофициального ислама» на легальное положение. Законодательно оформляется правовое положение и деятельность религиозных организаций, духовенства. В данный период формируются политические, личностные, финансовые, этнические и религиозные предпосылки раскола исламского сообщества в российском и региональном масштабе. Ведущей тенденцией первого этапа становится

---

¹ Силантьев Р.А. Новейшая история ислама в России. М., 2007. С.6.

борьба внутри высшего исламского духовенства за власть и реконструкцию устаревшей централизованной структуры ДУМЕС, не соответствующей реалиям суверенизации автономий России, получивших статус самостоятельных республик в составе Российской Федерации. Дезинтеграционные процессы в мусульманской умме начинаются в 1989 году. Оппозицию Т. Таджутдину составили молодые имамы Поволжья, Сибири, центральных регионов страны. Уфа становится главным центром борьбы мусульманских лидеров за власть.

Второй этап 1992-1995 годы. Этот период отличается тенденцией урегулирования противоречий внутри исламского духовенства, происходит реформирование системы Духовных управлений, процесс перераспределения доходов, выстраивания новой модели отношений между исламом и государством. Наблюдается оформление мусульманского духовенства в самостоятельную прослойку и отмечается отсутствие единства в этой среде по многим принципиальным вопросам. Обнажаются основные проблемы становления духовенства - формирование системы религиозного образования и нехватка кадров профессиональных духовных деятелей. Делаются безуспешные попытки восстановить качественную систему мусульманского образования.

Третий этап 1996-2000 годы. Конфликт мусульманских лидеров стабилизируется, продолжается процесс институционализации мусульманских организаций, завершающийся к 2000-м годам. К концу XX века между ЦДУМ и ДУМ РБ устанавливается некий стабильный баланс сил. За ЦДУМ закрепляется около 40% мусульманских общин, за ДУМ РБ около 60%. Декларируется задача возрождения этноконфессиональной самобытности мусульман в связи с возникшими проблемами возрождения ислама. Прежде всего, это проблемы формирования системы религиозного образования и нехватка кадров профессионального духовенства, реформирование системы Духовных управлений, выстраивание новой модели отношений между исламом и государством, появление альтернативных, нетрадиционных направлений ислама, а также в связи с процессом политизации ислама и возникновением радикальных религиозно-политических групп¹.

В целом период с 1992-2000 годов, сопряженный с противоборством духовных управлений, можно обозначить периодом институционализации ислама, сопровождавшийся становлением мусульманских общин, открытием первых мусульманских учебных заведений, возрождением института мусульманского духовенства. Духовенство формировалось как особая социальная прослойка без особых мировоззренческих установок и поведенческих стереотипов. В основном этот процесс шел по пути превращения неофициальных и необразованных сельских мулл в официально зарегистрированное духовенство. Основными источниками формирования

---

¹ Макаров Д. Радикальный исламизм в российских регионах: общее и особенное (на примере Дагестана, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Татарстана // Ислам в советском и постсоветском пространстве: история и методологические аспекты исследования. Казань, 2004. С. 47

современного мусульманского духовенства в Башкирии стали: 1. Специально обученные имамы, получившие среднее или высшее религиозное образование; 2. Уважаемые люди сельской местности, избранные односельчанами в качестве руководителей общин, в основном бывшие председатели сельсоветов, колхозов, работники КПСС, директора предприятий, школ, отставные офицеры Советской армии; 3. Мигранты из среднеазиатских республик; 4. Самоучки, не имеющие элементарного религиозного образования и выполняющие функции мулл из-за отсутствия более подготовленных кадров.

Среди мусульманского духовенства на конец 2000-х годов можно выделить следующие группы:

- выпускники мусульманских заведений местных исламских учебных заведений и зарубежных, религиозное образование большинства которых строилось на общих (нормативных) исламских принципах и было оторвано от национальных корней религиозной мысли;

- религиозные деятели, имеющие высшее или среднее специальное светское образование и получившие религиозную подготовку, в основном, в местных медресе или на краткосрочных курсах учебных заведений мусульманских стран;

- большую часть духовенства составили представители так называемого народного ислама, которые традиционно связаны с селом и по своему социальному происхождению и имущественному положению мало чем отличаются от основной массы деревенского населения.

Многие молодые выпускники исламских учебных заведений не стали работать по избранной специальности по экономическим причинам. Если дореволюционные общины могли сами содержать мечети и своих имамов, то современные делать это не в состоянии. Хотя они и получили государственную регистрацию, но еще не стали самостоятельной ячейкой мусульманского сообщества. Руководство мусульманского духовенства зачастую привлекало пенсионеров, которые, как правило, соглашались выполнять обязанности священнослужителей на общественных началах.

Кадровый состав имамов по данным на 1997 г., приведенный исламоведом А.Б. Юнусовой¹ свидетельствует, что духовенство более чем наполовину состояло из лиц престарелого возраста, не имеющих специальности, самостоятельно обучавшихся канонам ислама, только 3 % имамов имели высшее религиозное образование. Примерно пятая часть имамов - это лица в возрасте 26-40 лет, обучавшихся в медресе, с образованием от среднего специального до высшего. Именно эта, наиболее активная и перспективная часть имамов и продолжила решение задачи восстановления ислама в республике.

© Хабибуллина З.Р., 2011.

---

¹ Юнусова А. Б. Ислам в Башкортостане. – Уфа, 1999. – С. 299.

Халитова Н. Н.

Геометрические орнаменты кочевого стиля и их отголоски в татарской архитектуре

Актуальность выбранной темы определяется весьма малой изученностью настоящей темы в отечественной науке в общем аспекте (кочевой архитектурный декор) и полной неизученностью на уровне татарского архитектурно-декоративного искусства в аспекте стилевой принадлежности отдельных декоративных деталей и архитектурного орнамента в частности. Более того, совершенно неизученным оказываются некоторые древние художественные традиции, слагающие основу современного стиля эпохи.

Объектом исследования, таким образом, является кочевой стиль и его проявления в архитектурно-художественной культуре Поволжья и России. Предметом исследования становится архитектурный орнамент казанских татар и его отголоски в русской архитектуре с точки зрения влияния художественных традиций кочевого прошлого.

Постановка проблемы. Стиль татарских орнаментов в том виде, в каком мы сейчас их воспринимаем в окончательном варианте, в большой степени сложился под воздействием кочевой, сельджукской и османской культур, что однозначно говорит об общей культурной ориентации народа в эту сторону. Кочевые мотивы прослеживаются во всех областях художественной культуры и их след читается даже в архитектуре XVII - начала XX вв.¹

Тысячелетняя традиция кочевого стиля, сложившая психологию восприятия оформленного пространства у тюркских народов не могла внезапно смениться на иную при простой смене способа хозяйствования. Тем более там, где бывшие кочевники стали во главе общества и создали устойчивые городские цивилизации на базе развитых строительных культур. Таковы были хазары, болгары, венгры, турки-сельджуки, арабы, монголы и др.

Собственно архитектурно-декоративных деталей, украшавших средневековые здания наших предков, сохранилось не так уж много. В основном они относятся к золотоордынскому времени. Тем не менее, орнаментальные мотивы, применявшиеся в татарской архитектуре ханского времени нам во многом известны. Это, прежде всего, каменная резьба надгробий, сохранившая достаточно много разнообразных орнаментов, позволяющих изучить эту сторону декоративного искусства². Разумеется, никто не придумывал специальных орнаментов для надгробных камней: это

---

¹ Халит Н. Отголоски образов кочевого прошлого в архитектуре казанских татар // Известия КазГАСУ, 2011, №1 (15). Казань, КГАСУ, 2011. С.51-59.

² Валеев Ф.Х. Орнамент казанских татар. Казань: Татарское книжное издательство, 1969; *Его же*: Древнее и средневековое искусство Среднего Поволжья. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975.

были те же архитектурные детали, адаптированные под соответствующие объемы. Сопоставляя их с реальными образцами на стенах сохранившихся (к сожалению, не у нас) зданий, несложно представить их архитектурные прототипы в резьбе, росписи или изразцовой мозаике. Несомненно, подобные же узоры покрывали поверхности стен, архитектурных деталей или предметов интерьера. Каменная резьба донесла до нас лишь одну из многообразных техник исполнения, но по ним мы можем судить о стилевых качествах поволжского архитектурного орнамента и его своеобразии. Техника исполнения его могла быть пластической (резьба, литье, узорная кладка) или плоскостной (изразцы, росписи, мозаика), монохромной или многоцветной. Сам орнаментальный мотив или сюжет, запечатленный в каменной резьбе татарского надгробия, таким образом, мог воплощаться в архитектурных средневековых сооружениях в рамках стиля разнообразными способами и в различных элементах фасадного или интерьерного декора, наглядные примеры чему можно найти в сохранившихся сооружениях за пределами Татарстана. При сопоставлении татарских орнаментальных мотивов с примерами из турецкой и русской архитектуры открывается реальная возможность выйти на обоснованные реконструкции средневековых архитектурных элементов средневекового мусульманского Поволжья.

Орнаментальные мотивы

Жгуты и веревки. Один из распространенных орнаментальных мотивов во все времена, в том числе и в сельджукском и османском стилях. У татар встречается в резьбе надгробий и деревянной резьбе в бордюрном оформлении ворот, наличников и т.п.¹ В османских сооружениях Турции это также часто встречающийся бордюрный мотив еще с сельджукских времен, куда он, вероятно, был перенесен из кочевого стиля. Вережки, жгуты, разнообразные узлы и плетенки, вырезанные в камне и дереве явно имитируют реальные конструкции кочевой мобильной архитектуры (ванты, обвязки проемов, крепления карнизов, оплетка несущих столбов и конструкций). Их расположение на фасадах зданий красноречиво указывает на их роль в соответствующих элементах мобильных сооружений (юрт, шатров, палаток, навесов). В то же время веревка, украшающая карниз каменного здания или опоясывающая дверной проем, не имеет тектонического смысла с точки зрения западноевропейских канонов архитектурного декора.

Зигзаг. Этот древнейший мотив, берущий начало в кочевом прошлом тюрков² и широко освоенный в сельджуком стиле, получил широкое распространение как у татар, так и у турков. Для татарской архитектурной традиции этот мотив имеет особое значение, поскольку именно многоцветные полосатые и зигзаговые узоры на стенах домов и мечетей

---

¹ Валеев Ф.Х. Архитектурно-декоративное искусство казанских татар. Сельское жилище. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1975. 212 с.

² Халит Н., Орнаментальные мотивы кочевого стиля и его традиции в средневековой татарской архитектуре // Известия КазГАСУ, 2011, №2 (16). Казань, КГАСУ, 2011. С.47-57.

отличают ее от традиций других народов России, и Среднего Поволжья в частности. Вся полосатая и зигзаговая раскраска в народном зодчестве окружающих народов, в том числе и русских, характерная для околоказанской зоны, по единодушному признанию исследователей, должна быть отнесена к татарскому влиянию. Его происхождение связывается с ткаными узорами стенных занавесей и полотнищ, оформлявших интерьеры и фасады юрт и шатров, впоследствии перекочевавшие на стены сельджукских каменных и кирпичных сооружений в технике узорной кладки или изразцовой облицовки.

Меандр. Этот мотив, встречающийся практически у всех народов мира, занимает прочное место и в орнаменте кочевых народов. Чаще всего мы видим косой меандр, напоминающий традиционную кочевническую волну и бесконечную геометризированную растительную лозу. В искусстве татар меандр встречается так же часто и может рассматриваться как один из древних и традиционных элементов архитектурного декора. Его мотивы вспомогательны, занимают подчиненное место в орнаментальных композициях, но ритмический четкий звенящий рисунок меандра придает им регулярность, необходимую для восприятия архитектурной детали.

Розетки. В искусстве татар можно обнаружить как традиционные разновидности розеток, так и характерно османские. Впрочем, они составляют относительно небольшой процент по сравнению с розетками древнего кочевого и сельджукского происхождения (мотивы цветка, солнца, колеса, звезд и спиральных вихрей). В целом типология розеток мало изменялась и стойко сохранялась в течение последнего тысячелетия в татарском искусстве резьбы, чеканки, литья, гравировки и мозаики.

Более сложные геометрические узоры татарских безворсовых тканых ковров, половиков и вышивок, судя по наличию аналогичных орнаментальных кирпичных облицовок сельджукских минаретов и других сооружений XX-XIII вв. в Иране, Ираке, Средней Азии и на Кавказе, можно отнести к древнему пласту архитектурных орнаментов кочевого стиля, сохранившемуся в нашем искусстве. С большой долей вероятности можно предполагать подобную же орнаментальную кирпичную кладку и в архитектуре Волжской Булгарии и Золотой Орды, развивавшихся в рамках этого же стилевого направления.

Геометрический орнамент этого типа имеет вид регулярной полихромной структуры, набранной из повторяющихся элементов различной степени сложности: начиная от полос зигзагов и квадратов разной ширины до усложненных композиций из более простых фигур. Как уже говорилось, большинство таких орнаментов совершенно аналогичны сельджукским X-XIV вв. как в ковроткачестве, так и в узорной облицовке стен кирпичом. В рисунке и композиции других явно видны монгольские корни. В третьих можно видеть сходство с русскими и финно-угорскими мотивами вышивок.

Гирехи, как одно из главных декоративных средств, просуществовали в архитектуре татар и их предков более тысячи лет после принятия ими Ислама, почти не меняя формы, и практически в неизменном виде

встречались в болгарской, золотоордынской и более поздней татарской архитектуре, воплощаясь в самых разных материалах и техниках. Они могли выполняться в технике резьбы, мозаики, выколотки (чеканки), литья и росписи и оформляли в основном плоские поверхности (ограждающие и оконные решетки, дверные полотнища, декоративные панели и т.п.), хотя порою применялись и на криволинейных поверхностях (купола, своды, стержни колонн, мукарнас и др.). Сопоставление немногочисленных находок архитектурных деталей, оформленных гирехами, на территории Татарстана и Казани с подобными же деталями всего сельджукского региона говорит об их идентичности и позволяет считать возможным появление любой из его разновидностей в казанской средневековой архитектуре. Этот вид орнамента очень универсален. Он встречается на стволах, основаниях и шерефе минаретов, в рисунке разнообразных ограждений и оконных решеток, на тимпанах и витражах, михрабах, минбарах и порталах, потолках и дверях и т.д. и т.п. Реально остатки штампованных или резных гирехов (стенные панели) найдены в развалах Ханского дюрбе близ башни Сююмбике (XVI в.) и на остатках неизвестного здания близ крыльца Благовещенского собора в 1861 году.

Рассмотренные орнаментальные мотивы кочевого декоративного стиля всеобщие для огромных пространств Евразии и Ближнего Востока, хотя встречались и региональные или национальные особенности, присущие отдельным народам и культурам. Таким образом, в рамки архитектурного декора вводится такой специфический пласт художественной культуры как мотивы декоративно-прикладного искусства, обычно привлекаемые лишь в качестве сопоставительного материала, но отнюдь не как элемент архитектурной культуры.

Специфика кочевого стиля состояла именно в том, что многие предметы быта одновременно служили элементами архитектуры, а не просто дополняли архитектурное пространство, как это принято в быту оседлых народов. Соответственно, приемы декоративного оформления, в том числе и характер орнамента, могли полностью совпадать. Сохранившиеся образцы декоративного средневекового искусства Поволжья и их отголоски в более поздних произведениях казанских татар (и не только) дают все основания считать кочевой стиль одним из исторических стилей татарской художественной культуры во всех его проявлениях: декоративно-прикладном, монументально-декоративном искусстве и в архитектуре. Его мотивы (в том числе и орнаментальные), прослеживающиеся на многочисленных памятниках всех последующих эпох и вплоть до настоящего времени, позволяют отнести кочевой стиль к числу традиционных для татарской архитектуры наряду с сельджукским и османским, ставшими базовыми для татарской архитектурной традиции Нового времени.

Хасанова З.Ф.

Лесные промыслы у башкир инзерского бассейна в середине XIX - начале XX вв.

Главным занятием у башкир инзерского бассейна (так называемых горных башкир), наряду со скотоводством, были лесные промыслы, получившие широкое распространение с середины XIX в. Их развитию способствовали как природные ресурсы указанной территории, так и особенности социально-экономического развития этого региона во второй половине XIX в.

Не случайно в указанный период времени Р. Г. Кузеев относил эту территорию к району смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства¹. О значимой роли лесных промыслов в хозяйственной структуре горных башкир свидетельствовали и исследователи того времени. Так, Д. П. Никольский, писал, что у инзер- и кузгун-катайцев «главное их занятие – это лесной промысел, которым занимаются они круглый год»².

Лесные промыслы башкир инзерского бассейна включали следующее: рубка и сплав леса, заготовку различного рода сырья, гонку смолы и дегтя, дранье мочала, углежжение. Основное место среди вышперечисленных промыслов занимали заготовка леса и его вывоз.

Как свидетельствуют архивные материалы ЦГИА РБ, горные башкиры заготавливали лес, как в собственных, так и казенных дачах³. Они готовили дрова для Белорецкого, Тирлянского, Инзерского, Лапыштинского, Зигазинского, Авзяно-Петровского, Узьянского, Кагинского заводов⁴.

Лесные работы проводились в течение всего года, однако пик их приходился на зимне-весенний период. В. В. Кубер в конце XIX в. писал, что «рабочая пора для башкир была зима, в это время года они рубили лес, вывозили его к сплавным рекам, к весне работают при сплаве леса, а также занимаются гонкой смолы»⁵.

В то время вырубали лес, который делился на дрова и деловой. Дрова заготавливались в течение всего года, сезоном считались зима и ранняя весна. Деловой лес, который шел на строительные материалы, рубили зимой и осенью. Для строительного материала в основном использовали сосну, лиственницу и ель. Наиболее распространенные размеры бревен равнялись 6-7 метрам⁶. Для сохранения заготовленных бревен, весной их очищали от коры, приподнимали от земли и складывали на подкладки.

¹ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 108.

² Никольский Д.П. Из поездки к лесным башкирам // Землеведение. 1895. № 4. С. 58.

³ ЦГИА РБ. Ф. И.-99. Оп. 1. Д. 24, Ф. И.-99. Оп. 1. Д. 44, Ф. И.-99. Оп. 1. Д.2. Ф. И.-99. Оп. 1. Д.15.

⁴ ПМА. Записано у Галиуллиной Р.И. 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдюково. 2010 г.

⁵ Кубер В.В. Оренбургская Башкирия в лесохозяйственном и лесопромышленном отношениях. Спб., 1887. С. 4.

⁶ Муллагулов М.Г. Лесные промыслы. Уфа, 1994. С. 24.

Вывозкой леса с делянок занимались осенью и зимой. Для этого осенью использовали волокушу (*һөйрәтке*)¹. В зимний период вывозили на санях. При вывозе длинных бревен из леса использовали сани, к саням прицепляли маленькие сани, которые в народе называют подсанками². Исследования М. Г. Муллагулова показали, что подсанками начали пользоваться в конце XIX в.³. Вывезенный лес складывали на берегу реки, откуда, весной в период половодья сплавляли по рекам: Белая, Тюльма, Малый и Большой Инзер, Суриндзяк и по более или менее значительным их притокам. Особенно много леса сплавлялось по реке Белой. Так, если в 1886 г. по Бельскому речному бассейну прошло всего лишь 334 плота, то в 1899 г. их насчитывалось уже 1628⁴.

Важным моментом лесоразработки был сплав лесных материалов (*кыузын*). Сплав начинался после очищения рек от льда и продолжается до июня, а в иные годы – до самой осени⁵. Лесосплав осуществлялся разными способами. Различался сплав молевой (отдельными бревнами по течению), плотовой (связанные в плоты плывут по течению или буксируются) и кошельный (когда лес размещается в ограждениях из бревен (кошелях)) и транспортируются буксиром⁶.

С весны до осени башкиры занимались углежжением, существовавшим в крае уже с древних времен, и получившем особенно широкое распространение в связи со строительством горных заводов на территории Южного Урала. В рассматриваемый период существовало три типа углежжения: ямный, кабаный или кучный и печный. У башкирских углежогов получил повсеместное распространение так называемый «ямный» способ. Уголь выжигали из различных пород деревьев, но чаще всего из сосны. Дрова заготавливались с весны, рубили с конца марта до конца апреля, распиливали на поленья, складывали на поленицы, оставляя на лето для сушки. В сентябре дрова сортировали на сосновые и березовые и складывали на отдельные кучи для жжения угля. Ямы жжения угля устраивались вблизи леса, чтобы не далеко было ввозить. Процесс углежжения состоял в следующем – для жжения угля на пригорке с сухим грунтом рыли круглую яму диаметром в 2 и 2, 5 м и глубиной около одного метра. Далее, на дно ямы клали подкладки из бревен и на них укладывали дрова, оставляя сквозное пространство. После этого, положив на ее центр сухую хворостину, заканчивали работу по укладке дров. Затем все это сооружение покрывали сухой травой и ветками, обкладывали его землей и дерном по всей поверхности. Поскольку хворостина была сухая, костер быстро разгорался. Углежоги не оставляли костер ни днем, ни ночью, чтобы обугливание

---

¹ Муллагулов М.Г. Указ.соч. С. 24.

² ПМА. Записано у Мухаметшина Д.Х. 1945 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдюково. 2010 г.

³ Муллагулов М.Г. Там же. С. 26.

⁴ Муллагулов М.Г. Там же. С. 31

⁵ Муллагулов М.Г. Там же. С. 27.

⁶ Шакурова Ф.А. Южноуральское село Кага: история края в вопросах и ответах. Уфа, 2010. С. 49.

происходило равномерно¹. Обугливание зависело от объема дров в яме, поэтому операция жжения угля продолжалась от двух-трех суток до 10 дней. После этого, вскрывали яму с помощью лопаты освобождая ее от дерна и земли. Остатки огня в куче тушили водой. Уголь должен был получиться, крупный и хорошо качества. Затем готовый уголь выгружали из ямы и готовили к продаже горным заводам.

В разное время за древесный уголь платили по-разному, например, 1763 г. в Авзяно-Петровском заводе за закладку 20-ти саженой кучи (объем кучи 11300 кубических футов) заводским вспомогательным рабочим платили 2 руб.² В 1855 г. за короб древесного угля* платили 65 коп., а 1861 г. за этот же объем платили 1 руб. 81 коп.³. В год Белорецкому заводу надо было 23 тыс. короб древесного угля, Кагинскому – 7 тыс., Авзяно-Петровскому заводу – 38 тыс., Узьянскому заводу – 16 тыс.⁴.

Широкое распространение у горных башкир получили так же промыслы по заготовке материала из коры липы. Из нее получали мочало, лыко и лубок. Из мочала башкиры делали веревки, рогожи, сбрую и т.д. которые, по словам Д. П. Никольского в то время «продавались в Архангельском заводе, или в Верхнеуральске, а иногда на мочало являются скупщики, которые почти за бесценок скупают весь товар»⁵.

С наступлением весны у башкир начиналось дранье лыка. Съём липовой коры для мочала производился, когда в деревьях происходило сокодвижение – с конца мая по июнь, для получения более качественного материала снимали в июле⁶. Об этом же писал и Д. П. Никольский: «С наступлением весны начинается у башкир дранье лыка, сушка и затем летом замочка его в речках. На пути к Инзеру часто встречаются в реках запруды из мокнувшего лыка. Подобное мочение продолжается до осени»⁷.

В работе по съему липовой коры участвовали в основном мужчины, так как это было очень трудоемкое производство и требовало от мастера много сил, хотя и бывали случаи, когда участвовали женщины. Сначала помощью топора вырубали дерево. Затем для получения мочала лыка с корой, клали в маленькие озера для замочки, которые остались после весеннего половодья, либо на маленьких речках на 30-40 дней. Сверху на лыко клали грузило – камень. Длина лыко оставляла от 4 до 6 м. После замачивания, лыко вытаскивали с озер, и начинали снимать кору, затем мыли и вешали под навесом для сушки⁸.

---

¹ Муллагулов М.Г. Указ.соч. С. 155., Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 136.

² Боков В.Е. Куренная операция на уральских горных заводах. Пермь,1898. Т.1. С. 284.

* заводской казенный короб вмещал в себе 22, 656 куб. вершн., или 5,53 куб. арш. 70,36 куб.футов.

³ Боков В.Е. Указ. соч. С. 466.

⁴ Там же. С. 471.

⁵ Никольский Д.П. Указ. соч. С. 10.

⁶ ПМА. Записано у Шагисултанова Г.Г. 1948 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуяково. 2010 г.

⁷ Никольский Д.П. Там же. С. 10.

⁸ ПМА. Записано у Галиуллиной Р.И. 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Габдюково. 2010 г.

Широкое распространение получили у горных башкир промыслы по гонке дегтя (*дегет кайнатыу*) и смолы (*ыҫмала кыуыу*). Деготь башкиры изготавливали в основном для продажи. В хозяйстве деготь смешивали со смолой (шушмин) и использовали для смазывания кожаных изделий, а также тележных колес¹.

На гонке дегтя и смолы, как и на углежжении, основную рабочую силу составляли мужчины, труд женщин и подростков использовался лишь при заготовке материала.

Дегть получали из бересты, лучшим материалом считалась сырая береста (*йәш туз*), которую, как правило, гнали весной во время активного сокодвижения в деревьях (*Кайын ишкәкләгәндә*). Коросъемка требовала от мастера мастерства и навыков, обычно эту работу мог выполнить и один человек. Прежде чем приступить к делу, мастер тщательно выбирал дерево, чтобы оно не было старым и больным. Наибольший выход дегтя получали от бересты, снятой с деревьев более старых возрастов. Поэтому съем бересты следовало производить, как правило, с деревьев диаметром не менее 12-14 см. Лучшим сырьем для производства дегтя являлась «соковая» береста, то есть береста, снятая с растущих деревьев². Снимали бересту с помощью топора от метра до двух метров, по словам информаторов, в таком случае береза через 5-8 лет восстанавливалась³. Съемка коры производилось следующим образом, сначала делали вертикальный надрез (*һыҫык*) на дереве до луба, затем – два горизонтальных, определяющих размер части бересты. Отдирали кору с помощью топора и долота (*кыйҫак*) с длинной деревянной ручкой.

Заготовленную кору сначала собирали в кучу, а затем на телегах перевозили к местам дегтекурения. Гонка дегтя у горных башкир производилась в ямах. Этот способ у башкир сохранялся довольно долго, вплоть до 30-х годов XX в.⁴. Ямы (*дегет баҫы*) находились вблизи леса, либо пригорке, либо на берегу реки. Глубина ямы достигала до 2 м, а диаметр ее достигал от 1,5 до 3 м. Ямы обмазывались изнутри толстым слоем глины (*мәте балсык*) или же обкладывались кирпичом⁵. Со дна ямы наружу выходила деревянная из цельного бревна труба (*улак*), по которой вытекал деготь⁶. В месте выхода трубы наружу стена укреплялась камнями или деревянными плашками.

Операция гонки дегтя начиналась с наполнения ямы. Всю внутреннюю поверхность ямы равномерно обкладывали берестой, в центре устанавливали

---

¹ Муллагулов М.Г. Указ. соч. С. 157.

² ПМА. Записано у Абсалямова М.Б. 1925 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево. 2011 г.

³ ПМА. Записано у Шагисултанова Г.Г. 1948 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуяково. 2010 г.

⁴ Муллагулов М.Г. Указ. соч. С. 157.

⁵ Муллагулов М.Г. Там же. С. 157.

⁶ ПМА. Записано у Садригдинова Н.И. 1938 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Ассы. 2011 г.

так называемую бабку (*инэсэй, эсэй*), представлявшую собой плотно сложенные вместе берестяные листы. После того, как яма заполнилась (она имела округленную форму), она обкладывалась травой и кусками дерна. Далее разжигали бересту по всему кругу¹. Мастер в течение всей операции следил за тем, чтобы горение происходило медленно и постепенно. Если где-нибудь береста сильно разгоралась, то мастер немедленно умирал огонь, ударяя по этому месту с помощью специальной палкой (*бутагас*), а там где он горел еще слабо, оживляли его помощью того же инструмента. По мере тления бересты, деготь вытекал на дно ямы, а оттуда по трубе в деревянный сосуд, предназначенный для этого².

Немало важную роль у горных башкир имел промысел добычи смолы. Вначале XX в. М. А. Круковской писал: «Лесные, как и горные, башкиры занимаются сидкой дегтя, выделкой колесных ободьев, рубкой и сплавом леса»³.

Смола – известный густой древесный сок, особенно хвойных деревьев, который нерастворим в воде⁴. Смолу башкиры собирали в основном для продажи, в горные заводы.

Заводы использовали деготь и смолу как смазочные материалы. К ним добавляли животного сала и смазывали трущиеся части машин: подшипники колес, молотов, мехов, кривошипы, пальцы у валов⁵. Башкиры ее использовали для лечения разных болезней (лечили в основном простуду, бронхи, легкие), и в быту (шушмин). Добыча смолья проводили с весны до осени, то есть в теплое время года, когда смола бывает не замерзшая. Смолу получали из молодых сосновых растущих деревьев. Для его сбора мастера с помощью специального топора, в нескольких местах делали прорез на высоте до 2 метров, внизу дерева ставился сосуд, куда стекала смола. Как говорят информаторы, в течение 3 дней этот сосуд наполнялся смолой. После этого, смолу выливали в большую емкость – бочку⁶. Для сбора полной бочки смолы надо было «отметить» (*нызырға*) около 5-6 тыс. сосновых деревьев⁷. В зимний период, собирали уже засохшие и засмоленные смолья – пни и корни соснового дерева. Заготовленные смолья подвозились к местам курения на телегах и складывались в кучу. Перегонка смолы был близок по технике и способу добычи дегтя⁸. Перегоняли смолу, как и деготь в яме.

Таким образом, лесные промыслы играли существенную роль в жизни горных башкир, особенно развитие, получившее с середины XIX до начала XX вв.

---

¹ Муллагулов М.Г. Там же. С. 158.

² ПМА. Записано у Шагисултанова Г.Г. 1948 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Зуяково. 2010 г. .

³ Круковский М.А. Южный Урал. Путевые очерки. М., 1909. С. 90.

⁴ Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2007. С. 254.

⁵ Кулбахтин Н.М. Формирование горной промышленности Башкирии в XVIII в. Уфа, 1989. С. 62.

⁶ ПМА. Записано у Абсалямовой Ф.А. 1928 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, с. Шигаево. 2010 г.

⁷ ПМА. Записано у Садритдинова Н.И. 1938 г.р., Республика Башкортостан, Белорецкий район, д. Ассы. 2011 г.

⁸ Муллагулов М.Г. Указ. соч. С. 160.

Лесные промыслы у горных башкир включали: рубку и сплав леса, заготовку различного рода сырья, гонку смолы и дегтя, дранье мочала, углежжение. Среди вышеперечисленных промыслов основное место занимала заготовка леса и его вывоз.

© Хасанова З.Ф., 2011.

Чернова Т.А.

Ментальные аспекты русско-башкирских конфликтов середины XVI - середины XVIII вв.

Изучение русско-башкирских отношений середины XVI - середины XVIII вв. до сих пор остается весьма актуальным. Продолжают вестись споры и дискуссии о характере вступления Башкирии в состав Московского царства и тех причинах, которые приводили к вооруженным восстаниям. На наш взгляд, необходимо говорить не только о политических и экономических причинах вооруженных столкновений, но и обратить особое внимание на ментальный аспект проблемы.

Прежде всего, определимся с терминологией. Ментальность (от лат. *mens, mentis* – ум, мышление, рассудительность, образ мыслей, душевный склад) – совокупность социально-психологических установок, автоматизмов и привычек сознания, формирующих способы видения мира и представления людей, принадлежащих к той или иной социально-культурной общности. Как любой социальный феномен, ментальности исторически изменчивы, но изменения в них происходят очень медленно¹.

Общей характерной чертой ментальностей – в отличие от доктрин и идеологических конструкций, представляющих собой законченные и продуманные системы, – является их открытость, незавершенность, диффузная природа, «разлитость» в культуре и обыденном сознании. Ментальности выражают не столько индивидуальные установки каждого из людей, сколько внеличную сторону общественного сознания. Субъектом ментальностей является не индивид, а социум. Они проявляются в словесном языке (вербальной культуре общества) и языке жестов, в поведении, обычаях, традициях и верованиях.

Таким образом, мы используем термин ментальность для обозначения тех или иных культурных стереотипов, типичных для больших социальных групп или характеристики духовной настроенности всего общества.

Именно в стереотипах мировоззрения, выступающих в качестве базового уровня сознания, и кроются корни любых взаимоотношений, в том числе – межэтнических.

Нашей задачей является попытка выделить такие стереотипы в социально-политических действиях башкир по отношению к своим соседям.

---

¹ Философия: Энциклопедический словарь. М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина. 2004. С. 457

Для того чтобы выявить те принципиальные ментальные установки, по которым обнаружались противоречия между башкирскими суперсоюзами и российским правительством, что привело к кровопролитным столкновениям, необходимо проследить историю башкирского этноса и уяснить какими традиционными методами пользовались башкирские племена при выстраивании отношений с соседями.

Ранняя история башкирского этноса продолжает оставаться дискуссионной темой. Все еще не поставлена точка в спорах между сторонниками «венгерского» и «тюркского» происхождения башкирского этноса, между сторонниками миграционной и автохтонной теории.

Тем не менее, начиная с IX - X вв. можно уже с достоверностью говорить о башкирах на территории Урало-Поволжья или «Исторической Башкирии». Арабские путешественники, посещавшие район Южного Урала в IX и X вв. с миссионерскими и торговыми целями, встретили здесь башкир уже в качестве господствующего племени. Ибн-Фадлан, посол халифа Муктадира (907–932) к волжским болгарам, сообщает о турецком народе башджарт, который кочевал за волжскими болгарами, в соседстве с печенегами¹.

Занимая очень выгодное географическое положение, башкирские племена начинают активно включаться в систему геополитических отношений с соседними государствами. На наш взгляд правомерно разделить историю башкирских племен на несколько периодов.

Первый период можно условно обозначить как болгарский.

Ранняя история волжских болгар изучена мало, но известно, что на Волге болгары оказались не позднее VIII — IX вв. и вплоть до середины X века продолжали находиться в зависимости от Хазарского каганата, что подтверждает и тюркский титул правителя Волжской Булгарии «эльтеб ер», то есть зависимый от хана². Расцвет Волжской Булгарии приходится на XI-XII вв. Распад Хазарского каганата после его разгрома киевским князем Святославом I Игоревичем в 965 г. закрепил фактическую независимость Булгарии.

Как утверждает М.К. Любавский с образованием на средней Волге и нижней Каме Булгарского ханства Башкирия, вошла в состав подчиненных болгарскому хану земель. Политические и торговые связи с Болгарией повели к известному культурному воздействию ее на Башкирию. Под влиянием волжских болгар в начале X в. ислам приняла определенная группа западных башкир, находившаяся в орбите их культурного влияния³. Памятниками этого являются найденные в Башкирии плиты на могилах некоторых мусульманских

---

¹ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М. - Л., 1939. Цит. по: Любавский М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.: Изд-во Моск. ун-та., 1996. С. 489.

² Баркаръ Е. «Волжская Булгария» Межвузовский сборник: Научные статьи студентов и аспирантов вузов Санкт-Петербурга. / Под ред. А.А. Волоковых. СПб.: Изд-во Института «Высшая религиозно-философская школа», 2005. С. 72 – 77, Иванов В.А. Путь Ахмеда ибн-Фадлана. Уфа, Китап, 2010. С. 6

³ Любавский М. К. Указ. Соч., с. 490

проповедников, умерших, судя по надписям, как раз во время существования Булгарского ханства¹.

И хоть письменных упоминаний о контактах болгар с башкирами не сохранилось, но общая логика развития средневековых феодальных держав, плюс косвенные доказательства, позволяют согласиться с тем, что башкирские земли находились под влиянием сильного соседа. Башкирские племена были разрозненны, процесс этногенеза и самоидентификации еще не закончился, собственной государственной традиции они не имели. Однако племена занимали весьма привлекательные для соседних народов земли. Естественно предположить, что Волжская Булгария, получившая независимость, активно развивающаяся в экономическом плане и нашедшая влиятельных союзников, не могла не обратить внимания на слабозаселенную, но очень богатую башкирскую землю.

С другой стороны мы не находим никаких свидетельств, говорящих о борьбе башкирских племен за свою полную независимость. Вероятнее всего «мирное», бескровное принятие болгарского покровительства в то время было более выгодно для башкир. Такой вид отношений с сильным соседом давал возможность оставаться на исконных землях и при необходимости получить помощь от Булгарии.

С середины XIII века начинается следующий – золотоордынский – период башкирской истории.

До сих пор время и обстоятельства вхождения Башкирии в состав империи монголов оставались малоизученными. Существовало общепринятое мнение о том, что башкиры были завоеваны в период 1236-1242 гг. Эта гипотеза была основана на свидетельстве Плано Карпини. Он перечисляет земли, захваченные монголами: «Названия земель, которые они одолели, суть следующие: Китай, Найманы, Соланги, Кара-Китай, или черные Китай, Комана, Тумат, Войрат, Караниты, Гуйюр (Нууур), Су-Монгал, Меркиты, Мекриты, Саригуйюр, Баскарт, то есть великая Венгрия»², и указывает, что эти территории были покорены после европейского похода: «Возвратившись оттуда (из Европы – прим. Т.Ч.), они пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север, против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их».³ Однако есть и другая версия событий. А.-З. Валиди полагал, что башкиры вошли в состав монгольского государства в период кампании Джучи в Южной Сибири 1207-1208 гг.⁴ Он подчеркивал, что путаница произошла из-за того, что под именем «башкир» подразумеваются и мадьяры. А.-З. Валиди указывает еще на один очень важный для нас момент. Он указывал на то, что не сохранилось сведений о ведении башкирами

---

¹ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. / И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандияров и др. Т.1 Уфа, Китап, 2007. С. 63

² Джованни дель Плано Карпини. История Монголов. Отв. ред. Н.П. Шастина. М: Гос. изд-во географ. лит-ры, 1957. С. 157-171

³ там же.

⁴ Ахметзаки Валиди Тоган История башкир. / Перевод с тур. А.М. Юлдашбаева. Уфа, Китап, 2010. С. 36.

вооруженной борьбы против монгольских ханов. И делает вывод, что они покорились добровольно.¹

Основываясь на шежере племени усерган, современными авторами внесены коррективы в эту версию. Ценным является факт встречи Муйтен-бия с Чингисханом, произошедшей, вероятно, летом 1219 г., когда Чингисхан находился на Иртыше, накануне вторжения в Казахстан и Среднюю Азию. Одновременно эту встречу можно рассматривать как продолжение присоединения башкирских племен. Муйтен-бий вернулся от монголов с ярлыком на владение огромной территорией, включающей весь Южный Урал. Данная грамота юридически закрепила право Муйтен-бия на управление страной собственного народа в ранге улуса в пределах империи Чингисхана.²

Таким образом, башкиры добровольно покорились монголам, пытаясь сохранить собственные земельные угодья, для чего и добивались получения ярлыка на правление.

Естественно, полностью сохранить собственные кочевья от новых господ не удалось. Лучшие пастбища, летовки и зимовки отошли к племенам, которые пришли на Южный Урал как завоеватели. После образования Золотой Орды (1243 г.) башкирские земли были распределены на улусы между Чингизидами. Но башкиры пытались компенсировать земельные потери в степной зоне за счет расширения своих владений на севере. Происходит плотное заселение горно-лесных и лесных районов Южного и Среднего Урала.

Башкиры, как и другие подчиненные народы, облагались налогами и повинностями. Увеличение их размеров служило причиной для восстаний. Из фольклорных источников известны такие восстания как восстание Сураман-батыра и Джалык-бия³.

Медленный распад Золотой Орды, начавшийся после смерти хана Узбека, способствовал укреплению власти местных башкирских биев и батыров над постепенно дробившимися автономными единицами. Одновременно усиливалось экономическое и общественное могущество высших слоев общества – духовенства (муллы, ахуны) и воинов (мирзы, тарханы). Объединившись вокруг своих военачальников и все больше становясь независимыми, башкиры стали создавать племенные конфедерации⁴. В эпосе «Кусяк-бий» упоминается союз бурзян, усерган, тангауров и тамьян, возникший на Урале под властью хана Мясема.⁵ Таким образом, распад Золотой Орды был на руку населению, еще недавно

---

¹ История Башкортостана с древнейших времен до наших дней. / И.Г. Акманов, Н.М. Кулбахтин, А.З. Асфандияров и др. Т.1 Уфа, Китап, 2007. С. 66

² Там же, С. 62; Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды, М., 1973. С. 56.

³ Мавлетов В.С. История и культура Башкортостана. Уфа, 2008. С. 14-16, 68-71

⁴ Кузеев Р.Г. Этническая история башкир с конца I тысячелетия нашей эры до XIX века. Уфа, 1969. С. 107.

⁵ Цит. По: Усманов А.Н. Добровольное присоединение Башкирии к русскому государству. Уфа, 1982. С. 42.

входившему в ее состав и продолжавшему консолидироваться даже после своего подчинения казанским, сибирским, и ногайским ханам в конце XV в.

Именно в XV веке Золотая Орда распалась на Ногайскую орду (начало XV века), Казанское (1438г.), Крымское (1443 г.), Астраханское (1459 г.), Сибирское (конец XV в.), Большую орду и другие ханства.

Большая часть башкирских племен подчинялась Ногайской орде. Положение башкир накануне присоединения к Русскому государству было крайне тяжелым. П.И. Рычков свидетельствует, что башкирские племена, разделенные между Ногайской ордой и ханствами Казанским и Сибирским, сначала «были разграблены и разорены» ногайскими владельцами, а когда часть башкир досталась казанским и сибирским ханам, то «их еще в большее разорение привели и несносными податями обложили».¹

Большие Ногаи своей ориентацией на Москву, признанием вассальной зависимости от Московского государства формально обеспечила до начала XVII в. независимость Ногайского государственного образования и свой кочевой образ жизни, а фактически с 1557 г. добровольно вошла в сферу влияния (политического и экономического) Русского централизованного государства².

Башкирские племена, чутко отреагировали на изменения, происходившие в Ногайском государстве. У ногаев, занятых междоусобной борьбой и проблемами поиска сильного союзника, не было сил удерживать в повиновении башкирские племена. Тем самым перед башкирами встал очень важный вопрос, – им необходимо было решить, какой вектор дальнейшего развития выбрать: поддерживать ногаев или бороться за самостоятельность.

Ситуация была весьма проблематичной, но башкиры сумели грамотно ею воспользоваться. Они не только освободились от власти ногайцев, но и нашли сильного покровителя. По русско-башкирским соглашениям за племенными союзами сохранялись их земли, а также им были переданы земли ногайцев. Об этом свидетельствуют башкирские шежере: «Земли, оставшиеся от бежавших ногайцев, нижайше попросив, взяли [себе]. [Царь] пожаловал [земли] – в верховьях [реки Белой] – граница Нугуш, в низовьях – Кукуш, с впадающими [в эти реки] с обеих сторон речками и степями, горами и скалами. Дали обещание платить ясак куницей»³. П.И. Рычков также упоминает этот факт: «им не токмо те земли, где они прежде подданства своего, будучи еще в малолюдстве и в крайнем убожестве, жили, а именно: за Камою рекою и около Белой Волошки [коя после Белою рекою названа] им, башкирцам, подтверждены, но и сверх того многими местами и разными выгодами пожалованы».⁴

Башкиры были освобождены от многочисленных податей, в подтверждение подданнических отношений они выплачивали небольшой

---

¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С.83

² Сафаргалиев М. Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960 г., С. 201-232; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002 . С. 599-648.

³ Башкирские шежере. Уфа, 1960. С. 79.

⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С.83

натуральный ясак. Так же им было разрешено исповедовать собственную веру.

Сами обстоятельства (алчность и жестокость ногаев, отсутствие консолидирующей силы и желание – по традиции – сохранить свои земли) подтолкнули башкирские союзы племен к решению принять русское подданство. Своего государства они создать не имели возможности, соседи и бывшие ханы уже подчинились Москве. Башкиры, являясь элементом геополитической системы Урало-Поволжья, были вынуждены двигаться в том же направлении. Но в отличие от своих современников, они талантливо и выгодно для себя воспользовались ситуацией.

Но уже скоро в регионе разгораются ожесточенные столкновения башкир с новыми правителями. Политические и экономические причины башкирских восстаний середины XVI – середины XVIII вв. подвергались подробному анализу, как в отечественной, так и зарубежной литературе¹. Но, как уже было сказано, важен еще и ментальный аспект взаимоотношений.

Из выше приведенных фактов следует, что уже в ранний период башкирской истории можно проследить очень важную традицию в отношениях с соседями, которая как раз таки и оказала существенную, можно сказать, определяющую роль в контактах башкир с русской администрацией. На протяжении веков, начиная с болгарского протектората, башкирские суперсоюзы делали все возможное для сохранения своих земель. Вполне естественным для них было практически добровольное подчинение более сильному соседу. С одной стороны это давало защиту, с другой – помогало сохранить земельные угодья на вполне приемлемых условиях. Плата ясака была «меньшим злом» по сравнению с потерей земли и угрозой вынужденного переселения.

Эта техника «внешней политики» башкирских союзов племен, как мы увидели, ни разу себя не подвела на протяжении почти пяти сотен лет. Такой метод решения вопроса собственной безопасности сработал и с Волжской Булгарией, и с Золотой Ордой, такой же бескровный подход был выбран для установления отношений с Московским государством. Техника была

---

¹ *Азнабаев, Б.А.* Интеграция Башкирии в административную структуру российского государства. Уфа: Китап, 1999. 307 с. *Акманов, И.Г.* Башкирия в составе Российского государства во второй половине XVII – первой половине XVIII века - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 257 с. *Акманов, И.Г.* Восстание 1662 – 1664 гг. – первое массовое движение башкир // Крестьянство и крестьянское движение в Башкирии в XVII – начале XX вв. Уфа: БНЦ УрО РАН, 1981. С. 79-115 *Доннелли, А.* Завоевание Башкирии Россией 1552 – 1740. М.: Ваган, 1995. 300 с. *Кузеев, Р.Г., Б.Х. Юлдашбаев* 400 лет вместе с русским государством Уфа: Башкнигоиздат, 1957. 58 с. *Любавский, М.К.* Обзор истории русской колонизации. М, 1996. 577 с. *Порталь, Р.* Башкирия в XVII-XVIII вв. - ЦЭИ УНЦ РАН, Уфа: Филем, 2000. 159 с. *Устюгов, Н.В.* Башкирское восстание 1662-1664 гг. - М.- Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 121 с. *Устюгов, Н.В.* Башкирское восстание 1737-1739 гг. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 154 с. *Кулбахтин, Н.М.* Религиозная политика царизма в Башкирии в XVIII веке. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на Южном Урале и Среднем Поволжье. Уфа: Китап, 1988. С. 34-43. *Нольде, Б. Э.* Образование Русской империи Усмирение Башкирии. // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа: Китап, 2005. С. 211-248. *Порталь, Р.* Россия и башкиры: проблемы взаимоотношений (1662 – 1798 гг.). // Исследования по истории, историографии и источниковедению регионов России. Уфа: Китап, 2005. С. 78-148.

отработана и действенна. На уровне исторической памяти подобный подход закрепился, он был как бы «одобрен и благословлен предками».

Трагедия заключалась в том, что в отличие от кочевников Орды, московская администрация руководствовалась совершенно другими ментальными установками. Если Золотой Орде было достаточно формального подчинения и регулярной выплаты дани с подконтрольных территорий – подобная система подданства была установлена и в отношении русских земель, что дало им возможность при династии Даниила практически превратиться в автономию, – то для Москвы постепенно приоритеты меняются. Русское «оседлое» мировоззрение стремится к фактическому контролю над своими территориями, включению новых земель в административную систему государства.

Почти сразу же после вступления Башкирии в состав Русского государства происходит столкновение ментальностей, наглядной становится та пропасть, которая разделяла русское восприятие подданнических отношений и башкирское. Это выливается в кровопролитные бунты на территории Южного Урала в середине XVI – середине XVIII вв. Естественно, мировоззрение не могло перестроиться мгновенно, чем и объясняется длительность нестабильной ситуации в регионе.

Итак, на наш взгляд проблема русско-башкирских конфликтов XVI - XVIII вв. заложена в тех традициях и обычаях, на которых базировалась «внешняя политика» башкирских союзов племен еще с X – XI вв. Привычка решать проблему сохранения земельных угодий посредством формального подчинения и выплаты ясака, сыграла с башкирскими племенами злую шутку. В отношениях с Москвой башкиры впервые столкнулись абсолютно с другой системой стереотипов, направленной, прежде всего, на создание централизованной государственной системы. Стремление башкир к сохранению автономии в рамках сильного имперского государства вошло в резонанс с общим вектором развития Российской державы, и закономерно привело к столкновениям и конфликтам.

© Чернова Т.А., 2011.

Шайхетдинов М.А.

Развитие студенческого самоуправления в высших учебных заведениях Российской Федерации (1987-2007 гг.)

Общественная активность студентов в советское время всегда была выше, чем у других групп молодежи. Участие в строительных отрядах и отрядах правопорядка, дружинах охраны природы, клубах авторской песни, командах КВН, других самостоятельных студенческих формированиях было неотъемлемой частью жизни любого студента. Однако эта общественная активность практически не распространялась на учебный процесс.

Определенные изменения произошли только после начала перестройки всего советского общества в середине 80-х годов XX в. 21 марта 1987 г. в газете «Правда» были опубликованы «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране» – документ, в котором впервые официально был использован новый для тех времен термин «студенческое самоуправление» (ССУ).

Пятый раздел этого документа назывался «Воспитывать идейно зрелых, общественно активных специалистов». В нем, в частности, говорилось, что «...вопросы творческого овладения профессией, улучшения воспитания в процессе учебы должны находиться в центре внимания комсомольских организаций учебных заведений, органов студенческого самоуправления»¹. При этом под ССУ понималась инициатива и «...самодеятельность коллективов учащихся, комсомольских и профсоюзных организаций вузов в решении всех вопросов студенческой жизни».

Обратим внимание на то, что здесь, во-первых, уже были разведены понятия «комсомольские организации вузов» и «органы ССУ», т.е. подразумевалось, что это – разные общественные формирования. А во-вторых, по мнению авторов документа, в центре внимания органов ССУ должны были находиться именно вопросы «улучшения воспитания в процессе учебы».

В июне 1987 г. Минвуз СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ приняли совместное Постановление № 435/20 «О первоочередных мерах по расширению участия студентов в управлении высшими учебными заведениями», на основе которого многие вузы издавали свои внутренние нормативные акты.

В этом документе предусматривалось, что для участия в управлении деятельностью вуза представители студенческой общественности избираются в ученый совет института и советы факультетов в количестве не менее четверти их состава. Студентам также предоставлялось право принимать участие в планировании и организации учебного процесса, выражать мнение о качестве учебных занятий и даже ставить вопрос об отзыве преподавателей, решать вопросы стипендиального обеспечения студентов и т.д. Более того, им разрешалось создание самостоятельных студенческих подразделений: дискотек, буфетов, секций, мастерских и т.д., действующих на основе хозрасчета.

Процесс демократизации советских вузов получил поддержку и со стороны высшего руководства страны: «Когда в 1988 г. председатель Гособразования СССР профессор Г.А. Ягодин на съезде работников народного образования заявил, что в вузе главным является студент, что вуз – для студента, это стало сенсацией. Такое утверждение резко меняло сложившуюся детерминистическую точку зрения и на вуз, и на студентов. В студенческие аудитории ворвался ветер либерализма»².

---

¹ Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования в стране: сб. документов и материалов. М., Высшая школа, 1987. С. 21.

² Овсянников А.А. Система образования в России и образование России // Мир России. 1999. № 3. С. 99.

Другие исследователи того периода, в частности организаторы опроса, проведенного в 1987–1988 гг. научно-исследовательским центром Высшей комсомольской школы, также отмечали, что в вузах «около 70% студентов подвергали сомнению возможность реально влиять на организацию учебного процесса, своего быта и досуга. Почти половина полагала, что самоуправление создает дополнительные сложности, конфликтные ситуации с администрацией и членами группы. Большинство (61%) студентов на тот момент не видели для себя места в составе ученого совета вуза, и лишь 12% считали, что такая мера могла быть действенной»¹.

Конфликтных точек было несколько. Непонимание возникало не только между студентами и администрацией вузов, но и внутри самих студенческих коллективов, причем сразу по двум направлениям. Во-первых, большинство пассивных студентов настороженно относились к своим более активным коллегам по учебе, пытавшимся «по указанию партии и правительства» правильно воспитывать других. Второе поле напряжения возникало уже между самими активистами-общественниками, часть которых представляла «официальный» союз молодежи, т.е. ВЛКСМ, а другие – альтернативные или неформальные студенческие объединения.

Для дальнейшего анализа необходимо особо отметить, что в те годы «водораздел» между общественно активными и пассивными студентами, а также между студентами-комсомольцами и молодыми неформалами проходил прежде всего на уровне личностных ценностных предпочтений.

В любом случае, в период с 1987 по 1991 г. ведущая роль в реализации студенческих общественных инициатив оставалась за структурами ВЛКСМ, и поэтому этот этап развития студенческого самоуправления в СССР – России можно назвать комсомольским.

Как известно, комсомол прекратил свое существование осенью 1991 г. В некоторых вузах еще в 1990-1991 гг. были созданы молодежные организации. Межвузовские студенческие организации, создававшиеся в большом количестве в 1992-1994 гг. и чаще всего представлявшие собой ассоциации по профессиональным интересам (например, союзы молодых историков, социологов, психологов, политологов, студентов-физиков, биологов и т.д.), не выдержали испытания временем.

Единственной массовой организацией, которая не просто сохранилась, но и завоевала в конце 1990-х годов прочные позиции в вузовской иерархии, стали студенческие профсоюзы. Уже в декабре 1991 г. была создана Российская ассоциация профсоюзных организаций студентов – РАПОС, в которую сразу вошли более 200 профсоюзных организаций отдельных вузов. Так начался новый этап развития студенческого самоуправления в вузах России, который можно назвать профсоюзным.

Именно студенческие профсоюзы взяли на себя не только вопросы социальной и правовой защиты студентов, но и такие, по большому счету, не

---

¹ Пономарев А.В., Бердников М.А. Воспитательный потенциал студенческого самоуправления в подготовке конкурентоспособного специалиста. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. С. 60.

свойственные профсоюзам функции, как организация спортивных и культурно-массовых мероприятий или научно-исследовательской деятельности студентов. А в качестве «наследства» от комсомольского периода профсоюзам досталась и воспитательная функция: явно или неявно предлагалось рассматривать профсоюз, иные студенческие организации или органы ССУ как средство формирования личности специалиста, повышения социальной активности студентов, развития студенческих инициатив.

И если в 90-е годы XX в. социально-защитная функция еще занимала значительное место в деятельности студенческих профсоюзов, то после общей экономической стабилизации в стране в начале 2000-х годов именно воспитательный аспект ССУ стал выходить на первое место. Сторонниками такого подхода были главным образом преподаватели и руководители вузов, особенно те, кто прошел «комсомольскую школу» и сам был активным студентом и комсомольцем.

Похожую позицию заняло и Министерство образования РФ. Так, в его рекомендациях по развитию студенческого самоуправления в высших и средних специальных учебных заведениях РФ, изданных в 2002 г., студенческое самоуправление определяется как «инициативная, самостоятельная и под свою ответственность деятельность студентов по решению жизненно важных вопросов по организации обучения, быта, досуга»¹.

Следует также отметить что именно в этот период студенческие профсоюзы стали бюрократизироваться, работать не на нужды всех студентов, а на узкую группу профактива, превращаясь в придаток административной структуры вуза.

По данным анкетирования 947 вузов, проведенного в 2006 г. Российским союзом молодежи, только третью студенческих профсоюзных организаций руководят сами студенты, а 51% этих организаций в вузах возглавляют представители администрации вуза².

На данный момент можно уверенно отметить, что профсоюзный этап развития ССУ заканчивается. Место профсоюзов в социальной системе вузов занимают органы общественной самодеятельности (студсоветы или др.), а сами профсоюзы чаще всего встраиваются в систему ССУ в качестве одного из ее элементов. Поэтому современный этап развития ССУ можно назвать мультиорганизационным, так как сегодня в ССУ реально участвует множество самых разнообразных студенческих общественных объединений.

© Шайхетдинов М.А., 2011.

---

¹ Письмо министра образования РФ № 15-51-68/15-01-15 от 14 июля 2003 г. «О развитии студенческого самоуправления в Российской Федерации» // Студенческое самоуправление. Из опыта территориальных организаций Российского союза молодежи. СПб., 2003. С. 23.

² От студенческого самоуправления к гражданскому обществу // Общественный молодежный журнал «Остров Надежды». 2006. № 6. С. 10.

Организация деятельности городских Советов в Башкирской АССР в 1919 – 1936 гг. (по опубликованным источникам)

Первые городские Советы возникли стихийно в дни революции 1905 – 1907 гг. К июлю 1918 г. советский аппарат управления оформился, первая Конституция РСФСР зафиксировала опыт, накопившийся на местах¹. Дальнейшее функционирование городских Советов в указанный период определялось Конституциями (Основными Законами) СССР 1924, 1936 гг. и РСФСР 1937г. и созданными на их основе нормативно-правовыми актами.

Конституция 1918 г. не называет Советы политической основой РСФСР, хотя весь государственный аппарат выступал как производный от Советов². По Конституции РСФСР 1918 г. высшим органом власти в городах являлись городские Советы, а в период между съездами Советов – исполнительные комитеты, избираемые городскими Советами. Съезды Советов созывались исполнительными комитетами в установленные Конституцией сроки. Делегаты избирались на основе многостепенных выборов открытым голосованием.

Съезды Советов рассматривали вопросы выполнения постановлений и распоряжений вышестоящих органов власти, развития хозяйства и культуры на подведомственной территории, осуществляли руководство деятельностью советских органов власти, непосредственно подчиненных им, избирали исполнительные комитеты и делегатов на вышестоящий съезд Советов. Исполнительные комитеты являлись исполнительными и распорядительными органами власти. В период между съездами Советов они рассматривали вопросы местной жизни, кроме относящихся к исключительной компетенции съездов Советов, созывали съезды Советов, руководили хозяйственной и культурной жизнью. Для руководства отдельными отраслями местного хозяйства и культуры исполнительные комитеты создавали отделы³.

Становление советских органов власти в АБСР осложнялось Гражданской войной. В этих условиях в АБСР и Уфимской губернии было объявлено военное положение и были учреждены губернский и уездные революционные комитеты. 15 мая 1919 г. был создан Белебеевский уездный ревком, 22 мая – Мензелинский, 5 июня – Стерлитамакский, 10 июня – Бирский, 14 июня – Златоустовский, 13 июня – Уфимский губернский ревком⁴. Отметим, что ревкомы не выбирались, а назначались, сосредотачивая в своих руках всю полноту гражданской и военной власти⁵.

---

¹ Пять лет власти Советов. М., 1922. С. 34.

² Кукушкин Ю. С., Чистяков О. И. Очерк истории Советской Конституции. М., 1987. С. 63.

³ Конституция (Основной Закон) РСФСР // Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 545 – 566.

⁴ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 225.

⁵ Гимпельсон Е.Г. Начальный этап складывания административно-командной системы (1918 – 1920) // Формирование административно-командной системы (20 – 30-е годы): сб. статей. М., 1992. С. 34 – 55.

По Соглашению центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии от 20 марта 1919 г. в республике не было городов, средств связи, железных дорог, которые соединяли бы ее с внешним миром. Это была так называемая Малая Башкирия¹.

29 мая 1922 г. Оргбюро ЦК РКП (б) рассмотрело вопрос об образовании партийных и советских органов Большой Башкирии. Было решено объединить Башобком и Уфимский губком во временный областной комитет партии (до областной партконференции Большой Башкирии). В отношении советских органов предлагалось сохранить БашЦИК и БашСНК во главе с их председателями, а Уфимский губисполком влить в БашЦИК². В соответствии с этим решением Всероссийский ЦИК 14 июня 1922 г. принял декрет «О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики», по которому Уфимская губерния была упразднена, территории Малой Башкирии вошли в состав Большой Башкирии. Столица республики была переведена из Стерлитамака в Уфу³.

По Постановлению Совета Рабоче-Крестьянской Обороны от 2 января 1920 г. Уфимский губернский ревком и уездные ревкомы начали упраздняться, а все их дела и имущество были переданы исполкомам соответствующих местных Советов⁴.

Переход от ревкомов к Советам являлся составной частью организации управления в нашей стране. Подготовка условий для выборов в Советы была одной из первостепенных задач, стоящих перед ревкомами⁵. Они разрабатывали инструкции по работе избирательных комиссий, которые занимались составлением списков избирателей и т.д. Ревкомы в соответствии с действующей Конституцией 1918 г. особое внимание обращали на то, чтобы в списки не попадали лица, лишённые избирательных прав.

Таким образом, при организации горсоветов произошел отход от демократических начал, присущих представительным органам власти. Чрезвычайные органы управления – ревкомы – директивно руководили процессом складывания государственной власти в городах. Созданные в 1919 – 1921 гг. горсоветы унаследовали от ревкомов чрезвычайные черты управления. Оперативность в принятии решений, необходимая в военных условиях, не подходила для детального рассмотрения вопросов и решения проблем жизнеобеспечения городов в мирное время.

Основным в деятельности отделов управления после Гражданской войны было восстановление советской власти на местах, организация и наблюдение за правильным функционированием советского

---

¹ Соглашение центральной Советской власти с Башкирским правительством о Советской Автономной Башкирии от 20 марта 1919 г. // Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики : сб. документов и материалов. Уфа, 1959. С. 227 – 232.

² *Касимов С. Ф.* Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917 – 1925 гг.). Уфа, 1997. С. 217 – 218.

³ ЦГАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11. Л. 89.

⁴ *Бугай Н. Ф.* Чрезвычайные органы советской власти: ревкомы. 1918 – 1921 гг. М., 1990. С. 137.

⁵ *Лепешкин А. И.* Советы – власть трудящихся. 1917 – 1936. М., 1966. С. 231.

государственного аппарата и информирование местных властей о действиях, распоряжениях и указаниях вышестоящих органов власти. Для этого отделы имели специальный штат инструкторов-организаторов советской власти на местах и инструкторов-ревизоров, проверяющих деятельность государственного аппарата¹. Количество инструкторов в отделах в силу различных обстоятельств (мобилизации на фронт, на продовольственную работу, на борьбу с тифом и т. д.) постоянно колебалось. Так, по данным на 1 октября 1919 г. в Уфимской губернии работало 46 инструкторов, из них 31 состоял в штате губернского отдела управления, по три человека в Стерлитамакском, Бирском, Белебеевском, Мензелинском и Златоустовском уездных отделах управления². Этого количества инструкторов было недостаточно для ведения организационной и информационной работы.

Если городские Советы в Малой Башкирии и Уфимской губернии в 1919 – 1920 гг. существовали повсеместно, то не все они имели свои исполкомы. Их исполнительным органом с конца 1919 – начала 1920 г. был уездный исполком, который избирался на совместном заседании уездного съезда Советов и горсоветов. Таким образом экономились силы и средства³. Подобная практика была санкционирована Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД). Это также явилось грубым нарушением конституционных принципов.

Отметим, что НКВД считал нецелесообразным объединение горисполкомов с губисполкомами. Слияние исполкомов по типу уездных городов допускалось только в редких случаях – в губернских городах с непролетарским населением. В 1919 г. это произошло в г. Уфе, в самый напряженный период Гражданской войны⁴.

Следующим шагом в юридическом оформлении статуса горсоветов до принятия первой Конституции СССР 1924 г. послужили Постановление Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г. «Об организации горсоветов рабочих и крестьянских депутатов», циркулярное письмо ВЦИК от 10 марта 1921 г. «О работе горсоветов» и Положение о Советах губернских, уездных и заштатных городов и поселков городского типа от 26 января 1922 г., утвержденное ВЦИК. Согласно этим нормативно-правовым актам горсоветы избирались сроком на один год. Досрочные перевыборы допускались только в двух случаях: 1) когда по этому поводу имелось специальное решение вышестоящих органов; 2) когда из состава Совета выбыло не менее одной трети депутатов⁵.

Таким образом, Постановлением Президиума ВЦИК от 8 февраля 1921 г., циркулярным письмом ВЦИК от 10 марта 1921 г. и Положением ВЦИК от 26 января 1922 г. определялось место горсоветов в общей системе органов власти, устанавливался порядок их избрания, основные вопросы

¹ VII Всероссийский съезд Советов: стеногр. отчет. М., 1920.

² Ганеев Р. Г. Советы Башкирии в 1919 – 1920 гг. (по материалам Уфимской губернии). Уфа, 1961. С. 20.

³ ЦГАООРБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 387. Л. 178 – 179.

⁴ Иванов С. С., Шафир М. А. Местные органы государственной власти и управления // Советское государство и право в период строительства социализма (1921 – 1935 гг.). М., 1968. Кн. вторая.

⁵ Козлова Е. И. Исполнительные комитеты городских Советов. М., 1960. С. 232.

компетенции и структура аппарата. Большое внимание уделялось также вопросам организации работы исполкомов и их аппарата, так как от слаженности всех его звеньев во многом зависел успех практической деятельности местных Советов¹.

Положение о губернских съездах Советов и губисполкомах устанавливало, что губисполкомы созываются на очередные заседания (пленумы) не реже одного раза в месяц и проводят сессионные заседания не реже трех раз в год. Таким образом, законодательно закреплялась новая форма работы губисполкомов – сессия исполкома².

В Положении устанавливался четкий порядок подчиненности и подотчетности исполкомов нижестоящих Советов вышестоящим исполкомам. Были определены основные задачи и права исполкомов: руководство всей текущей деятельностью президиумов исполкомов и отделов (там, где таковые имелись); проведение в жизнь законов, постановлений и распоряжений вышестоящих органов государственной власти; охрана революционного порядка и государственной безопасности в пределах подведомственной территории; руководство деятельностью всех находящихся на территории Совета государственных учреждений, непосредственно ему подчиненных, и т. д.

По положению о горсоветах они избирали президиумы в составе трех человек: председатель, заместитель (он же заведующий отделом управления) и секретарь президиума. Основной задачей президиумов являлось проведение в жизнь постановлений своих исполкомов и вышестоящих органов, а также направление и объединение деятельности подведомственных исполкомам учреждений и организаций, расположенных на территории горсоветов.

24 октября 1925 г. ВЦИК РСФСР утвердил новое Положение о горсоветах, которое предусматривало: а) значительное расширение их компетенции, особенно в области руководства местной промышленностью и коммунальным хозяйством; б) дальнейшую демократизацию форм и методов работы горсоветов и, в частности, повышение роли их пленумов и депутатов; в) улучшение организационно-массовой работы Советов³. Ранее действовавшее Положение 1922 г. не предусматривало создания при горсоветах специальных исполнительных и распорядительных органов, в связи с чем осуществление их функций было возложено на президиумы соответствующих губернских и уездных исполкомов. Новое Положение о горсоветах устанавливало создание при них исполнительных органов. Положение 1925 г. уделяло много внимания порядку и принципам организации исполнительных органов горсоветов. Оно предусматривало избрание горсоветом из своего состава председателя Совета и президиума Совета в количестве не менее 11 человек для руководства текущей работой в области хозяйства и управления. В составе отделов губернского и уездного

---

¹ СУ РСФСР. 1922. № 4. Ст. 44.

² СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 661 – 662.

³ СУ РСФСР. 1925. № 91. Ст. 661 – 662.

исполкомов Положением предусматривалось создание специальных частей или отделений для руководства соответствующими отраслями хозяйственного и культурного строительства в городе, которые работали по особым сметам и планам, входившим в общий план и бюджет горсоветов.

В целях «улучшения государственного аппарата» Президиум ЦИК СССР издал Основные положения об организации в СССР горсоветов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов¹. Этот документ установил единые для всей страны основы организации и деятельности горсоветов и в целом повторял содержание предыдущих нормативно-правовых актов.

В «Основных итогах работы правительства СССР», опубликованных к перевыборам Советов 1928 – 1929 гг., говорилось, что в целях дальнейшего укрепления и развития деятельности горсоветов Президиум ЦИК СССР издал закон об основных положениях организации в СССР горсоветов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. В этом законе помимо расширения общих прав горсоветов были детализированы бюджетные основы их деятельности².

Основные положения об организации горсоветов предусматривали возможность формирования в городах с населением свыше ста тысяч жителей районных Советов (выборы в которые должны были производиться отдельно от выборов в горсоветы). Так, в г. Уфе в соответствии с законом были образованы райсоветы: вначале три – Ленинский, Сталинский и Кировский, а затем два новых, помимо существующих, – Молотовский и Ждановский³.

В развитие Основных положений об организации горсоветов ВЦИК и СНК РСФСР издали Постановление от 30 октября 1929 г. «О городских Советах городов, не являющихся центрами краевых и областных объединений, и об их взаимоотношениях с краевыми и областными органами власти»⁴, которое уточнило компетенцию указанных Советов. ВЦИК и СНК РСФСР предусматривали создание при горисполкомах не только коммунальных отделов, но и финансовых отделов, отделов труда, торговли, народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, а при президиумах горсоветов – секретариата, в состав которого входили инструкторы по организационно-массовой работе.

В 1933 г. было издано новое Положение о горсоветах РСФСР, которое предусматривало организацию работы их пленумов и секций с вовлечением широких масс населения. Для этого Положение предусматривало проведение пленумов Совета по возможности на фабриках, заводах, в клубах профсоюзов и т.д. Положение о горсоветах 1933 г. в отличие от Положения 1925 г. содержало перечень вопросов, которые относились к исключительной компетенции пленумов горсоветов. Оно устанавливало, что пленум горсовета

---

¹ СЗ СССР. 1928. № 10. Ст. 86.

² Основные итоги работы правительства СССР. К перевыборам Советов. 1928 – 1929 гг. М., 1928. С. 34.

³ ЦГАООРБ. Ф. 122. Оп. 18. Д. 1. Л. 32 – 33.

⁴ СУ РСФСР. 1929. № 80. Ст. 784.

обязательно рассматривает: план хозяйственного и социально-культурного строительства; городской бюджет и отчет по его исполнению; вопросы заключения займов; проект общей перепланировки города; план работы горсовета; отчет о деятельности президиума горсовета; доклад мандатной комиссии горсовета о результатах проверки полномочий депутатов горсовета; доклад о выполнении наказов избирателей¹.

Большое значение для улучшения организационно-массовой деятельности горсоветов имело постановление Президиума ЦИК СССР от 8 февраля 1928 г. «Основные положения об организации в Союзе ССР горсоветов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов»². «Основные положения» закрепляли число и наименования секций, которые создавались в обязательном порядке при каждом горсовете. К ним относились секции: коммунального хозяйства, финансово-бюджетная, народного образования, здравоохранения, торгово-кооперативная и Рабоче-Крестьянская инспекция.

В директиве ВЦИК от 7 января 1929 г. «О массовой работе горсоветов» санкционировалось образование депутатских групп. Процесс их создания развивался особенно интенсивно после выборов в Советы в 1930 – 1931 гг. Депутатские группы рассматривали устные и письменные предложения о работе горсоветов и его органов, давали разъяснение и справки по вопросам, связанным с деятельностью горсоветов.

В связи с расширением деятельности местных органов государственной власти по благоустройству городов возникают уличные и квартальные комитеты. Основное содержание их деятельности составляли вопросы благоустройства городов и улучшения работы их коммунальных предприятий.

Дальнейшее юридическое оформление горсоветов связано с принятой 5 декабря 1936 г. Конституцией СССР. Она преобразовала Советы рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Советы депутатов трудящихся³.

До введения в действие Основного закона СССР 1936 г. полномочия делегатов, избранных на тот или иной съезд Советов, прекращались после окончания его работы. Делегаты не могли оказывать активного влияния на ход государственных дел. По Конституции СССР 1936 г. депутаты Советов сохраняли свои полномочия на весь срок избрания данного Совета и в отличие от делегатов съездов Советов вели большую государственную работу и в период между сессиями. Советские конституции 1918 г., 1924 г. и изданные на их основе избирательные инструкции предусматривали лишение некоторых категорий граждан права участия в выборах и права быть избранными в горсоветы. Конституция СССР 1936 г. ввела всеобщее избирательное право. По Конституции 1936 г. выборы стали не только всеобщими, но и равными. Первые советские конституции закрепляли

---

¹ СУ РСФСР. 1933. № 29. Ст. 103.

² СЗ СССР. 1928. № 10. Ст. 86.

³ Конституция (Основной закон) Союза ССР // Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик: сб. документов. 1922 – 1956 гг. М., 1960. Т. 3. С. 236 – 245.

некоторое неравенство в избирательных правах между рабочими и крестьянами при выборах делегатов на съезды Советов. Так, статья 25 Конституции РСФСР 1918 г. устанавливала нормы представительства на Всероссийский съезд Советов от горсоветов – один делегат от 25 тысяч избирателей, а от губернских съездов Советов – один делегат от 125 тысяч населения. Одновременно выборы в горсоветы, как и по предыдущим документам, остаются прямыми, однако открытое голосование заменяется тайным. Существенные изменения затронули процедуру голосования при выборах в представительные органы власти. Ранее выборы организовывались по производственно-территориальному принципу. Положения о выборах в Советы депутатов трудящихся полностью упразднили производственный принцип выборов, распространив действие территориального принципа на все звенья представительной системы. С 1936 г. все советские избиратели участвовали в выборах только по месту постоянного или временного жительства.

Таким образом, горсоветы, с одной стороны, были самыми низовыми звеньями управления, проводили в жизнь решения вышестоящих органов государственной власти в городах, с другой стороны, являлись представительными органами, решали вопросы местного значения.

По сложившимся и действовавшим конституционным принципам в стране горсоветы обладали значительными полномочиями, в том числе и законодательными. Однако уже с середины 1920-х гг., обладая всеми указанными выше правами и полномочиями, Советы фактически выводятся с политической арены. Демократизм местных Советов был сведен к формальным процедурам, а исполнительный аппарат постепенно выходил из-под контроля Советов. Управление в Советах перешло сначала к их исполкомам, затем к президиумам исполкомов, наконец, сами президиумы исполкомов оказались в полном подчинении партийных органов. Через горсоветы проводились в жизнь директивы вышестоящих партийных органов. Власть была сосредоточена в руках партийной номенклатуры, хотя формально издавалось огромное количество законов с формулировкой «о дальнейшем усилении роли Советов в ...».

В городах Башкирской АССР традиции местного самоуправления отсутствовали, поскольку большинство из них возникло в советский период. Таким образом, Советы явились предложенной государством и единственно возможной формой самоуправления для городского населения республики. Становление и развитие городских Советов происходило под давлением городских и областного партийных комитетов. В целом это предопределило преимущественное обращение населения за помощью в решении проблем не к городским Советам, а к партийным органам

Якупова С.В.

Факторы формирования интолерантности и толерантности в студенческой среде

Расширение международных контактов на рубеже XX и XXI веков, мировые тенденции глобализации во многом зависят от молодого поколения, аккумулятором жизненных позиций которой является студенчество. Именно студенчество призвано адекватно и грамотно осуществлять межкультурное сотрудничество с представителями различных национальностей.

Не только в России, но и далеко за ее пределами нередки случаи межэтнических конфликтов, проявления ксенофобии. Нетерпимость к инаковости, оскорбление национальных чувств, ущемление национального достоинства личности, непонимание проблем людей, принадлежащих другим конфессиям, незнание большинством граждан страны культуры других народов и неумение подобрать адекватную и корректную форму поведения в повседневном общении доказывают насущную потребность рассмотрения факторов формирования интолерантности и толерантности в современном социуме.¹

При рассмотрении факторов формирования интолерантности в студенческой среде, выделим следующие:

- исторически сложившиеся стереотипы по отношению к определенной национальности. Любой стереотип выполняет функцию упрощения, дает одностороннее, неточное, искаженное знание о действительности, отчего она представляется не вполне адекватно. Можно привести пример со сложившейся ситуацией вокруг чеченцев. Во время войны в Чечне была развернута активная информационная компания, которая была направлена против боевиков, террористов в Чечне, однако легко переносилась в массовом сознании на всех чеченцев. С тех пор уровень недоверия к Чечне и чеченцам растет;

- негативное мнение о какой-либо народности, вытекающее из личного опыта неприятного общения с некоторыми из них;

- человеческий фактор: зависть к чужому успеху, социальному и материальному положению. Например, в некоторых секторах экономики преобладают этнические меньшинства, которые занимаются торговлей, малым предпринимательством, вследствие этого возникает интолерантное отношение к данной категории лиц;

- негативное мнение о какой-либо народности, навязанное членами семьи в процессе воспитания и становления личности;

- низкий уровень образования и интеллектуального развития, нежелание изучать историю, культуру, быт народов;

---

¹Бурькина В.Г., Игнатова И.Б. Психолого-педагогические условия формирования готовности российских и иностранных студентов к межкультурному сотрудничеству. Белгород, 2010

- некорректное содержание рекламных плакатов, роликов, телепередач оскорбляющие национальные чувства;

- несовершенство политического аппарата, т.е. ошибки, допущенные на уровне государственного управления, повлекшее за собой конфликт. Государство является ответственным в построении этнокультурных отношений. Последовательности законодательных актов, способствующих этому, по нашему мнению, нет. Есть лишь отдельные законы. Нет общего основания для этнокультурного развития страны. Государство самоустранилось, не имея законодательной базы, от такой работы, как воспитание молодого поколения в духе солидарности и укрепления гражданского мира. Также необходимо выделить высказывания авторитетных политических деятелей, которые имеют националистическую негативную окраску, влияющие на умы и души молодых людей.

Данные факторы – это всего лишь часть большого комплекса проблем, приводящих к интолерантному поведению и отношению.

Обратимся к факторам формирования толерантности:

- внедрение в систему общего и высшего образования этнологических знаний, разработка программ и курсов, способствующих воспитанию культуры межэтнического общения¹. Безусловно, изучение таких дисциплин как этнология, краеведение, страноведение, география позволяют расширить кругозор и дает определенную возможность решению задач этнокультурной направленности;

- создание культурных комплексов, туристских программ, позволяющих изучить быт и культуру населяющих данную территорию народов. Например: культурный комплекс «Национальная деревня» в городе Оренбург;

- проведение студенческих спортивных, культурных мероприятий, семинаров, форумов, вечеринок, связанных с вопросами о межкультурном сотрудничестве или культурой определенного народа. Например: «Дни Японии в Оренбургском государственном университете», «Дни немецкой культуры», «Дуслар-party», «Kazakh-party» и т.д.;

- интеграция культур вследствие совместного проживания или обучения;

- память об историческом прошлом, о едином государстве (СССР);

- осуществление программ международного обмена студентов в рамках сотрудничества между университетами;

Теоретические размышления можно подкрепить практическими наблюдениями в результате проведенного анкетирования. Выявленные данные выступают частично доказательствами существующей в студенческой среде напряженной ситуации, связанной с национальным вопросом.

Для проведения опроса нами было выделено две группы студентов. В первую группу вошли представители славянских народов. Во вторую группу

---

¹ Толерантность в межконфессиональном и межэтническом взаимодействии. Оренбург, 2005. С.187.

– студенты, имеющие тюркское происхождение (казахи, татары, башкиры). Данным группам были заданы совершенно разные вопросы, для того, чтобы выявить отношение их друг к другу, а также весомость перечисленных нами выше факторов формирования толерантности и интолерантности.

Осветим наиболее важные вопросы и их результаты.

На вопрос «Имеете ли Вы желание изучить культуру, историю, быт народов, населяющих Оренбургскую область» отрицательный ответ в I группе дало 72%, во II группе – 60%. Можно сделать вывод, что большая часть студентов не интересуется данным вопросом, из этого возникает непонимание между представителями разных народов.

На вопрос «Если бы произошло массовое столкновение между славянскими и тюркскими народами и Ваши знакомые позвали бы Вас принять участие в данном действии, то что бы Вы предприняли?». В I группе согласились без раздумья 24%, во II группе 48%. Это говорит о том, что существует риск конфликта на межнациональной почве.

Результат вопроса «Россия для русских?» показал, что в I группе согласны с этим выражением 4%, во II группе все 100% не согласны с этим выражением.

Таким образом, кратко характеризуя результаты данного опроса, можно сделать вывод, что в Оренбургской области, которая является приграничным регионом и издавна считается территорией проживания разных народов, существует реальная угроза роста интолерантности в студенческой среде. При этом наиболее важными факторами формирования интолерантности являются стереотипы, последствия воспитания и нежелания изучать историю, культуру и быт разных народов.

В заключение важно отметить, что в 2005, 2008, 2011 годах проходили массовые опросы студентов Оренбургского Государственного Университета, по окончании которых стало ясно, что стабильно 20–30% респондентов испытывают негативное отношение к представителям к какой-либо нации. То есть, уровень толерантности в студенческой среде нельзя назвать высоким¹.

А ведь сегодняшние студенты – это будущее нашей многонациональной Родины, а мирное оно будет или нет, зависит во многом от толерантности друг к другу.

© Якупова С.В., 2011.

---

¹ Толерантность в межконфессиональном и межэтническом взаимодействии. Оренбург, 2005. С. 189.

Сведения об авторах

Алжейкина Галина Владимировна – к.п.н., доцент Чувашского государственного института культуры и искусств.

Аминова Эльвира Тагировна – соискатель Социально-гуманитарного института Бирской государственной социально-педагогической академии.

Ахатов Альберт Тагирович – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Ахмадуллин Вадим Кадимович – ассистент Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.

Ахмедьянова Алина Халиловна – соискатель Учалинского филиала Башкирского государственного университета.

Баймухаметова Гузель Рахимьяновна – к.и.н., ведущий-эксперт отдела статистики населения и здравоохранения Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

Батыршин Азат Рафаилович – аспирант Башкирского государственного университета.

Вафина Зия Алфировна – магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Воробьева Светлана Леонидовна – аспирант Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Габдрафикова Лилия Рамилевна – с.н.с. Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Галина Лейсан Ильгизовна – к.и.н. старший преподаватель Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.

Голубенкова Ольга Вячеславовна – магистрант Института исторического и правового образования Башкирского государственного педагогического университета.

Горбачев Алексей Александрович – соискатель Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Егоров Дмитрий Владимирович – к.и.н., доцент Чувашского государственного университета.

Ильясов Тимур Тагирович – к.и.н., к.и.н., ассистент Башкирского государственного университета.

Исмаилова Гульнара Шавкатовна – к.и.н., старший преподаватель Башкирской академии управления при Президенте РБ.

Исхаков Рафаиль Лутфуллович – к.фил.н., доцент Уральского государственного университета.

Исянгулов Шамиль Наилевич – к.и.н., с.н.с. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Камалеев Эльвир Венерович – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Колонских Александр Геннадьевич – студент Нефтекамского филиала Башкирского государственного университета.

Куфтерин Владимир Владимирович – ассистент Башкирского государственного педагогического университета.

Максимова Ольга Николаевна – к.пол.н., с.н.с научно-исследовательской части Оренбургского государственного аграрного университета.

Маннапов Марсель Муратович – к.и.н., н.с. Института истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Масалимов Рияз Ниязович – к.и.н., доцент Социально-гуманитарного института Бирской государственной социально-педагогической академии.

Медведев Владислав Валентинович – ассистент Магнитогорского государственного университета.

Морозов Андрей Викторович – к.и.н., доцент Казанского национального исследовательского технологического университета.

Мухаметзянова-Дуггал Регина Массаровна – к.пол.н., н.с Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Овчинников Александр Викторович – к.и.н., доцент Казанского национального исследовательского технологического университета.

Полянина Ольга Анатольевна – к.и.н., старший преподаватель Башкирской академии комплексной безопасности предпринимательства при Башкирском государственном университете.

Салимьянов Рузель Фаритович – к.и.н., ассистент Башкирского государственного университета.

Самситдинов Ильфат Закиевич – к.и.н., ассистент Уфимского государственного авиационного технического университета.

Тамимдарова Рида Раисовна – аспирант Башкирского государственного университета.

Тарасова Татьяна Владиславовна – специалист-эксперт отдела статистики населения и здравоохранения Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Башкортостан.

Тюняев Андрей Александрович – заведующий сектором Института древнеславянской и древнеевразийской цивилизации.

Фатхутдинова Айгуль Ильясовна – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Фомин Эдуард Валентинович – к.фил.н., доцент Чувашского государственного института культуры и искусств.

Хабибуллин Алмаз Наилевич – аспирант Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан.

Хабибуллина Зия Рашитовна – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Халитова Наиля Надыровна – старший преподаватель Казанского государственного университета культуры и искусств.

Хасанова Зифа Фаритовна – м.н.с. Института этнологических исследований УНЦ РАН.

Чернова Татьяна Анатольевна – преподаватель Троицкого филиала Челябинского государственного университета.

Шайхетдинов Максим Александрович – аспирант Башкирского государственного педагогического университета.

Шаяхметова Ирина Зуфаровна – к.и.н., доцент Башкирского государственного университета.

Якупова Светлана Викторовна – студентка Оренбургского Государственного Университета.

Содержание

<i>Алжейкина Г.В.</i> Самодеятельное искусство Чувашии в годы Великой Отечественной войны....3	3
<i>Аминева Э.Т., Масалимов Р.Н.</i> Идейно-духовные корни башкирского молодёжного движения.....11	11
<i>Ахатов А.Т.</i> Развитие охоты у курганских башкир во второй половине XVIII – начале XX вв.....15	15
<i>Ахмадуллин В.К.</i> Башкирская интеллигенция конца XIX – начала XX вв.....22	22
<i>Ахмедьянова А.Х.</i> Роль шежере в восстановлении истории села Ахуново Учалинского района Республики Башкортостан.....26	26
<i>Баймухаметова Г.Р., Тарасова Т.В.</i> Тенденции развития этносоциальной структуры населения Республики Башкортостан.....32	32
<i>Батыршин А.Р.</i> История проектирования и подготовки строительства железной дороги Уфа-Оренбург в начале XX в.....36	36
<i>Вафина З.А.</i> Структура населения северо-западного региона Республики Башкортостан по материалам переписей 1989 и 2002 гг.....38	38
<i>Воробьева С.Л.</i> К вопросу о происхождении колоколовидных и котловидных подвесок карабызской культуры.....44	44
<i>Габдрафикова Л.Р.</i> Роль звукозаписи в становлении татарской буржуазной культуры (конец XIX – начало XX веков).....49	49
<i>Галина Л.И.</i> Динамика изменений оплаты труда в колхозах Башкортостана в 1950-е - 1980-е годы.....55	55

<i>Голубенкова О.В.</i> Проблема этнического самосознания мордовского народа на современном этапе.....	60
<i>Горбачев А.А.</i> Некоторые особенности создания национальной системы образования в республике в постсоветский период (1990 – 1999 гг.).....	64
<i>Егоров Д.В.</i> Культ огня в контексте правовой культуры чувашей.....	67
<i>Ильясов Т.Т.</i> Башкирский традиционный музыкальный инструмент курай: опыт полевого исследования.....	73
<i>Исмагилова Г.Ш.</i> Развитие школьного образования Зауралья Башкортостана в годы Великой Отечественной войны.....	76
<i>Исхаков Р. Л.</i> Миф «Жир-һыу (су)» как основа геополитической идеологии «Идель-Урал».....	79
<i>Исянгулов Ш.Н.</i> К вопросу о титуле «Богра-хан» в Башкортостане или пережитки культа верблюда у башкир.....	85
<i>Камалеев Э.В.</i> Святые места мусульманских народов на севере Республики Башкортостан....	92
<i>Колонских А.Г.</i> Бедняк – штурмовик коллективизации.....	96
<i>Куфтерин В.В.</i> К истории палеоантропологического изучения населения эпохи бронзы Башкирского Приуралья.....	99
<i>Максимова О.Н.</i> Модель формирования этнополитической культуры населения в современном российском регионе (на примере Оренбургской области).....	102
<i>Маннапов М.М.</i> Документы Государственного Архива Астраханской области как ценные источники по изучению истории башкир.....	109

<i>Медведев В.В.</i>	
Строительные материалы и конструкции жилищ чувашей Башкирии (вторая половина XIX – начало XX века).....	111
<i>Морозов А.В.</i>	
«А попробуй полазий без родственных связей»: феномен протекционизма при трудоустройстве безработных в период нэпа в Татарстане.....	118
<i>Мухаметзянова-Дуггал Р.М.</i>	
Секуляризм в России и Индии: теоретический и практический аспекты.....	127
<i>Овчинников А.В.</i>	
Ещё раз о проблеме «национальных республик».....	133
<i>Полянина О.А.</i>	
По делам службы: Рабочие командировки земских служащих уфимской губернии.....	144
<i>Салимьянов Р. Ф.</i>	
Развитие рудоискательства башкир Сибирской дороги в XVIII в.....	149
<i>Самситдинов И.З.</i>	
Деятельность Белорецкого городского Совета накануне и в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).....	157
<i>Тамимдарова Р.Р.</i>	
К вопросу о семантике бус средневекового населения Южного Приуралья...	162
<i>Тюняев А.А.</i>	
Связи Урало-Поволжского этапа Северного шёлкового пути периода раннего железного века и раннего средневековья.....	168
<i>Фатхутдинова А.И.</i>	
Речевая деятельность населения республики в бытовой и производственной сферах в зеркале этносоциологических исследований.....	175
<i>Фомин Э.В.</i>	
Чувашское книгоиздание старописьменного периода: характеристика книжного потока.....	179
<i>Хабибуллин А.Н.</i>	
«Кочевая» фортификация тюрко-татар (к вопросу о мобильной фортификации кочевников).....	182

<i>Хабидуллина З.Р.</i> Становление современного исламского духовенства в Республике Башкортостан.....	185
<i>Халитова Н. Н.</i> Геометрические орнаменты кочевого стиля и их отголоски в татарской архитектуре.....	189
<i>Хасанова З.Ф.</i> Лесные промыслы у башкир инзерского бассейна в середине XIX - начале XX вв.....	193
<i>Чернова Т.А.</i> Ментальные аспекты русско-башкирских конфликтов середины XVI – середины XVIII вв.....	198
<i>Шайхетдинов М.А.</i> Развитие студенческого самоуправления в высших учебных заведениях Российской Федерации (1987-2007 гг.).....	204
<i>Шаяхметова И. З.</i> Организация деятельности городских Советов в Башкирской АССР в 1919 – 1936 гг. (по опубликованным источникам).....	208
<i>Якупова С.В.</i> Факторы формирования интолерантности и толерантности в студенческой среде.....	215

Для заметок

Для заметок

ЭТНОСЫ И КУЛЬТУРЫ
УРАЛО - ПОВОЛЖЬЯ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Материалы V Всероссийской
научно-практической конференции молодых ученых
Уфа, 20 октября 2011 г.

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Т. Ахатова, Э.В. Камалеева

Подписано в печать 18. 10. 2011 г. Бумага «Снегурочка».
Гарнитура Time New Roman. Усл. печ. л. 19,06.
Тираж 100 экз. Заказ № 010-4.

Отпечатано на множительном участке
Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
450077, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: cesmaeok@anrb.ru

